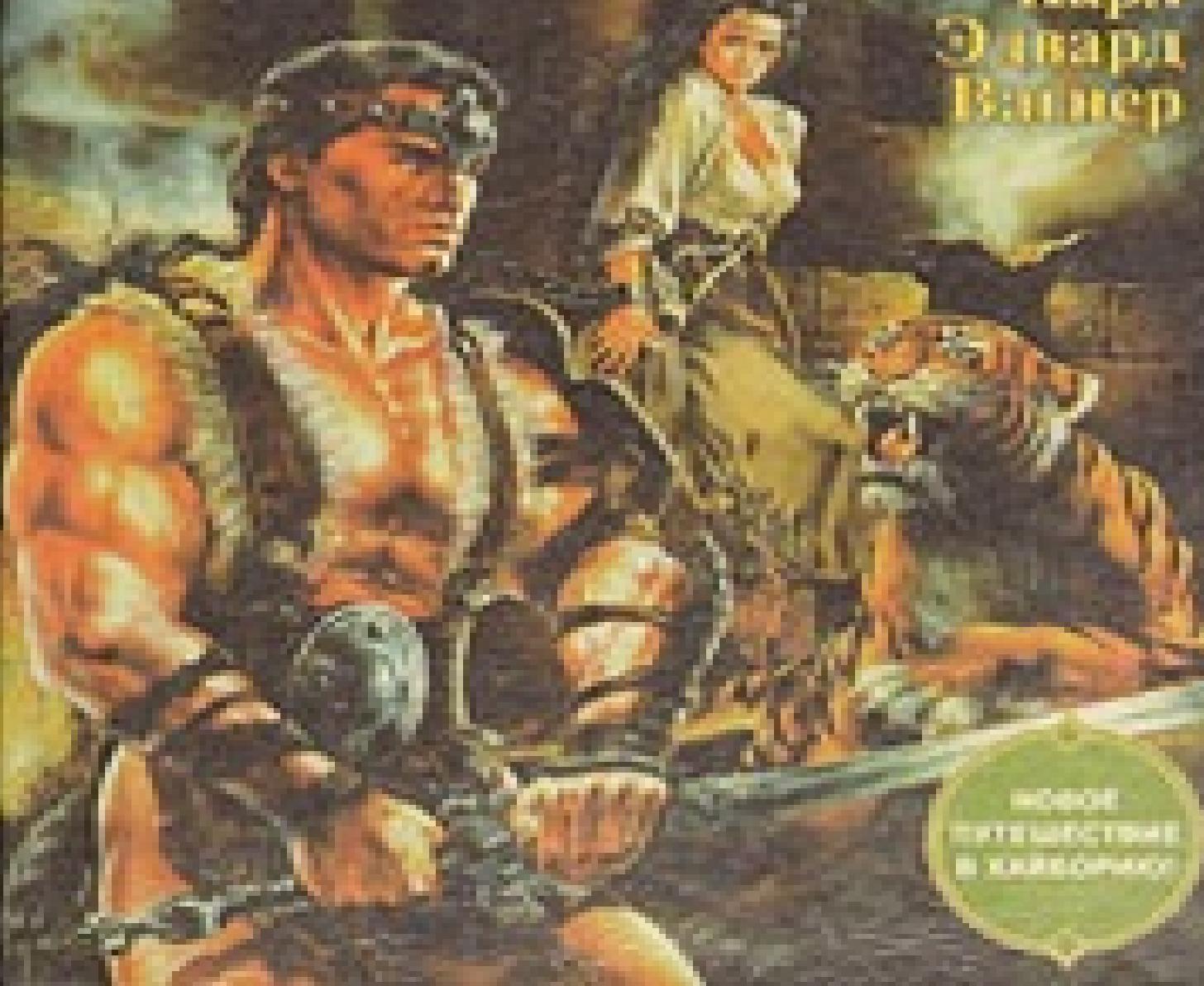


САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

ПЕРЕЛ
ИМПЕРИЙ

Джон
Маллохс
Робертс
Карл
Эвард
Вайннер



Издательство
«Иностранная литература»
в электронном формате

Annotation

Будучи наемником в армии короля Зингары, Конан убил в поединке местного офицера и был приговорен к повешению. Однако в день его казни мятежники, обитающие в Преисподней Кордавы — развалинах старого города — спасая одного из своих, избавили от смерти и варвара-киммерийца. Чувствуя себя в долгу перед спасителями и к тому же не представляя, что делать дальше, Конан присоединяется к бунтовщикам, к которым как раз обратился стигийский колдун Каллидиос, предложивший свою помощь в свержении короля.

Азбука, Терра, 1996 год Сага о великом воителе "Пепел империй"
Карл Эдвард Вагнер. Дорога Королей (роман, перевод Г. Корчагина), с.
301-490

- [Карл Вагнер](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [Глава 1.](#)
 - [Глава 2.](#)
 - [Глава 3.](#)
 - [Глава 4.](#)
 - [Глава 5.](#)
 - [Глава 6.](#)
 - [Глава 7.](#)
 - [Глава 8.](#)
 - [Глава 9.](#)
 - [Глава 10.](#)
 - [Глава 11.](#)
 - [Глава 12.](#)
 - [Глава 13.](#)
 - [Глава 14.](#)
 - [Глава 15.](#)
 - [Глава 16.](#)
 - [Глава 17.](#)
 - [Глава 18.](#)
 - [Глава 19.](#)
 - [Глава 20.](#)

Карл Вагнер

Дорога королей (Конан-мятежник)

"Война - отец всего сущего. Одних она делает богатыми, другим дарит свободу, а остальных превращает в рабов".

Гераклит.

ПРОЛОГ

Ледяное безмолвие и сверкающая, как алмаз сталь.

Тусклый свет играл зловещими бликами на клинках двух соперников, а вокруг них горели не менее безжалостные и холодные глаза. Резкое движение и шаги скрестились, нарушив тишину лязгом разгневанной стали. И снова воцарилась тишина, в которой было слышно только хриплое дыхание противников и азартное сопение зрителей. Изредка слышался приглушенный шепот. Затем лезвия опять с лязгом скрестились. Казалось сама Смерть балансирует на кончике каждой шпаги, терпеливая и безжалостная.

Один из соперников, старше по возрасту, вел себя более агрессивно. Судя по тому, с какой легкостью он наносил и отражая удары, было видно, что ему не впервые держать в руке шпагу. Его красивое лицо было изборождено несколькими боевыми шрамами, а в густых черных волосах и аккуратно подстриженной бородке виднелись седые пряди. Однако, приглядевшись, можно было заметить, что шрамы эти старые, и прошло уже немало лет с тех пор, когда шпага соперника касалась его лица. Ярко-красный камзол и вельветовые штаны прекрасной выделки плотно облегали стройную, мускулистую фигуру старого ветерана, а горделивая осанка и длинная шпага придавали ему довольно внушительный вид.

На его правом рукаве сверкала двойная звезда капитана королевской армии Зингара, а поверх нее прикреплен черный орел - знак принадлежности к гвардейцам Корста, одному из самых привилегированных воинских подразделений.

Второй участник кровавого поединка был, почти что, вдвое моложе своего соперника. Тем не менее он не уступал в искусстве фехтования сорокалетнему ветерану королевской гвардии. Он был выше своего противника, чей рост достигал шести футов, и плотнее. Его мощный торс покрывал равномерный загар, испещренный многочисленными шрамами: глубокими, полученными в сражениях, и мелкими, нанесенными соперниками во время учебных боев и тренировок. Мягкая грива черных волос обрамляла его гладко выбритое лицо, а в голубых глазах светился гнев. На юноше были кожаные штаны, какие носят северные варвары, а длинная шпага казалась игрушечной в его огромной ладони.

Они находились в кругу, образованном тесно сгрудившимися

солдатами, жаждущими не пропустить ни одного мгновения этого захватывающего зрелища. Большинство из них носили ярко-красные и золотые цвета зингаранской королевской армии и знак орла, говорящий об их принадлежности к гвардии Корста. Среди них были и воины других подразделений, а кое-где попадались люди в самых неописуемых одеждах - солдаты-наемники. Очевидно, к ним принадлежал и младший из дуэлянтов. Поединок происходил в казарме, кровати были сдвинуты к стенам, чтобы освободить место для дерущихся.

Подобные поединки не были редкостью в королевской армии. Каждый удачный выпад зрители сопровождали одобрительными возгласами или оскорбительными криками, заключались безумные пари, слышались отборные ругательства. Но по мере того, как напряжение поединка стало достигать своего апогея, выкрики смолкли и в казарме воцарилась гробовая тишина. Подавшись в нетерпении вперед, зрители чутко реагировали на каждый вздох и ждали... ждали развязки. Силы обоих соперников были уже на исходе, и теперь каждый выжидал в надежде, что его противник допустит какую-нибудь оплошность.

Обе шпаги уже попробовали крови. Капитан получил удар в предплечье, а его молодой соперник был серьезно ранен в левое плечо и, казалось, не мог владеть этой рукой. Помимо этого юноша имел еще две мелких царапины на левом боку, и эти ранения не могли не сказаться на его реакции.

Вид крови вызвал на лице капитана едва заметную улыбку. Его ноздри раздувались в предвкушении убийства, и он все продолжал усиливать свой натиск.

Юноша не улыбался, и только в глазах его по-прежнему горел гнев. В его движениях не чувствовалось боли и усталости.

Опять лезвия скрестились с ужасающим лязгом и разошлись, чтобы скреститься снова. Капитан непрерывно атаковал и во время очередного выпада он неожиданно резким круговым движением обвел шпагу соперника и нанес ему глубокую рану в бедро.

Юноша дико вскрикнул от резкой боли. Его ноги подкашивались. Он шатался, с трудом стараясь выпрямиться. Его ответные удары были слабыми и неловкими.

Долгая схватка приближалась к своему финалу. Зрители с горящими глазами следили за происходящим. Чувствуя на себе их взгляды, офицер решил покончить со своим беспомощным противником эффектным, коронным ударом - не глядя, ударить прямо в сердце.

Юноше было не до красивых поз и изящных ударов. Собрав последние

силы, он бросился вперед, сжимая шпагу левой, раненой рукой. Отчаяние и близость смерти придали ему дополнительное мужество. Конец его шпаги вонзился в низ живота офицера и прочертил кровавую полосу вверх. Не успев нанести свой фирменный удар, капитан с предсмертным хрипом рухнул в груду собственных внутренностей.

Послышался долгий разочарованный вздох, а затем разрозненные радостные восклицания.

Капитан лежал на полу казармы и смотрел на своего соперника невидящим взглядом. Горячие глаза юноши также были устремлены на поверженного врага. Затем слабость, вызванная потерей крови, охватила все его тело, и он медленно стал оседать на землю.

Тело капитана несколько раз выгнулось в предсмертных судорогах и затихло. И тут же казарма огласилась взрывом возбужденных криков, ругательств, звоном монет и звуками потасовки. Двое наемников, не остывших еще от возбуждения, вызванного внезапным выигрышем пари, протиснулись вперед, чтобы помочь теряющему сознание юноше. При виде приближающихся вооруженных людей юноша - все еще в пылу боя - дико сверкнул глазами, но, узнав своих товарищей, расслабился. Облокотившись на их плечи, он смотрел, как третий солдат стал останавливать кровь, льющуюся из раны в бедре.

Внезапно шум и крики стихли. Солдаты быстро прятали выигранные деньги и потихоньку потянулись к дверям. Тихий шепот прошелестел по казарме:

- Генерал Корст.

Круг солдат, заслонявших юношу, расступился. Молодой варвар поднял голову и в его глазах снова засверкала ярость.

В сопровождении нескольких офицеров в казарму вошел сам генерал Корст, верховный командующий королевской армии Зингара. Он был невысок, коренаст, а его темно-голубые волосы в сочетании со смуглой кожей выдавали в нем примесь шемитской крови. Генерал был сыном лагерной проститутки и неизвестного зингаранского солдата. Его головокружительная карьера в королевской армии, где сословная принадлежность играла огромное значение, говорила о его недюжинных способностях.

При виде распростертого на земле тела глаза генерала сначала широко раскрылись, затем, наоборот, сузились. Он задумчиво погладил подстриженную бородку.

- А, капитан Риннова! Вот значит где тебе довелось встретить достойного противника. И не твой удар в сердце поверг его наземь,

напротив, его шпага лишила тебя жизни.

Его взгляд упал на раненого юношу. Товарищи молодого варвара невольно отступили назад. Лишившись поддержки, юноша покачнулся, но сумел устоять и смело посмотрел на генерала.

- Это твоя шпага поразила капитана Риннову?

- Я убил его в честном поединке, - ответил юноша. - Спросите любого. Генерал Корст кивнул.

- Трудно поверить, что кто-то смог скрестить свое оружие с капитаном Ринновой и после хвастаться, что остался жив. Но это произошло. Как твое имя?

- Конан.

- Из северных варваров.

- Я - киммериец.

- Он опасно ранен? - обратился Корст к товарищам Конана, которые явно старались укрыться от взора генерала.

- Эти царапины на ребрах неопасны. Рука проткнута насеквоздь. К тому же он потерял много крови из-за раны в бедре, но главная артерия не задета.

- Отлично. - Генерал Корст сделал знак своим людям. - Он останется жить, для того чтобы его повесили в назидание другим. Каковы бы ни были причины ссоры, Конан из Киммерии, наемник, не должен безнаказанно убивать офицеров королевской гвардии.

Конан зарычал и бросился на Корста. Гвардейцы преградили ему путь.

Он сумел убить двоих, прежде чем его оглушили и сбили с ног.

- Теряем хорошего солдата, - произнес Корст, когда Конана выволокли из казармы. - Но этих варваров надо приучать к дисциплине.

Глава 1.

ТАНЦЕВАЛЬНЫЙ ПОМОСТ

Утреннее солнце слепило глаза, за много дней привыкшие к тусклой полутьме подземелья, освещаемого лишь тюремным фонарем. Утро обещало быть ласковым, но только не для осужденных узников, которые вслепую брели к поджидающему их эшафоту, крепко закрывая глаза от режущего дневного света. К тому времени, как они пересекли тюремный двор, зрение понемногу восстановилось и их взорам открылись свисающие петли виселиц и огромная толпа народа.

Конан краем глаза посмотрел на эшафот. На фоне слепящего солнца отчетливо выделялась черная линия поперечного бруса, с которой подобно черной паутине, свешивались семь веревочных петель. В ноздри ударила острый сладковатый запах мертвчины. Он исходил от разлагающихся трупов семи преступников, повешенных на прошлой неделе, чьи тела были оставлены висеть на эшафоте вплоть до приведения в исполнение следующего приговора. К этому запаху примешивалось зловоние толпы, собравшейся поглазеть на интересное зрелище.

Конец алебарды ткнулся Конану в спину.

- Шагай, висельник - прикрикнул на него охранник.

Конан грязно выругался и двинулся вперед. Грязный, небритый, закованный в тяжелые цепи, охватывающие его лодыжки и запястья, киммериец тем не менее двигался легко и свободно. Благодаря его дикой жизненной силе, его раны зажили за тот месяц, что он вынужден был провести в тюрьме Кордавы. Та же жизненная сила помогла пройти ему через все муки заточения с несломленным духом и с несклоненной головой.

Подобно дикому зверю, попавшему в клетку, Конан зализывал свои раны, выжидая любой возможности вырваться на волю. Стارаясь, чтобы его не услышали стражники, Конан целыми ночами тер звеня цепей друг о друга, бил их о камни, пытаясь освободиться от кандалов, в которые он был закован. Конечно, помимо цепей существовали еще решетки на окнах и стражники за дверью, но это был уже следующий этап. Конан искал малейшей возможности для побега, самого крохотного шанса, одного из тысячи, но он так и не появился. И теперь, когда вместе с другими

осужденными его вели к эшафоту, Конан продолжал внимательно осматривать площадь, заполненную народом, а его мозг отчаянно пытался найти способ обмануть палачей.

Тюремная площадь, или, как ее здесь называли, Танцевальный Помост, была заполнена до отказа. Сегодня был базарный день. Каждую неделю жители близлежащих городков и деревень съезжались в столицу Зингары, где на бурлящей и гомонящей рыночной площади можно было приобрести глиняную посуду, разнообразные продукты, ремесленные изделия, а также рыбу и экзотические товары, завозимые сюда с побережья Западного океана. А что еще может украсить лучше праздничный день, чем бесплатный спектакль казнь на Танцевальном Помосте?

Неспокойное море тел. Любопытствующие взоры устремленные на семью жертв, с трудом пробирающихся к помосту. Семь человек, ничем, по существу, не отличающихся от сотен своих собратьев, собравшихся здесь, чтобы насладиться зрелищем их предсмертных мук. Семь человек будут сегодня танцевать для них. Толпа не была настроена враждебно, но и не проявляла симпатий к осужденным. Она была охвачена одним единственным чувством ожиданием увлекательнейшего зрелища. Нет, это тысячеголовое чудовище не подымет свои многочисленные руки, чтобы вырвать осужденных из цепких объятий палачей, но зато завопит в тысячу глоток, если его лишат ожидаемого удовольствия.

То там, то здесь в толпе мелькали лоточники, наперебой расхваливая свой товар, шныряли, подобно шакалам, менее заметные воры-карманники и мошенники всех мастей. На решетках переносных жаровен шипели и дымились аппетитные куски мяса, рыбы, овощей. Этот запах напомнил Конану, что он не ел со вчерашнего дня.

- Можно и голодным повисеть, чего даром пищу переводить, - заявил утром надзиратель.

Это высказывание стоило одному из охранников сломанного зуба, когда Конана отковывали от стены. Только оглушив киммерийца алебардой, тюремщики смогли закончить свою работу.

- За это, - пообещал стражник, тыча окровавленным носком сапога в разбитое лицо Конана, - ты будешь повешен последним. У тебя будет возможность понаблюдать, как вздернут остальных крыс, а затем мы не спеша займемся тобой, и ты покажешь нам все па, на какие способен и каким обучился у своих приятелей-висельников.

Для киммерийца такой поворот событий был, в какой-то мере, на руку. У остальных заключенных оковы сняли, а руки стянули веревкой за спиной. Но опасаясь необузданной ярости молодого, сильного варвара,

стражники не рискнули снять с него кандалы, и Конан отправился на виселицу в цепях.

Как истинный стоик Конан решил, что если ему будет суждено умереть, он умрет с достоинством. Он спокойно взойдет на эшафот, если, конечно, не возникнет возможности бежать. Единственное, что его мучило, это голодные спазмы в желудке. Конан мысленно приплюсовал это к остальным оскорблению, которые ему пришлось пережить за последнее время, с тем чтобы впоследствии отомстить за все сразу. В ту минуту, когда большинство людей взывают к богам с просьбой о помиловании и милосердии, Конан испытывал только жгучую ненависть и жажду мщения.

Запах мертвечины усилился. Семь трупов, вынутых из петли и брошенных подле эшафота, молча лежали, уставясь в небо пустыми глазницами. Вороны уже успели попирать на их лицах, искалечив их черты до неузнаваемости. Они висели целую неделю, как наглядный пример преступникам, а теперь их тела валялись подле эшафота, как бы в последний раз прощаясь со всем живым. Служитель по очереди оттащил их трупы к наковальне, где с них сбили кандалы; ведь мертвцам не нужны оковы, есть много живых, которые ждут своей очереди.

В соответствии с королевским указом на площади началась оживленная распродажа различных частей тела повешенных, которые использовались как амулеты. Куча ребятишек с визгом толкалась у самого эшафота, стараясь занять наиболее выгодную позицию для обозрения.

- Прядь волос мертвца - взывал торговец, потрясая над головой своим товаром. - Подходите, девушки. Стоит приколоть их возле самого сердца, и от парней отбою не будет!

С громким хохотом ребятишки разбежались и затеяли веселую игру в пятнашки между столбами виселиц.

- Кисть мертвца! Есть желающие приобрести? - удар топора, и отрубленная кисть поднялась для всеобщего обозрения. Кисть повешенного! кричал торговец, потрясая ею в воздухе.

- Человеческий жир для факелов! Хотите отыскать клад? Вот амулет, который поможет вам. Кто заплатит серебро, чтобы найти золото?

- Семенные железы повешенного! - кричал другой, поднимая небольшую склянку. - Они принадлежали Вулозису, известному насильнику и убийце. Вся сила этого жеребца перейдет к вам. Дамы! Ваши мужья приобретут пыл молодого быка! Семенные железы повешенного! Кто желает?

Среди этого гама к эшафоту медленно двигалась вереница исполнителей главных ролей сегодняшнего спектакля. Толпа расступалась

перед алебардами стражников, давая проход печальной процессии. Тысячи любопытных глаз жадно разглядывали семерых узников, одетых в лохмотья и закованных в железо.

Родители поднимали своих детей на плечи, чтобы те могли лучше видеть. Опоздавшие лихорадочно прокладывали себе дорогу, пуская в ход локти и колени. Многие зрители жевали хлеб или мясо, с опаской прижимая к себе кошельки и кошели со скучным содержимым: в толпе было полно воров. Когда осужденные добрались до эшафота, ребяташки радостно завопили и начали прыгать вокруг них. Торговцы временно прекратили торговлю и приготовились наблюдать спектакль, который, впрочем, видели уже не раз.

Взобраться на эшафот в ножных кандалах да еще со связанными руками задача непростая, поэтому стражники подготовили алебарды, чтобы "помочь" узникам. Человек, идущий впереди Конана, отступил и упал. Острием алебарды стражник начал поднимать упавшего. Конан, у которого руки были закованы спереди, протянул их, насколько позволяла цепь, и поднял упавшего на ноги. Не обращая внимания на ругательства стражника, они заняли свои места в шеренге под виселицами.

- Благодарю, - сказал сосед. Он был примерно одного с Конаном возраста: стройный юноша с аристократической внешностью и лихорадочным блеском в глазах.

- Не стоит благодарности.

- Умирать нужно достойно, - произнес юноша, как бы угадав мысли Конана. Он с отвращением кивнул головой в сторону первых в шеренге, один из которых от страха лишился сознания, и несколько стражников приводили его в чувство, другой же со слезами молил о пощаде гогочущую толпу.

- Пусть те, кто продолжит нашу борьбу, видят, что мы с радостью умираем за общее дело, - добавил он. Конан не понял, к кому были обращены эти слова, и слегка поразмыслив, решил, что юноша разговаривает сам с собой.

Теперь, когда они стояли на длинном помосте, лица толпы плескались у самых их ног. Конан смог поближе разглядеть сам эшафот. Массивные опоры поддерживали поперечный брус, достаточно толстый, чтобы легко выдержать всех семерых. На помосте не было никаких возвышений. Петли поднимались и опускались с помощью вращающегося барабана, на который наматывалась веревка. Благодаря этому тело осужденного поднималось медленно и плавно, веревка затягивалась на его шею постепенно, а не рывком, в результате чего он умирал не мгновенно от

перелома шейных позвонков, а напротив, его агония была долгой и мучительной, позволяя зрителям насладиться его предсмертным танцем в полном объеме. Отсюда и брал свое название Танцевальный Помост.

Один из стражников поочередно подходил к каждому из осужденных и вешал ему на грудь табличку с надписью. Когда очередь дошла до Конана, стражник постарался расположиться так, чтобы быть подальше от закованных рук варвара.

Конан посмотрел на табличку, лежавшую на его широкой груди. Он попытался прочесть перевернутые буквы, но его знание зингаранского языка оказалось для этого недостаточным.

- Что там написано? - спросил он соседа.

Тот бросил на табличку иронический взгляд.

- Там написано: "Конан-мятежник". Поздравляю.

- А что написано у тебя?

- Моя гласит: "Сантиддио-бунтарь", что же касается наших спутников, то это преимущественно воры, убийцы и один книгопечатник.

- Книгопечатник?

- Да. Вон тот парень, в конце ряда, имел несчастье опубликовать мой небольшой политический памфлет, который так разгневал нашего обожаемого короля Риманендо.

- А... чтобы ваш уважаемый король поймал сифилис от своих родственников, - выругался Конан. - Королевский офицер вызвал меня на поединок, и я убил его в честном бою, а законы королевства объявляют это мятежом и убийством!

- О! - В лихорадочном блеске глаз Сантиддио читалось нескрываемое уважение. - Так значит, это ты тот самый варвар, который убил капитана Риннову, главного убийцу из лагеря Корста? Если бы веревки, я пожал бы тебе руку. Сегодня народ будет оплакивать смерть двух своих героев.

- Заткнитесь, вы, двое! - прикрикнул на них стражник, накидывая им на шею петли. - Поберегите свое дыхание!

По мнению Конана толпа отнюдь не выглядела печальной. Он медленно окинул взглядом море тел, раскинувшееся перед ним. Ругань и оскорблений сыпались со всех сторон - это опоздавшие протискивались поближе к эшафоту. Глядя на их зловещие лица и грязную одежду, Конан подумал, что многие из них могли бы запросто очутиться сейчас на его месте.

Радостные крики толпы прервали нить его размышлений. На эшафот поднялся королевский палач в черной маске и поклонился толпе, благодаря ее за столь теплый прием. С видом режиссера, проверяющего готовность

сцены и актеров перед поднятием занавеса, он прошелся взад-вперед по эшафоту, одаривая всех скучной профессиональной улыбкой. Подобную улыбку Конан видел на лице другого палача, колесовавшего человека. Видно все служители закона одинаковы, решил он.

Резкий звук крутящегося барабана заставил юношу встрепенуться. Веревочная петля, наброшенная на шею, впилась в тело. По приказу палача его помощники делали последние приготовления: повернули семь барабанов, так что петли на шеях приговоренных натянулись и они были вынуждены стоять на носках.

Неожиданно Конан осознал, что надежды на спасение больше нет. До этого момента его разум отказывался верить в реальность его катастрофического положения. До последней секунды он верил, что удастся бежать или суд изменит свое решение. За свою недолгую жизнь Конану не раз доводилось смотреть смерти в глаза, но до сих пор он ускользал от нее. Он привык считать смерть своим противником, с которым можно бороться. Но когда петля захлестнула его шею, он почувствовал приступ отчаяния. Однако, внешне варвар никак не проявил своих чувств. Киммерийские воины привыкли умирать молча, без единого стона, даже под самыми жестокими пытками.

- Именем Его Королевского Величества Риманендо, - провозгласил глашатай, стараясь перекрыть шум толпы, - призываю привести приговор королевского суда в исполнение.

Внезапно площадь затихла. Все: и толпа и осужденные затаили дыхание. В сгустившейся тишине послышался скрип барабанных шестеренок. Это палач повернул первый барабан. Медленно он протягивал веревку через горизонтальный брус. Совершенно без усилий, словно по волшебству, тело первого осужденного отделилось от помоста и повисло в воздухе. Шея несчастного невероятно вытянулась, голова завалилась набок, глаза вылезли из орбит. Он пытался ворочать всухим языком, все его тело извивалось под веселый перезвон кандалов: первый танец начался.

Послышался приглушенный шепот, который все нарастал и нарастал, как будто морские волны прокатились с шелестом по песку и с грохотом разбились о скалы. Это был единодушный вздох толпы, который сразу же превратился в восторженные крики.

Второй в шеренге попытался упасть на колени, взывая к милосердию, но шум толпы заглушил его всхлипывания, и под скрип барабана он также вознесся к небесам, которые так и не вняли его мольбам.

Отвернувшись от ужасного зрелища, напоминающего театр марионеток, Конан посмотрел на толпу. За его спиной двигался палач,

похожий на огромного черного паука - он двигался между отдельными частями своего зловещего механизма: закрепив один барабан удерживающий тело в воздухе, он направлялся к следующему. Опять послышался скрежет шестеренок, и третий танцор задергался в воздухе.

Уже третий. И...

Но дьявол не ждал. Дьявол пришел на Танцевальный Помост.

По всей площади раздались вопли ужаса и боли, визгливо ржали напуганные лошади. Из нескольких узких улочек, выходивших на площадь, вырвались вихри пламени и ринулись в кричащую толпу.

Погруженный в мрачные мысли о неотвратимом приближении палача, ум Конана не сразу осознал, что происходит на площади. Два пылающих воза сена, влекомые обезумевшими лошадьми, вылетели из соседних улиц и врезались в ряды зрителей. От возов валил густой черный дым, и Конан механически отметил про себя, что прежде чем поджечь сено, его вероятно полили маслом. Телеги с пылающим сеном неслись по площади, как кометы возмездия.

Взгляд Конана зафиксировал огненный хаос на площади, но ум не мог понять причин его вызвавших. А пока обезумевшие люди метались, стараясь укрыться от огненного вихря, у самого эшафота завязалась жестокая схватка.

Палач, занятый четвертой жертвой, выпрямился, чтобы посмотреть, чем вызван шум на площади. Краем глаза Конан успел заметить, как один из зрителей, пробившихся к самому эшафоту, взмахнул рукой, в которой было зажато что-то блестящее. Тяжелый метательный нож угодил прямо в грудь палача, и на его черном одеянии расцвел ярко-красный цветок.

Отброшенный назад силой удара, палач, падая, схватился за веревку барабана и всем телом повис на ней. Барабан начал медленно поворачиваться, и еще один осужденный задергался над помостом. Даже мертвый, палач продолжал выполнять приказ своего короля Риманенко.

Сосед Конана первым оправился от изумления.

- Мордерми! Мордерми, чертов сын! - кричал он в восторге. - Я люблю тебя!

- Что происходит, Сантиддио?

- Это Мордерми! Это люди Мордерми! - вопил Сантиддио, стараясь освободиться от петли. - Его послала Сандокадзи.

Конан знал, что Мордерми являлся чем-то вроде короля преступного мира Кордавы и славился своей дерзостью и бесстрашием. Второе имя, которое вы кликнул Сантиддио, он слышал впервые. Но главное, что он понял, что кто-то предпринял попытку освободить приговоренных к казни,

а причины его в этот момент не интересовали.

Петля давила горло. Веревка была натянута так туго, что для того чтобы дышать, Конану приходилось вставать на кончики пальцев. Подобная предосторожность лишила возможности какого-нибудь отчаянного узника сбросить с шеи веревку и прыгнуть в толпу. Конан понял, что пока кто-нибудь не освободит его от петли, он будет вынужден беспомощно торчать под виселицей, когда вокруг кипит бой.

Руки Конана были закованы спереди, но длина цепи, которой были скреплены ручные и ножные кандалы, позволяла поднимать их только до пояса. Конан в отчаянии напряг свои мощные мышцы, силясь разорвать цепь, но при этом петля так впилась ему в горло, что он едва не потерял сознание.

Молодой варвар, судорожно сделал вдох, расслабил мышцы и посмотрел на борьбу, которая кипела на тюремной площади. Некоторое время он ничего не видел из-за сильного головокружения, затем его взор постепенно прояснился. Рядом с ним завывал и танцевал на цыпочках Сантиддио. Сейчас он походил на умалищенного. Той стойкости, с которой этот аристократический юнец готовился принять смерть, очевидно, не хватило, когда речь зашла об избавлении...

На площади перепуганная толпа металась в разные стороны, стараясь не попасть под колеса бешеной упряжки, сметающей на своем пути все живое. Боль и страх гнали лошадей только вперед, и они неслись не разбирая дороги, сквозь кричащую людскую массу. Толпы обезумевших от страха людей запрудили соседние улицы, полностью блокировав пути воинским подразделениям, пытавшимся пробиться к помосту на помощь тюремной страже.

Возле самого эшафота бандиты Мордерми с переменным успехом вели борьбу с остатками королевской стражи, стоявшей в оцеплении вблизи Танцевального Помоста. Поначалу удача была на стороне нападающих, и Конан уже было решил, что победа останется за ними. Мысль о том, что кто-то может решиться на такое безрассудство, казалась настолько маловероятной и абсурдной, что охрана назначалась весьма малочисленная, да и та была настроена весьма беспечно. И теперь, когда осажденные стражники оборонялись от внезапного нападения, дополнительные силы, спешившие к ним на подмогу, никак не могли пробиться сквозь безумную толпу.

У эшафота уцелевшие стражники пытались с помощью своих длинных алебард удержать на расстоянии бандитов, вооруженных только ножами и ручными мечами. Над их головами ветер лениво раскачивал три трупа, а

четвертый все еще корчился в судорогах в дюйме над помостом. Палач с ножом, всаженным ему в грудь почти по рукоятку, невидящим взором продолжал рассматривать троих оставшихся в живых узников, которые с петлями на шее ждали решения своей судьбы. В результате первой атаки на эшафоте не осталось больше ни души.

Одному из атакующих удалось пробиться сквозь ряды защитников, и он устремился к беспомощным пленникам. Сантиддио восторженно завопил и тут же выругался: лезвие алебарды разрубило ногу смельчака, и искалеченный человек, дико вскрикнув, покатился по ступенькам эшафота в самую гущу схватки.

- Сантиддио! - крикнул Конан, приняв неожиданное решение. - Протяни ко мне руки.

Несмотря на владевшее им возбуждение, тот сразу разгадал замысел варвара. Повернувшись спиной к Конану, он протянул ему свои руки, стянутые веревкой. Превозмогая боль от впившейся в горло петли, киммериец с трудом сумел дотянуться до Сантиддио и начал распутывать крепко затянутые узлы.

Работа была нелегкой; туго натянутые веревки глубоко впились в тело, и в борьбе с ними Конан сразу же сломал несколько ногтей. Он задыхался, кровь неровными толчками пульсировала в висках.

Из этого, почти маниакального состояния его вывел громкий крик:

- Убейте узников! Убейте узников!

Приказ был рассчитан верно: с одной стороны, он исключал возможность побега осужденных, с другой, сводил на нет все усилия нападавших. Один из стражников, забрызганный с ног до головы кровью, выбрался из схватки и бросился исполнять приказание. Когда он был уже на краю Помоста, кто-то из нападавших схватил его за ногу и с ловкостью кошки вскарабкался на эшафот. Еще мгновение и они сцепились. Стражник от неожиданности выронил алебарду, и клубок человеческих тел покатился по неструженным доскам, терзая друг друга ножами.

Конан окровавленными пальцами продолжал распутывать тугие узлы и, наконец, ему удалось слегка ослабить веревки. С диким усилием он растянул главный узел и извлек его из живого мяса.

Сантиддио радостно завопил, потрясая над головою свободившимися руками. В следующий момент он уже боролся с петлей. Подтянувшись, он ослабил натяжение веревки и после непродолжительных усилий освободил голову и спрыгнул на Помост.

- Освободи меня! - крикнул ему Конан. В эту секунду боровшемуся на помосте охраннику удалось покончить со своим противником, и он,

подобрав алебарду, двинулся в их сторону. Сантиддио легко мог спрыгнуть с эшафота и затеряться в толпе, Конан даже не стал бы его за это винить.

Но вместо этого юноша повернулся к Конану.

- Попробуй ослабить петлю! - крикнул он.

Конан приподнялся на носки сколько мог, а Сантиддио изо всех сил старался ослабить петлю с тем, чтобы она могла пройти под подбородком киммерийца.

Охранник прикончил третьего из оставшихся в живых приговоренных и повернулся к Сантиддио. Но в этот момент жертва из последних сил лягнула его ногой. Не ожидавший нападения охранник покачнулся и затем с ругательством вонзил острие алебарды в грудь беззащитного человека, прикончив его окончательно.

Все это длилось несколько мгновений, но их оказалось достаточно, чтобы Сантиддио сорвал петлю с шеи Конана, ободрав ему при этом лицо.

Затем он с яростным криком бросился на стражника, который тщетно пытался извлечь из груди осужденного смертоносное лезвие алебарды. Сантиддио в этот миг был похож на уличного кота, который бесстрашно кидается на огромного изнеженного домашнего пса. Стражник даже не стал вырывать алебарду из рук юноши. Он просто повалил его на землю и стал душить рукояткой своего оружия... Юноша отчаянно сопротивлялся, но силы были явно не равны.

Избавившись от петли, Конан тем не менее не мог считать себя свободным. Скованный по рукам и ногам, он не имел ни малейшего шанса пробиться через кольцо стражников. Когда Сантиддио упал, от толпы отделился еще один солдат и полез на Помост, чтобы помочь своему товарищу добить оставшихся узников.

Конан решил бросить против железа всю свою огромную силу. Он расставил широко ноги и развел руки с тем, чтобы наибольшее усилие приходилось на цепь, оттягивающую кисти и лодыжки. Массивные бугры его мышц вздулись, железные кольца врезались в тело, придавив мясо к костям. Ярко-алая кровь сочилась из пор, тут же растворяясь в обильном потоке пота. Шаги приближающегося стражника тонули в гуле ударов бешено бьющегося сердца.

Мускулы и железо, что-то одно должно было не выдержать этого нечеловеческого напряжения. Железо оказалось слабее.

Звено цепи, разрушенное постоянным тренированием, неожиданно лопнуло. Стражник был уже близко. Конан отступил в сторону и резко раскрутил над головой конец цепи, как если бы это была праща. Цепь хлестнула удивленного стражника по лицу, сломав ему нос и выбив оба глаза. С

пронзительным воплем воин рухнул на эшафот.

Огромным прыжком Конан покрыл расстояние, отделявшее его от второго стражника. Увлеченный борьбой с Сантиддио, тот не заметил приближающейся опасности. В одно мгновение Конан накинул конец цепи на толстую шею негодяя. Уперев колено ему в спину, киммериец резко дернул. Шейные позвонки хрустнули, и тело охранника мягко завалилось набок.

Задыхающийся Сантиддио с трудом выбрался из-под алебарды. Конан поставил его на ноги, дав отдохнуться. Окинув взглядом площадь, молодой киммериец заметил, что она уже почти опустела. Сквозь поредевшую толпу к эшафоту спешил отряд стражников, брошенный на подмогу. Натиск нападающих ослабевал. Оставшиеся в живых стражники отчаянно боролись за свои жизни.

С другой стороны площади галопом неслась группа всадников, направляясь к эшафоту. С ними было несколько свободных лошадей. Грозный топот копыт заставлял шарахаться в сторону немногих оставшихся зевак.

- Это Мордерми! - прохрипел Сантиддио, массируя себе горло. - Митра! И Сандокадзи с ними. Они привели с собой лошадей! Мы спасены!

- Если они окажутся здесь раньше, чем подоспеет подмога, - уточнил Конан. Нагнувшись, он поднял брошенную стражником алебарду, поудобнее приладился и изо всех сил ударил по ножным кандалам. С лязгом лезвие отскочило от железа. Примерившись, Конан повторил удар. На этот раз цепи лопнули. Его ноги были свободны.

Конан удовлетворенно хмыкнул. Положив алебарду на землю, он зажал ручку между ног и просунул пику в ослабевшее звено ручных кандалов. Затем используя ее как рычаг, он с силой начал выламывать кольцо. Некоторое время казалось, что пика не выдержит и согнется, но послышался хруст и цепь порвалась.

С хриплым смехом Конан потряс над головой алебардой.

- Эй вы, шакалы! Тащите сюда нового палача. Я повешу его на собственных кишках.

Его слова не вызвали энтузиазма у оставшихся в живых стражниках.

- Сантиддио! - Конан с удивлением обернулся. Голос, без сомнения, принадлежал женщине. Она скакала во главе маленького отряда, и ее черные волосы развевались, как флаг.

- Сандокадзи! Это ты! - восторженно вскричал Сантиддио, когда всадники остановились у эшафота.

- Быстрее! Отряд солдат уже на подходе. Как только площадь

очиститься от людей, они откроют стрельбу из луков.

Это был голос предводителя отряда. Конан узнал в нем Мордерми. Он точно соответствовал описанию, которое юноша слышал раньше.

- Давай, Конан! - подтолкнул его Сантиддио. - У нас есть свободная лошадь.

Отряд стражников был почти что рядом. Конан не заставил упрашивать себя дважды. Он вскочил в седло, и маленький отряд пересек площадь и скрылся в извилистых улочках города.

Глава 2.

ПРЕИСПОДНЯЯ

Хотя прошло не так много лет с тех пор, как Конан покинул дикие горы своей родной Киммерии и отправился пытать счастья в южные страны, на его долю выпало столько событий и приключений, что ему мог бы позавидовать охотник за удачей вдвое его старше. Молодой варвар посетил многие города гиборийского королевства, и его прекрасно знали в местных кабаках и тайных притонах. Ему приходилось промышлять воровством в Мауле, Заморе, а в Мазе он даже приобрел известную популярность среди прочих мошенников. Но Преисподня Кордавы была уникальным местом, не походившем ни на одну из трущоб больших гиборийских городов.

Много веков тому назад пожар и землетрясение уничтожили большую часть Кордавы, причем район города, выходивший к морю, оказался полностью затопленным водой. Правда при первых же толчках большинство населения покинуло город и поэтому многим удалось уцелеть. Однако после землетрясения десятки тысяч людей оказались без кровя, и на руинах старого города спешно начали возводить новые постройки. В местах наибольших разрушений улицы просто засыпали грунтом - это было проще, чем разбирать руины - а на грудах руин выросли совершенно новые дома и площади.

Некоторые жители Кордавы не стали дожидаться окончания строительства нового города. Они стали прокапывать ходы к подвалам и разрушенным зданиям старого города. Опасность погибнуть под завалами компенсировалась стремлением получить кров над головой, а также возможность разжиться чем-нибудь ценным. Шли годы, росла новая Кордова, а под ней, подобно раковой опухоли, разрастался старый город, постепенно ставший прибежищем кордавских бедняков и деклассированных элементов.

С самого начала это место получило название Преисподня, что полностью соответствовало действительности. Здесь собирались отбросы кордавского общества: нищие, калеки, неудачники, дегенераты. По плохо освещенным улицам Преисподней открыто разгуливали преступники всех мастей; городские стражники осторегались заглядывать в мрачные

лабиринты улиц подземного города. Зато здесь всегда было полно солдат и моряков, жаждущих потратить последние деньги на какие-нибудь развлечения. А развлечения здесь можно было найти на любой вкус, даже самый извращенный. На всем западном побережье океана Преисподня пользовалась самой дурной репутацией. Поговаривали, что она не уступает настоящему аду, населенному чертями. В пору своей службы в зингаранской армии Конан однажды был в Преисподней. Оттуда он вернулся с пустым кошельком, и трещавшей с похмелья головой.

Теперь он снова ехал по темным улочкам, спускаясь все ниже и ниже. Погони за ними не было, и они беспрепятственно добрались до своего убежища. Здесь они были в полной безопасности. Если бы даже король отрядил на их поимку тысячу стражников, у них было бы столько же шансов поймать беглецов, как если бы они взялись вычерпывать море решетом.

Было позднее утро, и дневной свет кое-где пробивался сквозь толщу земли, тускло озаряя обычно темные улицы подземного города, которые в это время были пусты. Жизнь в Преисподней начиналась с приходом ночи, и все ее жители были ночных созданиями.

Несколько винных лавочек и публичных домов все еще были открыты. У входа слонялись проститутки с утомленными лицами, поджидавшие случайного клиента-любителя сомнительных удовольствий. Тусклые уличные фонари бросали желтые пятна на грязные тротуары. Оpiумные курильни и игорные дома были забыты до отказа. За опущенными занавесями публичных домов их обитатели уже укладывались спать после бессонной трудовой ночи. В маленьких задних комнатах воры и убийцы при свете свечи делили свой ночной заработок, мучаясь при этом остатками совести.

Будь Конан чуточку образованнее, он бы заметил, что в архitectурном отношении Преисподня была настоящим музеем древностей. Любой ценитель старины пришел бы в восторг от величественных фасадов зданий, кованых металлических решеток, прекрасно сохранившихся оконных витражей, причудливых форм уличных фонарей. Конан же видел вокруг только грязь, опустошение и жалкие попытки жителей содержать разрушающиеся здания в относительном порядке. На его взгляд, лучше было бы дать им развалиться до конца.

Дневной свет, проникавший в эти катакомбы, был бессилен бороться с кромешным мраком, он только разгонял его, превращая в глубокие тени, теснившиеся по углам. Вентиляционные шахты лишь слегка освежали воздух, выпуская наружу миазмы дыма, нищеты, разорения.

Потолки пещер, располагавшиеся на высоте трех-четырех метров, походили на черное беззвездное небо. Оно покоилось на многочисленных опорах, словно служащих основанием для того солнечного мира наверху. Наполовину срезанные дома старого города упирались в потолок, служа фундаментом для верхних построек. Подвалы многих домов Кордавы сообщались со старым городом через систему замаскированных подземных ходов. Таким образом, Преисподня была настоящим подземным царством, в котором проживали люди-изгои, отщепенцы.

Во время бешеной скачки по улицам Кордавы Конан едва успел перекинуться со своими спутниками парой слов. У них не было времени на болтовню. Сантиддио поручился за молодого варвара, и люди Мордерми приняли его в свой круг без лишних расспросов. Сейчас Сантиддио был занят оживленной беседой с Мордерми и Сандокадзи, и Конан мог без помех поразмыслить над своим положением. То обстоятельство, что расстояние между ним и Танцевальным Помостом постоянно увеличивалось, как нельзя больше устраивало Конана. Сантиддио был среди своих. Правда, что может объединять аристократического отприска и его высокообразованных друзей с преступным миром? Но не это сейчас занимало мысли Конана. Он размышлял, как ему без помех проникнуть в гавань и попасть на корабль, отплывающий куда-нибудь подальше от этих берегов.

Они ехали по узкому коридору, образованному витринами магазинов и стенами домов. Коридор заканчивался тупиком. Перед всадниками высились кирпичная стена. Но они продолжали двигаться, не сбавляя хода, как будто этой стены не существовало. И Конан не удивился, когда часть стены ушла в землю, образуя проход для проезда небольшого отряда. Когда они проехали, стена встала на место. Конан услышал слабый скрип шестеренок и движущихся противовесов.

Наверное, эта стена когда-то служила границей большого поместья с садом и многочисленными угодьями, подумал Конан. Под копытами лошадей сквозь слой грязи угадывались мозаичные изображения морских нимф и дельфинов. На месте бывших клумб высились горы мусора, а садовый фонтан был забит грязью. Кирпичные опоры заменили в этом саду деревья, а покрытый копотью и сажей потолок служил небесами, звездами и облаками одновременно. Откуда-то доносился йодистый запах морского ветра.

Невдалеке виднелись остатки того, что раньше было одним из прекраснейших дворцов старого города. Его массивные стены достигали высоты двух этажей, на них громоздилась новая кирпичная кладка. Конан

решил, что это фундамент здания, находящегося в новом городе. В окнах горел свет, отбрасываемый смоляными факелами.

На шум выбежали хорошо вооруженные люди, приветствовавшие прибывших громкими криками. Между кирпичными столбами и разбитыми статуями с визгом носились ребятишки, выражая всеобщее ликовение. В окнах показались несколько неряшливо одетых женщин и тоже приветственно махнули рукой всадникам. Отсалютовав в ответ, Мордерми и его спутники спешились и передали лошадей подоспевшим воинам.

Конан последовал за ними, чувствуя на себе подозрительные взгляды.

Мордерми поднял руку и крикнул, стараясь заглушить поток вопросов и восклицаний:

- Прошу внимания, друзья! Тише! Как вы знаете, сегодня я решил похитить у короля Риманендо одну пташку, которую он уже собирался вздернуть на виселице. И что же? Король будет сегодня в ужасном гневе ведь он подарил мне целых двух птичек из королевских клеток. Он не только возвратил нам нашего брата Сантиддио, известного мастера полемики...

Его слова потонули в радостных криках. Сантиддио отвесил почтительный поклон.

- ...не только Сантиддио, - продолжал Мордерми. - Его Величество презентовал нам прекрасного фехтовальщика и мятежника Конана из Киммерии, бывшего наемника зингаранской армии, победившего в честной схватке капитана Риннову.

Воцарилась тишина; слушатели оценивали все произнесенное Мордерми. Затем разразилась буря восторженных криков и аплодисментов. Мужчины приветствовали Конана, хлопали по плечам, щупали мускулы. Конан был рад такому обращению: вокруг него были люди такого же сорта, что и он.

Неожиданно толпа расступилась, и вперед вышла Сандокадзи. Она быстро поцеловала Конана, и ее поцелуй был неожиданно теплым и мягким. Она быстро отступила назад.

- Я видела, что произошло на Помосте, - сказала она. - Сантиддио мой брат. Я не забуду твоей услуги.

Неожиданно между ними возник Мордерми.

- Ну, а теперь, Конан, - сказал он приветливым тоном, с несколько натянутой улыбкой, - раз уж тебя целует моя женщина, почему бы нам не сбить с тебя железные украшения, которые ты все еще носишь?

Глава 3. "БЕЛАЯ РОЗА"

Девушка плеснула еще один ковш кипятка, и все вокруг окуталось паром. Конан, втиснутый в дубовый чан, не сумел увернуться и ошпарился. Он выругался, делая очередной глоток вина, и шлепнул девушку зажатым в другой руке цыпленком. Девушка - Конан не помнил ее имени - хрипло рассмеялась и, встав на колени принялась тереть ему спину намыленной мочалкой, от которой пахло серой. Сантиддио уверял, что это лучший способ отбить тюремный запах. Ее тонкое платье намокло и плотно облегало тело, подчеркивая все прелести фигуры. Конан, с чашей вина в одной руке и недожаренным цыпленком в другой, воспринимал ее заботы как должное.

Один из людей Мордерми сбил с него кандалы, и теперь он вдвоем с Сантиддио, смывал с себя тюремную грязь в большом дубовом чане. Пар клубился до потолка, тут и там сновали хихикающие девицы, и вся комната напоминала публичные бани. Конаном же владело только одно стремление набить свой урчащий живот, и он не видел причин откладывать это удовольствие.

Сантиддио, сидевший в чане рядом, казалось, не испытывал ни голода, ни жажды. Ожесточенно натирая свои костлявые бока, он беспрерывно трещал, описывая все детали своего ареста и заключения - никакого следствия и суда по его делу, очевидно, не было, - а также борьбу на помосте виселицы. Мордерми вежливо слушал, изредка задавая тот или иной вопрос. Сандокадзи, со светящимися от возбуждения глазами, больше внимания уделяла Конану.

Сейчас, когда она была рядом с братом, их сходство было очевидным. У обоих это проявлялось в округлом подбородке, форме носа и чувственного рта, огромных, светящихся глазах. Как и все зингаранцы Сандокадзи была брюнеткой. Ее пышные черные локоны были изящно перевязаны красным шарфом. Это была высокая, длинноногая, стройная девушка, одетая в свободную блузку и широкую юбку. Она была примерно того же возраста, что и брат, и Конан никак не мог определить, кто же из них старше.

Мордерми сказался моложе, чем его себе представлял Конан. Он был

на голову ниже огромного киммерийца, несмотря на сапоги с высокими каблуками, которые постоянно носил. Предводитель кордавских воров имел репутацию опасного соперника как в сражении, так и в одиночном бою. Подтверждением тому служила его гибкая фигура и хорошо развитые мускулы. У Мордерми была квадратная челюсть, а нос был переломан в нескольких местах. На лице его застыла настороженная маска. Глаза смотрели пронзительно, как бы пронизывая собеседника насекомый, и становясь непроницаемыми, когда встречали ответный взгляд.

Он тоже был брюнетом, и маслянистая копна черных волос, почти скрывавших глаза, была перехвачена таким же шарфом, как у Сандокадзи. Конан подумал, что тонкие черные усы и обилие золотых побрякушек придают Мордерми слишком претенциозный вид, но, с другой стороны, молодой варвар никогда не разделял зингаранский вкус в выборе одежды. В кожаных штанах и богато отделанном камзоле Мордерми можно было принять за принца крови, а не за главаря воровской шайки. К тому же обоюдоострая шпага и длинный кинжал, прикрепленные к его поясу, придавали ему отнюдь не женственный вид.

Конан допил вино, и его веселая помощница поторопилась вновь наполнить чашу. Цыпленок был жестким и недожаренным, но Конан был слишком голоден, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Нежась в теплой воде, он с наслаждением рвал зубами резиновое мясо, бросая обедки на пол. На его руках и ногах виднелись глубокие ссадины, оставленные кандалами. Конан решил при первом удобном случае их перевязать, чтобы не быть опознанным на улице.

Мордерми, внимательно следивший за выражением лица киммерийца, как будто прочел его мысли.

- Что ты теперь собираешься делать, Конан?

- Убраться из Кордавы, - последовал ответ. - Перебраться через городские стены и уехать в другую страну - Аргос или Аквилонию.

Мордерми покачал головой.

- Плохо. Они этого и ждут. Гавани будут усиленно охраняться, вдоль стен поставят двойную охрану, а на границы пошлют приказ с твоим описанием. После того, что произошло, Корст будет пытаться захватить нас любой ценой.

- Тем больше причин исчезнуть из Кордавы как можно скорее, - возразил Конан. - Страна Диких Пиктов лежит совсем рядом, за Черной рекой. Вряд ли Корст будет охранять эту границу особенно тщательно.

- Ты прав, - согласился Мордерми. - Еще ни один белый человек не смог пересечь страну Пиктов.

- Будешь рассказывать киммерийцу, кто такие Пикты? - саркастически спросил Конан.

Мордерми в ответ улыбнулся.

- Почему бы тебе не остаться с нами? Здесь ты будешь в безопасности. Половина моих людей, попади они в руки магistrата, немедленно бы болтала на виселице. Корст знает как они выглядят и где их искать, но даже не пытается проникнуть сюда.

- А может теперь рискнет? - предположил Сантиддио. - Мы здорово испортили пищеварение Его Величества. Мне всегда казалось, что он ждет только повода, чтобы бросить армию на штурм Преисподней.

- Ну что ж, пусть бросает. Они могут завалить тысячи выходов, у нас найдутся тысячи других, они обыщут тысячи подвалов, а мы будем смеяться над ними из тысячи новых, о которых они даже не подозревают. Насколько я знаю характер Корста, он, скорее всего, прибегнет к помощи наемных убийц. Ты не боишься убийц, Конан?

Конан оторвался от цыпленка и захотел с набитым ртом.

Мордерми хмыкнул.

- Вот и прекрасно. Оставайся здесь, пока дураки Риманенко будут караулить тебя наверху. Я знаю людей, и я видел, как ты вел себя на эшафоте. Человек, который сумел победить капитана Риннова, должен обладать большим, нежели просто сила и ловкость. Ты мне нужен, Конан. Как видишь, я и мои люди живем весьма недурно, и ты будешь жить так же. Я буду платить тебе намного больше, чем получает наемник в зингаранской армии, а риск ничуть не больше. Подожди, пока все стихнет, и ты спокойно покинешь Кордаву, но уже с кучей золотых в кармане.

- Полегче, Мордерми, - запротестовал Сантиддио, ожесточенно растираясь полотенцем. - Ты забыл, что Конан не простой наемник, с которыми ты привык иметь дело. Он человек твердых принципов и борец за идею, как и я.

- Варвар-наемник?.. - начал было Мордерми.

- ...и человек в высшей степени честный и благородный может неправильно истолковать твое предложение присоединиться к банде воров. перебил его Сантиддио. - Конан, ты должен знать, что мы преследуем более высокие цели, нежели просто наажива. Мы не грабители, мы - альтруисты.

- Сантиддио, я не думаю, что Конан...

- Хватит, Мордерми. Сегодня ты с огромным риском для жизни вырвал нас из рук палача, и это предприятие, надо сказать, не принесло тебе никакой материальной выгоды. Ты - один из нас, и нечего этого отрицать.

Конан, тебе конечно приходилось слышать о Белой Розе?

Конан с набитым ртом не сводил восхищенного взгляда с Сандокадзи. Ее полные губы приникли к апельсину, высасывая из него сладкий сок, а глаза улыбались Конану, который вовсю работал челюстями.

Сантиддио слишком любил собственные речи, чтобы дожидаться ответа.

- Как тебе должно быть известно, Белая Роза - революционная воинская организация, поставившая себе целью свержение прогнившего режима Риманенко и утверждение республики. Несомненно, ты читал наши воззвания, которые мы успеваем писать быстрее, чем прихвостни Риманенко их уничтожают. Возможно, тебе даже попадался в руки мой последний политический памфлет, тот самый, который свел нас под одной виселицей.

Конан вежливо кивнул, облизывая с пальцев жир. Цыпленок несколько утолил его голод, и к варвару вернулась прежняя невозмутимость. Он припомнил несколько скандалов, которые разразились, когда в казармах были обнаружены какие-то "Возмутительные документы", вспомнил споры между солдатами, в которых речь шла о какой-то тайной организации, стремящейся свергнуть Риманенко. В то время Конан считал, что подобными вещами должна заниматься городская стража, а не наемные войска, да и вообще разговоры о политике, равно как и все другие словесные упражнения казались ему бесплодными и нагоняли скуку.

- Республика, - с трудом повторил Конан незнакомое зингаранско слово. - А что это такое?

- Я не уверен, что в твоем родном языке есть такое понятие, - ответил Сантиддио. - Это венец политической мысли. Я не знаю, как тебе объяснить, но республика - это когда сам народ выбирает себе правителя. В общем, это похоже на процедуру избрания вождей, которая сохранилась еще в некоторых примитивных племенах.

Сантиддио осекся и быстро поправился.

- Примитивных, это, другими словами, э... некоторых варварских народах. - При этом он попытался припомнить, какая форма государственного устройства существует в Киммерии.

- Ты сказал, что Белая Роза - это воинская организация, - заметил Конан. - Но где же солдаты?

- Наши солдаты - народ Зингары! - выспрено ответил Сантиддио, размахивая руками в подтверждение своих слов. - Наша цель - это цель всех людей, которые хотят избавиться от ненавистного рабства тирана!

Конан хотел спросить, где сосредоточен штаб их движения, но

спросил другое:

- А ваши офицеры? Кто они?

- У нас нет офицеров, во всяком случае, в твоем понимании. У нас, конечно, есть лидеры, но мы их сами выбираем из своих рядов.

- И кто же стоит во главе Белой Розы? - настаивал Конан.

- У Белой Розы нет лидера, во всяком случае, одного. Но нельзя сказать, что при этом ею никто не управляет.

Конан кивнул и поднес чашу с вином ко рту.

- У нас их несколько, - продолжал Сантиддио. - Многие считают лидером Белой Розы меня, но на самом деле у нас несколько фракций, как и во всяком движении. Аввинти имеет последователей среди консерваторов, затем Каико со своими идеями общественного достояния. Есть и другие выдающиеся деятели, имеющие своих приверженцев.

- А кто же принимает решения?

- Хм-м! Мы, конечно. Мы собираемся и обсуждаем все аспекты проблемы. Затем голосуем. Так что власть у нас принадлежит всем.

Мордерми рассмеялся.

- Если бы все дела решали эти собиратели цветочков, то твой язык, Сантиддио, уже давно бы выклевали вороны. Ты знаешь, почему Белая Роза ничего не предприняла для твоего освобождения? Потому что совет, собравшийся для решения этого вопроса, никак не мог решить, следует ли взять штурмом тюрьму или же перебить стражников по дороге к эшафоту. А затем Аввинти заявил, что ты будешь полезней движению в качестве жертвы, а не как сочинитель популярных памфлетов.

- О, этот ублюдок! Я убью его! - закричал Сантиддио. - Но мне кажется, что идея моего освобождения принадлежит Сандокадзи.

- Сандокадзи действительно просила меня об этом, но последнее слово все же осталось за мной.

- Аввинти, ублюдок! - на лицо Сантиддио было страшно смотреть. - Я дам ему шанс стать жертвой.

Закурив, он стал натягивать на себя свежее белье, которое ему принесла одна из девушек. Сандокадзи попыталась помочь ему, но он нетерпеливо оттолкнул ее и в ярости завертелся по комнате.

Другая девушка принесла Конану бритву и зеркало. Она хотела побрить его, но Конан предпочел, чтобы чужая рука со стальным лезвием не прикасалась к его шее. Заставив ее держать зеркало, он сам начал сбривать отросшую в тюрьме щетину. Сантиддио ограничился тем, что подстриг свою бородку до обычного размера.

- Короче говоря, - продолжал он, слегка успокоившись, - ситуация

такова, что Мордерми разделяет основные цели и принципы Белой Розы, хотя и считает нас всех идеалистами.

- Твои друзья только болтают, что все богатства Риманендо принадлежат народу, а я отниму у него эти богатства и раздам беднякам, - возразил Мордерми не без тени сарказма.

- После подсчета прибыли.

- Что ж, я несу большие расходы. И потом, какое тебе до этого дело, ты ведь альтруист?

- Мордерми! - Сантиддио ткнул в него пальцем. - За этими циничными фразами кроется твое каменное сердце. Кадзи, где моя шпага?

Сандокадзи что-то шепнула одной из служанок и та вскоре вернулась со слегка заржавевшей в ножнах шпагой. Вынув лезвие из ножен, Сантиддио критически осмотрел его и сделал несколько пробных выпадов. Конан с интересом наблюдал за его действиями. Сантиддио обладал бойким языком, но, по всей видимости его таланты не ограничивались только этим.

- Пора потолковать с этим негодяем Аввинти, - буркнул Сантиддио, вставляя шпагу в ножны и пристегивая ее к поясу. - Конан, ты что улитка? Ты собираешься торчать в этой раковине весь день?

- Сейчас мне принесут одежду.

- Она кишила насекомыми, - рассмеялась Сандокадзи. - Мы послали ее королю Риманендо на десерт. Сейчас девчонки подберут что-нибудь для тебя.

Конан отложил бритву и сполоснул лицо. Вода была уже такой грязной, что щипала кожу. Он вылез из чана и начал растираться полотенцем. Сандокадзи смотрела на него с лукавой усмешкой и жевала апельсин.

Когда он вытерся, ему подали одежду, не новую, но чистую. Конан натянул на себя узкие кожаные штаны и накинул ярко-красный камзол с широкими рукавами. Завершили его туалет шляпа с опущенными полями и фуфайка без рукавов, ранее принадлежавшая какому-то толстяку.

- Неплохо, - сказал Сантиддио, увидев варвара в новом обличье. - За графа из свиты Риманендо ты, конечно, не сойдешь, но в толпе можешь чувствовать себя спокойно.

Сандокадзи цинично усмехнулась.

- Я думаю, со временем мы подберем ему более подходящий костюм, примирительно сказал Мордерми. - Что-нибудь помодней. А сейчас стражники будут искать в толпе одетого в лохмотья варвара.

- Мне бы еще хорошую шпагу, - сказал Конан.

- Это проще. Арсенал у нас богаче, чем гардероб, - рассмеялся Мордерми. - Хорошую шпагу? Можешь подобрать себе на вкус и по длине и по форме лезвия. А может, хочешь такую, какой ты былся с Ринновой?

- Я предпочел бы широкий меч, - ответил Конан. На самом деле он не отказался бы от прямого двуручного меча, но киммериец сомневался, имеется ли такой в коллекции Мордерми.

- Можешь выбирать все что тебе понравиться, - отзвался предводитель разбойников. - Я проведу тебя в оружейную. Мои люди и я пользуемся только самым лучшим оружием.

- Я за все заплачу, как только буду в состоянии, - заверил его Конан.

- Заплатишь? - Мордерми хлопнул его по плечу. - Конан, здесь же все краденое. И потом я твой должник. Если бы не ты, наша попытка освободить Сантиддио окончилась бы неудачей.

- Мы раздаем эти товары народу, у которого они были отняты вследствие социальной несправедливости, царящей...

- Заткнись, Сантиддио, - воскликнул Мордерми. - Конану надоело слушать твою болтовню. Он не затем перешел на нашу сторону.

- Ты присоединишься к нам? - спросил Сантиддио Конана.

Конан пожал плечами.

- Я вступил в армию по добной воле, но король предал меня. Я убил хвастливого борова в честной схватке, а меня приговорили к смертной казни. Мне непонятны ваши теории и вся эта витиеватая болтовня, но я должен отомстить Риманенко и его прислужникам. И потом, я в долгу перед вами за меч.

Глава 4. МЕЧТАЛИ И СТАЛЬ

- Все эти лидеры Белой Розы могут спорить хоть до посинения, но в основе всех их высказываний все же лежат идеи Сантиддио, - заметил Мордерми.

Он как будто оправдывается, подумал Конан. Киммериец критически осматривал груду оружия, выбирая себе меч по вкусу. В этой комнате, которую Мордерми назвал оружейной, было несколько широких мечей. Сантиддио и его сестра ушли, чтобы не мешать. Внимание варвара привлек один клинок отличной закалки - таких мечей на западе не знали.

- Ваш союз удивляет меня, - сказал Конан, пробуя лезвие.

- Но почему? - рассмеялся Мордерми. - У нас здесь рай для разного рода мечтателей-неудачников. Одни грезят о богатстве и состоянии, другие об изменении государственного устройства и социальном равенстве. Риманенко, как вампир, жирает на нашей крови, а его придворные все время придумывают новые способы, как грабить народ. В другой стране Сантиддио мог бы выступать публично со своими идеями, и его бы чествовали как национального героя, а в Кордаве его приговаривают к виселице. Что же касается тех, кто мечтает разбогатеть, им приходится грабить и воровать, чтобы вернуть себе то, что отнял у них тиран.

- Значит, вы тоже являетесь частью народной армии Белой Розы?

- Несмотря на все почтение, которое я питаю к идеям Сантиддио, должен сказать, что Белая Роза - это не армия, а всего лишь сборище болтунов. Друзья Сантиддио, по крайней мере по их мнению, самые светлые умы Зингары. Они могут до хрипоты в голосе обсуждать мудрость или заблуждения бесчисленных философов и мыслителей разных стран, как покойных, так и ныне здравствующих, но половина из них и понятия не имеет, за какой конец брать шпагу.

- Мне нравится вот это, - решил Конан. Это было прекрасное оружие прямое, широкое лезвие, заточенное с одной стороны, с удобной рукоятью и плетеной гардой. Закалка тоже была превосходной.

- Это очень хороший меч, - согласился Мордерми. - Я бы не прочь узнать его историю. Рукоятка более поздней работы. К сожалению, для меня он не так удобен, как шпага. У той более длинное лезвие, она легче и

к тому же универсальнее; ею можно и колоть и рубить. Пока еще правила требуют для поединков короткие шпаги, но мне кажется, что со временем традиции изменятся и на смену рубящему оружию придет колющее.

- Эти лезвия слишком узки. Я видел одного пьяного наемника, которому шпага пробила сердце, и он, тем не менее, сумел развалить надвое своего обидчика и убить двух его друзей, прежде чем испустить дух. С такой шпагой нужно расколоть противнику череп, а потом долго бродить вокруг, дабы убедиться, что он действительно отдал Богу душу. Я не против фехтовальной техники и колющих ударов, но дайте мне мощный меч с острым лезвием и меня не удержит целая толпа шпажистов.

- Конечно. - от Конана не ускользнули нотки сарказма в голосе Мордерми. - Ты доказал это в деле с капитаном Ринновой. Не хочешь попробовать со мной?

Мордерми вынул свою шпагу.

- Только для того, чтобы лишний раз убедиться, что твой выбор правилен. До первой крови, а?

Конан не любил спортивные поединки, которые цивилизованные люди считали проявлением подлинного мужества, но предложение Мордерми выглядело довольно безобидно. Что же скрывалось за непроницаемым выражением его глаз молодой киммериец понять не мог.

Мордерми только защищался, вежливо предоставляя Конану возможность нападать. Конан чувствовал себя крайне глупо, поэтому его выпады были неловкими, и Мордерми отбивал их шутя. Зато следующий удар, который нанес ему Мордерми, едва не застал киммерийца врасплох. В последний момент он сумел гардой парировать его.

Рассерженный Конан с силой скрестил лезвие со шпагой Мордерми, сделал ложный выпад, и когда тот открылся, имитировал сильный удар в солнечное сплетение, в последний момент отведя меч в сторону. Рубящие удары могут нанести серьезноеувечье, а это всего лишь игра, и Конан не забывал об этом.

Однако, Мордерми не разделял, казалось, его чувств. Прежде чем Конан успел сделать оборонительное движение, его лезвие полоснуло по лицу киммерийца. Конан почувствовал режущую боль в челюсти. Повинуясь скорее инстинкту, молодой варвар с силой ударил по шпаге Мордерми, прежде чем тот успел нанести второй удар. Удар был настолько резким, что Мордерми не удержал оружия, и оно со звоном покатилось по полу.

- Конан!

Крик Сандрокадзи привел киммерийца в чувство. Его широкий меч был

занесен для смертельного удара. Мордерми судорожно шарил по земле, пытаясь достать свою шпагу.

Конан застыл.

- У тебя кровь, - спокойно произнес Мордерми, нагибаясь за своей шпагой.

Конан потрогал челюсть и ощутил что-то липкое и горячее.

- Вы что, с ума сошли? - продолжала Сандокадзи. - Я услышала лязг стали...

- Прошу прощения, - буркнул Конан, глядя на испачканную кровью руку. - Я не привык заниматься этим в качестве развлечения.

- Я не успел вовремя расслабить руку, - сказал Мордерми. - Ну да Бог с ним. Упражнение было поучительным.

- Митра, что ты...

- Конан захотел проверить свой меч, а мне было любопытно скрестить оружие с человеком, победившем капитана Риннову. У Конана есть своя теория...

- Не у меня, а у тебя, - запротестовал Конан.

- Я просто сказал, что шпага - это универсальное оружие. Ты же знаешь, Кадзи. И вообще тебе бы следовало посмотреть, как дерется этот киммериец. Такое впечатление, что меч - часть его руки и весит не больше мизинца.

- И ты еще называешь моего брата чокнутым, - накинулась на него Сандокадзи. - Да я лучше буду слушать его научные споры, чем смотреть, как проливается кровь.

- Не обращай внимания, - шепнул Мордерми Конану, когда девушка ушла. - Ее остренького язычка побаиваются даже Аввинти и Сантиддио.

- На месте Аввинти я бы чувствовал себя неспокойно, если бы во время дуэли у меня за спиной находилась Сандокадзи, - заметил Конан. - Сегодня утром она ни секунды не колебалась, когда скакала к эшафоту, топча копытами десятки людей. Там пролилась не одна пинта крови.

- Когда речь заходит о достижении какой-то цели, род Эсанти ничем не остановить. Знаешь, это была ее идея насчет возов с сеном. - Он осмотрел порез на лице Конана. - Чепуха, я хуже режусь во время бритья.

- Род Эсанти? - переспросил Конан, уловив нотку разочарования, мелькнувшую в голосе Мордерми.

- Да, Сантиддио и Сандокадзи принадлежат к одному из древнейших и некогда очень могущественных дворянских родов - Эсанти. Я думал, тебе это известно. Ах, да, ты же недавно в Кордаве. Так вот, из всего рода их осталось только трое.

- Можешь выбрать себе и кинжал, - добавил он.

Конан внимательно перебрал с десяток ножей, размышляя про себя, что всего этого арсенала хватило бы, чтобы вооружить небольшую армию, если бы вдруг Сантиддио и его приятели решили перейти от слов к делу.

- Ты сказал, что их осталось только трое. Значит один из них по-прежнему носит титул, в то время как Сантиддио и Сандокадзи вынуждены скрываться от закона?

- У них не осталось ни титула, ни состояния. Есть только Сантиддио и его две сестры. Все они родились в один день. Когда они были уже достаточно большими, их отец нанес оскорбление королю Риманендо. В отместку тот обвинил его в якобы утаивании крупной суммы налогов, которую он должен был собрать с жителей. Сантиддио клянется, что его отец попросту не стал облагать население дополнительными поборами. Не знаю кто прав, но дело не в этом. Он был арестован, лишен состояния и казнен. Не помню, что приключилось с остальными его родственниками, но больше никто о них ничего не слышал.

Но рождение трех близнецов - очень редкий случай в Зингаре, единственный на моей памяти. К тому же три - святое число, а дело получило широкую огласку, и тайно умертвить детей король уже не мог. Благодаря заступничеству народа они остались живы. Со временем попали сюда, как и все те, кто не в ладах с законом. Преданные друзья сумели сохранить для них немного денег. Сандокадзи танцует, а Сантиддио как один из лидеров Белой Розы живет за счет партийных средств.

Конану понравился тяжелый кинжал с обоюдоострым лезвием.

- А другая сестра?

- Дестандази. Она... Она выбрала иной путь. Как и ее брат и сестра, она всей душой ненавидела тиранию, но вместо того чтобы бороться со злом, юная девушка отвернулась от общества. Она вступила в секту Джеббал Саг. Ее обитель где-то там, за Черной рекой. Уже несколько лет от нее нет никаких вестей. Колдуны, исповедующие древние религии, имеют мало общего с политикой, которой занимаются ее брат и сестра.

- Дестандази, - повторил Конан, вешая кинжал на пояс. - Она похожа на Сандокадзи?

- И на Сантиддио, - рассмеялся Мордерми. - И даже очень.

Глава 5. НОЧНЫЕ ПОСЕТИТЕЛИ

Легкий шорох заставил Конана проснуться окончательно. Его глаза обшаривали темноту комнаты, а рука потянулась к рукоятке кинжала.

Эту комнату ему отвел сам Мордерми. Ложась спать, Конан положил тюфяк посреди комнаты, так чтобы ему была видна входная дверь. Он спал уже несколько часов, когда его разбудил шум отодвигаемого засова.

Кто-то быстро приоткрыл дверь и проскользнул внутрь, в этом Конан был убежден, хотя дверь тут же закрылась, и комната погрузилась в мрак. Вошедший не шевелился, очевидно, давая глазам привыкнуть к темноте. Конан выскользнул из-под покрывала и бесшумными шагами направился туда, где по его расчетам должен был находиться посетитель.

Когда он приблизился к непрошенному гостю, его рука, сжимавшая рукоятку кинжала, расслабилась. В ноздри ударили пикантный запах женских духов и пота. Конан протянул руку и нашупал соблазнительную женскую фигуру.

Сандокадзи, а это была она, невольно вскрикнула от удивления и скользнула в его объятия. Быстро ощупав ее киммериец убедился, что девушка не вооружена.

- Я напугал тебя, - сказал Конан.

- Ты, как кошка, видишь в темноте.

- Я услышал твое дыхание и почувствовал запах твоих духов. - Конан не понимал зачем объяснять очевидное. - Мне казалось, что дверь заперта.

- Эти запоры может открыть любой, - ответила Сандокадзи, - И потом, кому придет в голову мысль грабить Мордерми?

- Верно.

На Сандокадзи была только легкая накидка. Конан почувствовал острое желание, когда ее мягкое теплое тело прижалось к нему.

- Я сегодня очень долго танцевала, - сказала Сандокадзи, - Все уже напились и хряпят после буйного празднества по случаю освобождения Сантиддио.

Конан, покинувший застолье в самом начале, был не так глуп, чтобы не понять зачем она пожаловала. Будь на ее месте любая другая женщина, он не раздумывал бы ни секунды, но переспать с женщиной друга

противоречило кодексу чести диких варварских народов, поэтому чувственная фигура, которая лежала в его объятиях, была для него запретным плодом.

- Я говорила, что не забуду того, что ты сделал для моего брата, шептала она, и ее пальцы ласкали тело Конана.

- Ты - женщина Мордерми, - с усилием произнес варвар.

- Мордерми не обязательно об этом знать. Он не был моей первой любовью, не будет и последней. Я не даю обетов, как моя сестра-святоша.

- Не в этом дело, - запротестовал Конан, чувствуя, что еще немного и его инстинкты возьмут верх над разумом. - Мордерми мой друг. Я не хочу обманывать его в его же доме.

- Святая простота! - поразилась Сандокадзи. - Кто бы мог подумать, что варвары столь чувствительны? Мне кажется, ты не из тех, кто умеет только скакать на жеребцах. Или ты боишься Мордерми?

Конан почувствовал, как в нем закипает гнев.

- Конечно, я не настолько обучен манерам, чтобы валяться в постели с женой своего друга. У нас в Киммерии несколько иные обычаи. Они менее цивилизованны и более архаичны.

- Но здесь же не Киммерия, не так ли? - убеждала Сандокадзи. Неужели ты даешь обещание жениться каждой шлюхе, с которой переспишь?

- Нет, не каждой, - взорвался Конан, не в силах сдержать свою ярость.

- Но если я хочу женщину, то делаю ее своей и убью всякого, кто попытается ее украсть. Мордерми, насколько я могу судить, придерживается того же правила. Если я сделаю тебя своей, нам придется драться, а я не хочу убивать друг друга из-за потаскухи.

- Ах так! - Сандокадзи вырвалась из его рук. Ее взор тоже пылал гневом. - Сантиддио был прав: ты альтруист. Ну что ж, мой благонравный киммериец, я вовсе не предлагаю тебе стать хозяйкой в твоей хижине где-нибудь в захудалой горной деревушке. Я предлагала тебе ночь удовольствий. Мне было просто любопытно знать, какой мужчина скрывается за этими мускулами. А вместо этого нашла большого, неуклюжего дурака!

Сандокадзи оттолкнула его и бросилась к двери. Конан был почти согласен с ней. Он не привык обдумывать свои поступки, и только мысль о том, что он предает друга, сдерживала его инстинкты, не позволяла схватить Сандокадзи и бросить ее мягкое, желанного тело на тюфяк. Поэтому он не стал ее задерживать.

После темной комнаты сумрак коридора казался ярким светом.

Сандокадзи отворила дверь комнаты Конана, и тут в полоске света мелькнула фигура человека. Он был явно застигнут врасплох, но быстро сориентировался, и в его руке сверкнул нож.

Не менее удивленная Сандокадзи пронзительно вскрикнула. Рука незнакомца дрогнула, он не ожидал увидеть женщину, и этого мгновения оказалось достаточным для Сандокадзи, чтобы увернуться от удара и выскочить в коридор. Нож незнакомца все же успел разрезать ее накидку и оставить царапину на ее плече. Девушка опять закричала.

Нападавший все еще пребывал в нерешительности: заткнуть рот девушке или ворваться в комнату к спящему Конану. Пока он колебался, Конан опередил его. Выскочив из темноты, киммериец схватил его за руку, державшую нож, и всадил свой кинжал ему в живот. Затем он сильным движением рванул руку вверх так, что разрубил грудную клетку нападавшего. Дикий крик боли тут же сменился предсмертным стоном, и тело незнакомца медленно опустилось на пол.

Сандокадзи перестала кричать и смотрела на Конана блестящими глазами.

Тревога разнеслась по всему дому. Со всех сторон к дверям комнаты Конана сбегались вооруженные люди. При свете факелов засверкали лезвия. Подоспел и Мордерми.

При виде открывшейся картины он бросил взгляд на Конана, и на его лице ясно читался немой вопрос.

Сандокадзи не колебалась.

- Я шла по коридору, вдруг вижу, в темноте кто-то крадется. Подозрительный такой. Я решила за ним проследить. Когда он остановился у комнаты Конана, я поняла, что передо мной убийца, подосланный Риманендо. Я закричала, чтобы предупредить Конана, убийца напал на меня, но тут выскочил киммериец и убил его.

Она приспустила накидку, чтобы осмотреть рану на плече. Рана немного кровоточила, но не была опасной. Конану ничего не оставалось, как подтвердить ее рассказ.

Мордерми поверил их словам.

- Вам нужно было позвать кого-нибудь из нас. Тебя же могли убить, Сандокадзи.

- Позвать вас? Да вы же спали над своими чашами с вином.

- Переверните его, посмотрим, что это за птица, - приказал Мордерми. - Что же у меня за охрана, если убийцы преспокойно разгуливают по дому.

Они перевернули труп и осветили факелом залитое кровью лицо.

Раздались возгласы изумления.

- Черт возьми! Это же де Велис! - воскликнул Мордерми. - Он был у меня лейтенантом и я верил ему, как самому себе. Велика сила золота Риманендо, если она может купить даже близких друзей. Прости, Конан, я предложил тебе убежище, и едва не стал причиной твоей смерти.

Конан промолчал. У него не было твердой уверенности, что де Велис был подосланным убийцей - возможно, он был слишком предан Мордерми и обнаружив измену Сандокадзи, решил отомстить за господина и восстановить его честь.

Глава 6. ПОД КОРОЛЕВСКОЙ МАСКОЙ

Аромат роз смешивался с запахом моря, плескавшегося у высоких стен, отделявших его от королевского цветника. Сад был ярко освещен тысячами праздничных фонарей, всех цветов радуги. Смех и веселье заглушались мерным рокотом прибоя, разбивавшегося в темноте о насыпь.

Но у Конана, настороженно бродившего среди гостей карнавала, устроенного в честь дня рождения короля, не было желания веселиться. Он считал, что сегодняшнее предприятие - слишком рискованная авантюра, даже для Мордерми. Еще бы, подделать королевское приглашение!

Киммериец понимал, что выглядит, по меньшей мере, фантастично в своем наряде, среди разукрашенной знати, окружившей его. На нем был рогатый шлем, доспехи и подбитый мехом плащ, которые носят воины Ванира, нация, которую он не любил, но уважал. Шелковая маска скрывала верхнюю часть лица, а черная грива волос красиво оттеняла загар. Идея костюма принадлежала Сандокадзи, она же придумала взять с собой боевой топор с двумя лезвиями и головкой в виде молотка. Конан отнесся к идее одобрительно. Топор, являясь как бы частью костюма, вызовет меньше подозрений, чем шпага или меч.

- Кто может предположить, что варвар переоденется в варвара? уверяла Сандокадзи, которая подобно всем коренным зингаранцам смешивала все северные варварские племена в одну кучу. Конан довольно прилично изъяснялся на заморанском языке, чтобы сойти за представителя этой далекой страны, и его акцент в этом случае не должен был вызывать подозрений у спесивой зингаранской знати, многие из которой не отличили бы Пикта от Кушита, или Стигийца от Туранца. Конан таким образом надеялся избежать лишнего внимания.

Сама Сандокадзи одела маску и костюм сокола, и оперение колыхалось во время ходьбы, приоткрывая ее обнаженные руки и ноги. Под покрытым перьями плащом у нее ничего не было.

Сантиддио вел ее на серебряной цепочке, накинутой на шею. На нем был костюм сокольничего и черное домино.

Самый странный наряд имел Мордерми. Он представлял собой приукрашенную копию самого короля Риманендо: мантия из горностаев,

золоченая кольчуга, корона из мишурь, напудренные волосы, объемистый живот - не слишком большой, чтобы оскорбить монарха, но и достаточный, чтобы быть узнанным. Его костюм тоже был заслугой Сандокадзи.

По мнению Конана, эта женщина была чрезвычайно умна. Он вспомнил, как она хитро вывернулась в ночь воображаемого покушения. С тех пор ночные визиты прекратились.

Время летело быстро и небесполезно для Конана. Налеты и грабежи были удачными. Мордерми был хорошим организатором, да и Конан оказался мастером по части присвоения чужой собственности, - он ни в чем не уступал опытнейшим зингаранским бандитам: ни в дерзости, ни в изобретательности. Взаимная симпатия между Конаном и Мордерми постепенно переросла в дружбу, подогреваемую скрытым соперничеством.

Сантиддио и Сандокадзи тоже входили в круг его друзей, и это была уже иная дружба. Мордерми, в сущности, оставался варварам городских трущоб, и его жизнь текла по тем же диким, примитивным и безжалостным законам, что и в горах Киммерии. А Сантиддио и Сандокадзи всегда были отделены от Конана невидимым барьера, который порождало их происхождение. Несмотря на все разговоры о том, что все люди - братья, Сантиддио всегда не хватало практического подтверждения своих слов, что же до Сандокадзи, то ей казалось, что она играет в какую-то увлекательную игру.

Конан чувствовал, что он чужой в этой компании, в этой странной дружбе каждый преследовал свои цели. Мордерми мечтал стать чем-то большим нежели просто королем воров. Сандокадзи наслаждалась возможностью разрушить социальный порядок, лишивший ее всех прав и состояния. Сантиддио мечтал создать новое общество, где правил бы разум, а не сила, и, наконец, Конан-варвар, покинувший Киммерию, чтобы посмотреть цивилизованные страны и не утоливший пока до конца жажду путешествий.

Правда он нашел приключения, а это было ничуть не хуже.

Королевский маскарад собрал сотни гостей. По саду прогуливались фантастически одетые фигуры, а внутри павильона кавалеры кружились в танце со своими великолепно одетыми дамами, скользя по полу из черного мрамора. Скромно одетые девушки бесшумно скользили между гостями с подносами, уставленными сладостями, деликатесами, драгоценными серебряными кубками с редкими винами и мороженым. В тени деревьев или в увитых цветами беседках скрывались влюбленные парочки, откуда слышались нежные вздохи, шелест шелка и тихий смех.

Конан ел с жадностью, но от вина воздерживался. Нетерпеливым

движением руки он отталкивал прочь кубки со старинным вином столетней выдержки, как если бы это было простое пиво.

Тем, кто к нему обращался, Конан бросал короткие фразы на заморанском языке. По его угрожающему тону гости решали, что он пьян и груб. Но Конан был не пьян.

В отличие от Конана, Мордерми находил это ночное приключение увлекательным. Конан предпочитал воровство или открытый грабеж - взломать сокровищницу богатого лорда или напасть на купеческий караван. Он не доверял хитроумным комбинациям.

Внутри королевского дворца Мордерми удалось собрать много своих людей: кое-кого под видом слуг и лакеев, а кое-кого и в качестве гостей. Самым слабым звеном плана было оружие. Никто не мог позволить себе явиться на маскарад вооруженным с головы до пят. Конечно, никакой дворянин не выйдет из дома без штаги, да и лакеи тоже должны иметь что-то на случай разбойного нападения. Конан хотел командовать отрядом, который должен будет штурмовать королевский дворец снаружи, но Мордерми рассудил, что киммериец будет полезнее внутри.

Королевский дворец, окруженный высокими стенами и обрывающимися в море утесами, охранялся специальными частями королевской гвардии. Главными составляющими плана ограбления были дерзость и внезапность. Риск - на грани самоубийства, добыча - золото и драгоценности богатейших людей Зингары.

Рыжеволосая девушка, одетая только в шкуру и серебряную цепь, волокла за собой тяжелый двуручный меч, изображая смехотворную пародию на воина-варвара. Она с улыбкой обратилась к суровому и хмуруому Конану:

- Почему такой мрачный, мальчик? - прощебетала она. - Я знаю укромное местечко, где мы сможем без помех скрестить наше оружие в интимной схватке. Ведь еще не время снимать... маски.

- Еще не полночь? - спросил Конан с сильным акцентом. - Но сейчас должен начаться обещанный танец сокола.

Девушка скорчила гримасу.

- Ну, если ты хочешь смотреть на какой-то дурацкий танец, не буду тебя удерживать.

- Сука, - пробормотал Конан, когда она упорхнула прочь. Настроение у него не улучшалось. Он был не прочь принять предложение рыжей проститутки и заставить ее изменить свое мнение о нем, а уже потом заняться делами, но это была игра Мордерми, и Конану в ней была отведена роль, которую он не должен был провалить. В противном случае

весь тщательно разработанный план налета мог обернуться смертельной ловушкой для всех его участников.

Конан решил позволить служанке наполнить свой кубок и, выпив его, направился в павильон, где Сандокадзи готовилась к своему танцу. У многих людей при приближении смертельной развязки часто не выдерживают нервы; киммериец, напротив, становился еще более спокойным и хладнокровным.

То, что кто-то из королевских гостей изъявил желание станцевать на сцене, как простой танцор, никого не удивило. Ведь это был маскарад в честь дня рождения короля, когда вся зингаранская знать сбрасывала с себя родовую спесь и вела себя сообразно персонажам и личностям, которых они изображали в своих костюмах. Строгие матроны приставали к прохожим, как разбитные уличные девчонки, суровые лорды жеманничали с молоденькими девицами, а их ошелевшие от свободы дочери, втиснув свои тела в самые скучные одежды, демонстрировали свои прелести перед молодыми людьми, которые, в свою очередь, тоже не упускали случая похвастаться своими мужскими достоинствами.

Из королевской ложи, расположенной в верхней части галереи, гостям улыбался сам король Риманендо.

Его Величество был уже пьян сверх меры, его тучная фигура свешивалась со всех сторон с кресла, а глаза осоловело глядели вокруг. Мальчик с лоснящимся от масла телом, по приказу своего хозяина подавал ему кубок с вином или трубку с опиумом. Его двойник аккуратно снимал капли пота и вина с многочисленных подбородков монарха.

Несколько близких к королю придворных также сидели в королевской ложе, и вся галерея была забита солдатами из королевской охраны.

Король Риманендо был не настолько глуп, чтобы не позаботиться о страже на тот момент, когда он уснет, а гости будут продолжать плясать и веселиться.

Появление Сандокадзи вызвало возбуждение у распоясавшихся в похотливом бесстыдстве гостей. Сегодня благородные дамы соревновались в искусстве обольщения. Это были те самые матроны, которые обычно затягивались в черные одежды, из которых потом не могли освободиться без помощи, по крайней мере, двух камеристок. Отдельные части тела Сандокадзи, мелькавшие из-под перьев при движении, возбуждали зрителей больше, чем полностью обнаженные прелести молодых аристократок. Она обещала исполнить свой танец незадолго до полуночи, когда придет время снимать маски, поэтому с приближением назначенного часа нетерпение толпы нарастало.

Все собрались в павильоне, очистив на черном мраморном полу большой круг. Сандокадзи что-то сказала музыкантам, и они заиграли какую-то быструю мелодию. Конан плохо разбирался в музыке, и эта мелодия была ему незнакома, но остальные встретили ее взрывом аплодисментов.

Сандокадзи стояла в центре приготовленного для нее круга фантастическая фигурка среди скопления масок и карнавальных костюмов, собравшихся посмотреть ее танец. Оперение закрывало ее всю - от шеи до кончиков пальцев ног; девушка не двигалась. Из-под маски сокола, полностью закрывавшей ее лицо, на зрителей смотрели большие горящие глаза. Сантиддио отстегнул серебряную цепочку и отошел в сторону. Освободившись от оков, Сандокадзи неожиданно сильным прыжком взмыла в воздух, раскинув руки в стороны, как распластертые крылья. На несколько мгновений тело ее как бы повисло в воздухе. Стройное обнаженное тело полностью открылась изумленным зрителям. Затем она, сопровождаемая единодушным вздохом тысячи людей, легко опустилась на пол, и ее нагота скрылась под перьями.

Танец начался. Гибкое тело танцовщицы, грациозно изгибалось, стремительно крутилось, взлетало в воздух в волшебном полете. Ее стремительные движения разевали перья на одежде, то обнажая часть ее белой упругой груди, то загорелые бедра.

Музыканты ускорили темп, и Сандокадзи как будто парила над черным полом. Только опытный танцор мог выдержать такой ритм, сочетая его с искусными и выразительными жестами и позами. Многие зрители, очарованные открывшейся перед ними красотой, гадали кто же скрывается под этой маской.

И, наконец, когда зажигательная мелодия достигла крещендо, Сандокадзи, раскинув руки, опять взмыла в воздух, застыв в пируэте. Ее костюм из перьев взметнулся до уровня плеч, показав все обнаженное совершенство ее тела, парящего над черным мраморным полом. Сложив крылья, она ринулась на пол маленьким комочком, как сокол бросается на свою жертву. Закутавшись в плащ, Сандокадзи застыла в глубоком поклоне перед потрясенными зрителями.

- Дамы и господа! - закричал Сантиддио, присоединяясь к сестре, принимавшей восторженные поздравления. - Вы видели танец сокола. Но помните, что сокол - птица хищная и ей нужна добыча.

Все решили, что танцовщицу следует осыпать дождем мелких монет и безделушек, как простую актрису. Но грозные возгласы и предостерегающие крики быстро вывели их из заблуждения.

- Ну же, господа, живо! - воскликнул Сантиддио, обнажая шпагу. Развязывайте ваши кошельки, снимайте драгоценности, нам нужно золото, а не ваши презренные жизни.

Среди гостей произошло небольшое замешательство. Некоторые восприняли это как часть щучного представления, и лишь теперь начали осознавать, в каком положении они очутились. Пока продолжался танец сокола, люди Мордерми незаметно перегородили все выходы из павильона и держали оружие наготове. Парочки, веселившиеся в саду, при виде вооруженных разбойников разбежались кто куда.

- Никому не двигаться! - кричал Мордерми, запрыгнув на стол и угрожающе размахивая оружием. - Павильон окружен моими людьми. Кто не окажет сопротивления, будет отпущен с миром.

Несколько гостей, прозрев, схватились за шпаги, но быстро были убиты. При виде крови женщины завизжали, а остальные прекратили сопротивление.

Гости короля пришли в парк веселиться и не ожидали нападения. Преступники же были хорошо вооружены и организованы. Они быстро разоружили кавалеров, и гости в панике беспорядочно рассыпались по зале.

При первых же звуках стали гвардейцы Риманендо инстинктивно ринулись вниз. Разбойники учли и это. Конан издал довольноное урчание и, перехватив поудобнее ручку топора, занял место возле лестницы, ведущей на верхние галереи. Его сообщники быстро начали сооружать небольшую баррикаду из столов и стульев.

- Отойдите, расчистите место! - крикнул Конан. - Я один справлюсь, пусть против меня выступит хоть тысяча этих надушенных солдатиков. Ну, идите сюда, разряженные хлыщи! Кто желает умереть первым!

Конан знал, что говорил. Лестница была узкой, и одновременно по ней могло спускаться только несколько человек. Среди королевских стражников, разодетых в шелка и бархат, не оказалось ни одного лучника, а их длинные алебарды были бесполезны в узком пространстве.

- Ко мне, дурачье! - пронзительно завизжал Риманендо, осознав, наконец, возникшую угрозу. - Окружите меня, слышите? Вашему королю угрожает смерть. Любому, кто оставит меня, я прикажу отрубить голову!

Король Зингары крепко прижал к груди своих любимчиков. Блея от ужаса, он приказал окружить его плотным кольцом и, в случае необходимости, драться до последней капли крови, защищая его от убийц.

- Пусть те, кто внизу, спасаются как хотят! - скомандовал он. - О, Боже, как они кричат! Но почему наружное охранение не спешит к нам на

помощь?

С наружной стороны стены, у ворот, отделявших королевский дворец от остальной части города, часть охранников патрулировала выдающийся в море мыс. Со стороны сада мыс скрывали высокие отвесные скалы. Охрана была немногочисленной, во-первых, чтобы не мешать веселью гостей, и, во-вторых, в этом не было необходимости; Зингара не находилась в состоянии войны, хотя внутренние распри частенько давали себя знать.

Когда танец Сандокадзи достиг высшей точки накала, Мордерми незаметно подал сигнал одному из своих людей, а тот, в свою очередь, передал его группе разбойников, притаившихся с наружной стороны стены, ограждающей дворец.

И тогда темная дорога, ведущая из города в королевский дворец, неожиданно осветилась факелами. Раздались грозные крики, и к воротам подошла беспорядочная толпа людей. Более сотни членов Белой Розы бушевали перед воротами, размахивая плакатами и выкрикивая лозунги.

- Немедленно разойтись! - скомандовал капитан королевской гвардии. Вы что, оглохли? - Видя, что толпа не расходится, он приказал срочно усилить охрану ворот.

- Мы не уйдем, пока не поговорим с королем Риманендо! - закричал предводитель собравшихся, человек плотного телосложения. Это был Карико, радикал, один из претендентов на пост руководителя Белой Розы и соперников Сантиддио. Он был рад случаю повысить свой авторитет за счет участия в этой дерзкой затее.

- Его Величество и господа дворяне погрязли в пьянстве и разврате, в то время как кордавские вдовы ходят в лохмотьях и питаются обедками!

- Расходитесь, не то я прикажу солдатам срубить несколько голов.

- Позвоните короля, иначе мы не уйдем! - кричал Карико. - Народ пухнет с голода, а тиран и его приспешники жиреют от крови, которую высасывают из страны.

- Вызвать лучников, - скомандовал капитан, когда град камней обрушился на ворота. - Если этот шум привлечет внимание Его Величества, нам не сносить головы!

И в тот момент, когда толпа в павильоне рукоплескала танцу Сандокадзи, солдаты, оставив все посты, бежали на шум свалки у главных ворот.

Ворота располагались довольно далеко от павильона, поэтому в одном конце не было слышно, что твориться на другом. Но долго это продолжаться не могло. Разогнав толпу перед воротами, солдаты вскоре должны были вернуться обратно, поэтому действовать надлежало быстро.

Захватить павильон с пьяными кавалерами и падающими в обморок дамами совсем не то, что встретиться лицом к лицу с хорошо вооруженным отрядом регулярных войск.

Пока Риманенко прятался за спины своих гвардейцев, бандиты быстро избавляли королевских гостей от ценностей и кошельков с присущим им ловкостью и искусством. Маскарад был крупнейшим празднеством года, поэтому гости постарались надеть все самое лучшее. Теперь все эти кольца, браслеты, драгоценности, золотые тиары и полновесные кошельки перекочевывали в объемистые мешки разбойников. Туда же отправились золотые тарелки, подносы и прочая мелкая утварь, украшавшая праздничные столы.

Сандокадзи, возбужденно смеясь, перебегала от одной жертвы к другой с открытым мешком, быстро заполняя его драгоценностями, а ее брат с обнаженной штагой в руке постоянно находился рядом. После того, как несколько смельчаков, попытавшихся оказать сопротивление, были убиты, толпа, казалось, смирилась со своей участью. Дамы тихо всхлипывали, расставаясь с драгоценностями, мужчины чертихались и клялись отомстить. На полу лежало с десяток распростертых тел, и примерно столько же человек было ранено, что наглядно доказывало, что преступники шутить не собираются.

Конан расслабил мышцы и недобро посмотрел на гвардейцев короля. Трудно было ожидать, что они отважатся спуститься с галереи. Киммериец заключил, что зингаранцам не ведомы такие понятия, как совесть и честь, раз уж даже их король - пьяный трус и подонок, окруженный вооруженной охраной, допустил, чтобы на его глазах бандиты грабили его приближенных.

- Быстрее, друзья! - приговаривал Мордерми, расхаживая по залу и хлопая в ладони. В своем костюме он сильно напоминал настоящего короля, но придворные его Величества не сумели по достоинству оценить комизм ситуации.

Ограбление было совершено очень быстро. За несколько минут бандиты полностью набили несколько мешков так, чтобы их можно было унести. Мордерми здраво рассудил, что настала пора пожелать хозяевам спокойной ночи и удалиться подобру-поздорову, пока не подоспело подкрепление из королевских солдат и не испортило прекрасно проведенный вечер.

- Всем оставаться на местах, кому жизнь дорога! - предупредил он громовым голосом. - Все двери павильона находятся под прицелом моих лучников. Первый же осел, который надумает нас преследовать, получит

дубовую иглу в сердце.

Конан поспешил вслед за своими товарищами, прикидывая, сколько у них в запасе времени. Если эти дворяне из того же теста, что и их король, то они будут сидеть в павильоне, пока не поймут, что их одурачили.

Разбойники не успели отойти далеко, когда услышали крики бегущих солдат. Да, отступление было своевременным.

Толпа перед воротами при виде лучников быстро рассеялась, но мятежники продолжали бесноваться, выкрикивая ругательства и бросаясь из-за деревьев камнями. Кариго старался изо всех сил. На середину дороги выкатили соломенное изображение Риманендо и сожгли с торжествующими воплями.

Взбешенный капитан отдал приказ стрелять по толпе. Несколько людей было ранено, но лучников было мало, а мятежники ловко прятались за деревьями, пользуясь темнотой, поэтому эта выходка скорее разгневала, чем напугала демонстрантов, и бунт перед королевским садом разгорелся с новой силой.

Не дожидаясь подкрепления из города, капитан приказал солдатам выйти вперед и рассеять смутиянов. Сильный отряд солдат уже выходил из ворот, когда пришла весть о нападении на королевский павильон. В нерешительности, офицер приказал отряду вернуться и, оставив часть гарнизона для охраны ворот, двинул оставшихся солдат в сторону павильона, все еще раздумывая, откуда же последует основная атака.

Добравшись до павильона, офицер убедился, что бандиты уже ускользнули. Вместо них он обнаружил перепуганную массу королевских гостей, оплакивающих свои драгоценности и требующих казни всех, кого они считали в этом повинными, в том числе и нерадивых стражников.

Мордерми и его спутники в большой спешке пробирались по саду, избегая освещенных мест. Пока они немного опережали погоню, но все же следовало торопиться. Как только будет поднят на ноги весь гарнизон, выбраться из замка станет намного сложнее, ведь вокруг крутые утесы и тщательно охраняемые стены.

Начался третий этап плана, тщательно продуманного Мордерми. Нужно было успеть выбраться из крепости, иначе их всех переловят, как волков в овчарне.

В туманной дымке маленькая флотилия отчаянно боролась с течением, пытаясь причалить к узкой полоске суши у самого подножия утесов. Время было рассчитано до секунды. Именно в этот момент береговой патруль был отозван для охраны ворот. Перед операцией Мордерми подробнейшим образом изучил местность, и теперь

разбойники, преследуемые солдатами, быстро двигались по заранее намеченному маршруту.

Мыс находился примерно на высоте сотни футов над уровнем моря и представлял собой совершенно отвесную скалу. В условленной точке бандиты дали знак, и с берега была пущена стрела с привязанной к ней бечевкой. Затем с помощью бечевки была поднята толстая веревка. Один конец ее прочно закрепили за дерево, стоящее на самом краю обрыва, и начался спуск. Карабкаться вниз по веревке в доброй сотне футов над землей да еще с тяжеленным мешком за спиной было довольно трудно. Конан снял шелковую маску, закрывавшую лицо, и посмотрел на дорогу, по которой они пришли. Было очень темно, и это давало беглецам дополнительные преимущества. Солдаты сбились со следа, и Конан слышал шум и голоса прорицающих сквозь заросли людей. Время работало против беглецов.

- Спускайся вниз, Кадзи, - скомандовал Мордерми. - Возможно, нам придется драться.

- Я подожду вас, - ответила Сандокадзи.

- Сантиддио, спускай свою сестру, а то я сам спущу ее, но без помощи веревки. Мы с Конаном будем вас прикрывать.

Конан посмотрел вниз.

- Всем не успеть, - сказал он, - Может,бросим часть мешков и спустимся без них?

- Чтобы потерять их в море? - свирепо заорал Мордерми - Зачем тогда мы рисковали головой, если не можем уберечь то, что добыли с таким трудом?

- Как хочешь, - пожал плечами Конан, - только если мы не сумеем уберечь наши жизни, то и богатство уже не понадобиться.

Из зарослей с шумом выскочила первая группа преследователей. Было уже достаточно светло, и силуэты грабителей отчетливо вырисовывались на краю обрыва. Решив, что противник попал в западню, солдаты громкими криками стали созывать остальных.

Конан еще раз взглянул вниз. Большинство разбойников уже благополучно достигло земли, нужно было только ненадолго задержать погоню.

Запыхавшись от бега, солдаты не спешили нападать, тем не менее держа оружие наготове. Конан, облаченный в шлем и доспехи, находился в более выгодном положении, чем его товарищи, поэтому он без колебаний обрушился на одного из солдат. Держа топор двумя руками, Конан первым же ударом сломал шпагу, которой солдат безуспешно пытался защищаться.

Следующий удар проломил кирасу, и солдат замертво рухнул на траву. Выдернув из тела топор, Конан рукояткой парировал выпад следующего нападающего, затем одним взмахом отрубил ему руку по плечо и добил тупым концом. Рядом с ним Мордерми схватился с другим воином. Как и подобает отличному фехтовальщику, Мордерми сделал красивый ложный выпад и следующим движением поразил противника в незащищенное кирасой горло. Повернувшись к следующему нападающему, Мордерми отступил и получил штагой в живот.

Конан отшвырнул своего противника и могучим ударом размозжил череп гвардейца, нанесшего смертельную рану его другу. К удивлению киммерийца Мордерми только рассмеялся и вонзил шпагу в бедро следующего солдата, а когда тот скорчился от боли, добил его в сердце. Из разорванного живота Мордерми вместо крови и внутренностей посыпалось всякое тряпье - лезвие шпаги разрезало фальшивый живот, с помощью которого он изображал короля.

- Давай вниз, пока не подоспели остальные, - крикнул Конан.

- Иди первым, я прикрою, - отозвался Мордерми.

Внезапно Мордерми вскрикнул и попятился к краю обрыва. Его глаза расширились от боли и изумления при виде стрелы, пронзившей его плечо. Конан отреагировал мгновенно. Киммериец плашмя бросился наземь, и в тот же миг над его головой просвистела вторая стрела. Выругавшись, Мордерми упал рядом с ним. Еще одна стрела ударила о камни неподалеку. Противник явно выжидал, накапливая силы.

- Тебе плохо? - спросил Конан, пытаясь осмотреть кровоточащую рану своего товарища, которую тот зажимал рукой.

- Сердце не задето, если тебя это интересует, - сквозь зубы прощедил Мордерми. - Думаю, я смогу спуститься и на одной руке. Давай ты первый, а я за тобой.

- Упрямый осел! - выругался Конан. Его глаза внимательно всматривались в растущие перед ним заросли кустарника. Мордерми не заметил там ничего подозрительного, но когда следующая стрела впилась в землю совсем близко от беглецов, Конан резко прыгнул вперед и нанес удар топором. Раздался предсмертный крик и все смолкло.

- Думаю, там только один лучник, - сказал Конан, обращаясь к Мордерми. - Пошли, пока их не стало больше.

Они уцепились за веревку и скользнули с края обрыва. Конан спускался первым: он должен был поддерживать раненого. Это был трудный спуск. Веревка вырывалась из рук, ноги скользили по гладкой стене утеса.

Они преодолели значительную часть пути, когда веревка вдруг неожиданно ослабла. Конан едва успел зацепиться за какую-то расселину и удержать от падения Мордерми. Они находились на высоте около тридцати футов, а внизу виднелись острые скалы. Конан одной рукой цеплялся за трещину в скале, другой поддерживал Мордерми. Мимо промелькнули ослабевшие кольца веревки. Внизу послышался крик ужаса.

- Я почувствовал, что они пытаются перерезать веревку, и успел найти место, за которое можно было зацепиться, - тяжело дыша промолвил Конан.

- Что толку? Мы в ловушке. Без веревки отсюда не выбраться, - угрюмо ответил Мордерми.

Конан хмыкнул.

- В Киммерии каждый ребенок умеет лазить по скалам, еще не научившись ходить. А это не скала, а так, садовая дорожка. Давай-ка, цепляйся за меня - и в путь.

Беспомощный Мордерми постарался покрепче уцепиться за Конана. Утес казался гладким, как стекло, к тому же туман ухудшал видимость. Камни были скользкими от морских брызг, а мох лип к ладоням. Все это делало спуск еще более опасным.

Тем не менее, Конан продолжал спускаться с обезьяней ловкостью. Он как будто не замечал висящего на нем Мордерми. Весь спуск занял не более минуты, но Мордерми это время показалось вечностью.

- Вы решили поиздеваться над нами? - нервным смехом встретил их Сантиддио. - А мы, увидев падающую веревку, гадали, кто будет следующим.

- Если мы будем здесь торчать, то следующими будут солдаты Риманендо, - рявкнул Конан. - Мордерми уже получил стрелу, и скоро их будет гораздо больше.

- Чего вы ждете? Отчаливайте! - крикнул Мордерми. Он был бледен от потери крови. - Конан, я не забуду этого.

- Ты спас меня от виселицы, - ответил киммериец, когда суденышко преодолев прибрежный бурун, вышло в открытое море. - Я всегда плачу свои долги.

Глава 7.

ЗОЛОТОЙ СВЕТ, ГОЛУБОЙ СВЕТ

Лицо Мордерми выделялось неестественной белизной, но в его улыбке не чувствовалось слабости, когда он поднес великолепное ожерелье из крупного жемчуга к золотому свету свечи.

- Сандокадзи, это тебе. Вычи его стоимость из моей доли. Если бы не твой прекрасный танец, нам бы никогда не собрать этих знатных баранов в одно место для стрижки.

Мордерми был гол по пояс, и на его плече белела марлевая повязка. Возвращение в Преисподнюю прошло гладко. Как только они вернулись домой через один из туннелей, ведущих к побережью, стрелу удалили. Наконечник зацепил кость, но рана была не смертельной. Сон придал Мордерми силы, а вид богатств вернул хорошее настроение.

Вокруг его постели расположились друзья - Конан, жующий огромный кусок хлеба с сыром и запивающий все это вином, Сантиддио, невыспавшийся и все еще не пришедший в себя от возбуждения, и Сандокадзи, которая, смеясь, примеряла жемчужное ожерелье. Мордерми блестящими глазами смотрел на груду драгоценностей, которая сделает его имя легендой не для одного поколения воров.

В центре обитой деревянными панелями комнаты стоял массивный банкетный стол, покрытый грудой драгоценностей. Одни только самоцветные каменья стоили таких денег, что невозможно представить за один раз. Кольца и ожерелья, украшения и тиары, серьги, броши, кулоны -казалось, все звезды небосвода в роскошном беспорядке свалены на этом столе. Рядом с ними золотые и серебряные украшения блекли и терялись.

- Знаете, - задумчиво произнес Мордерми, - разделить все это будет пожалуй труднее, чем добыть.

- Но приятнее, - вставил Сантиддио.

Конан смахнул крошки в рот и запил из золотого кубка.

- И не менее опасно, - добавил он. - Эти побрякушки радуют глаз, но я предпочел бы деньги. Продать их будет невозможно. Наверняка, повсюду будут искать ищечки Риманенко.

- Чепуха, - успокоил его Мордерми. - Эта операция будет не сложнее, чем обычно. У меня есть надежные люди, которые помогут переплавить

все это в слитки и затем продать. Драгоценности реализуем через подставных лиц в Аквилонии. Даже за вычетом платы контрабандистам и перекупщикам, у нас останется столько денег, что можно будет купить всю Зингару и отправить короля Риманендо в публичные бани стирать мочалки.

- Здесь слишком много денег, а это всегда опасно, - упорствовал Конан. Глотнув вина, он хотел продолжить, но его перебил Сантиддио:

- И половина этого принадлежит Белой Розе.

- Мы хорошо заработали, - согласился Мордерми. - Признаться, меня даже начинают терзать сомнения, смогут ли ваши люди унести отсюда свою часть добычи.

- Меня тоже, - отозвался Сантиддио.

Послышался стук в дверь. Один из людей Мордерми - а в комнате постоянно находились вооруженные люди - открыл дверь и впустил в комнату Карико и Аввинти. Они явились ровно в назначенный час с точностью до минуты. Можно было подумать, что оба они дожидались ее за дверью. Аввинти поклонился с холодно-подчеркнутой учтивостью, а Карико бурно приветствовал собравшихся, горячо пожимая им руки. При виде груды богатства, разложенного на столе, в глазах обоих предводителей промелькнул благоговейный трепет.

Оба они были соперниками Сантиддио в политической борьбе за лидерство в Белой Розе.

Высокий и стройный Аввинти благородными чертами и аристократическими манерами отдаленно напоминал Сантиддио. Четвертый сын в семье богатого дворянина, он получил прекрасное образование и его дальнейшая судьба была схожа с судьбой Сантиддио, но именно это сходство и служило главной причиной разобщения. Конан презирал Аввинти.

Карико являл собой совсем другой тип. Неуклюжий, крепко сбитый, с грубо очерченными чертами лица и широкой выпуклой грудью он неизменно был приветлив и доброжелателен. Могучие плечи придавали ему сходство с кузнецом. Впрочем, до своего вступления в Белую Розу, он и в самом деле занимался кузнецким ремеслом. Его политические суждения отличались крайним радикализмом. Несмотря на отсутствие образования, он был неплохим мыслителем и умел в довольно доступной форме пропагандировать свои идеи, что завоевало ему популярность среди низших слоев бедноты. Конан, отец которого тоже был кузнецом, подумал, что Карико, вероятно, неплохой собутыльник, и ему скорее пристало ввязаться в какую-нибудь пьяную драку, чем произносить умные речи.

Теория Сантиддио представляла собой нечто среднее между

доктриной Аввинти, в которой предлагалось установить в стране диктатуру интеллектуальной элиты, и бесклассовой утопией Карико, проповедовавшего союз крестьянства и ремесленничества. Хотя фракции Аввинти и Сантиддио осуждали Карико за радикализм, им приходилось считаться с тем, что его поддерживали неимущие массы, составляющие большинство населения Зингары. Именно промежуточная, эклектическая позиция Сантиддио удерживала Белую Розу от распада.

- Впечатляет, не так ли? - обратился Сантиддио к вновь прибывшим, которые застыли с раскрытыми от изумления ртами.

- Этого хватит, чтобы кормить весь народ Зингары в течение целого года! - воскликнул Карико.

- Это может существенно пополнить фонды Белой Розы, - поучающее произнес Аввинти. - И превратить ее в реальную силу, способную влиять на зингаранскую политику.

- Раздел будем производить при следующей встрече, - предупредил Сантиддио надвигающуюся ссору. - Мордерми нужно время, чтобы тайно продать драгоценности.

- Сколько времени? - подозрительно спросил Аввинти.

- Это зависит от генерала Корста, - холодно посмотрел на него Мордерми. - Мы постараемся сделать все как можно быстрее, но необходимо принять меры предосторожности, чтобы никто не опознал похищенное. Я уверен, что Корст в первую очередь начнет прочесывать гавани - вывезти ценности на корабле - самый удобный способ. Речь идет не о простом ограблении, и Корст понимает, что может лишиться головы, если не найдет преступников. Мы должны быть предельно осторожны.

- Я согласен, - сказал Сантиддио. - А ты, Аввинти?

- Я считаю, что следует разделить все прямо сейчас, - сказал Аввинти.

- Убежден, что мы сумеем реализовать свою часть через Белую Розу быстро и без риска быть обманутыми.

Мордерми недобро улыбнулся:

- Обманутыми? - зловещий блеск появился в его глазах, правая рука небрежно легла на эфес шпаги.

- Посредниками, - поспешил добавить Аввинти.

- Ты что, знаком с кем-нибудь из скупщиков краденого? поинтересовался Карико.

- Нам нужен опытный ювелир, который смог бы оценить все это, напомнил Сантиддио. - Мы ведь не хотим, чтобы шемитские жулики уплатили нам только половину суммы?

- Мое единственное желание - чтобы эта сделка принесла максимум

пользы Белой Розе. Прошу извинить меня, если мои познания в области сбыта краденого несколько скучны.

Конан, который был свидетелем подобных споров бесчисленное множество раз, не вмешивался. Однако от Мордерми не укрылось, что киммериец ел и пил только с помощью левой руки, а правая, как бы невзначай, находилась рядом о рукоятью меча.

Аввинти был достаточно умен, чтобы сообразить, что остался в меньшинстве.

- Если таково общее желание, - произнес он с кислой миной, - то я не возражаю, чтобы реализация драгоценностей была бы проведена Мордерми. Но тогда, может быть, мы разделим деньги?

- Идет, - кивнул головой Мордерми. - У меня есть весы или... благородные господа сочтут ниже своего достоинства взвешивать презренный металл?

Настроение у всех заметно улучшилось. Сандокадзи перегнулась через стол и пододвинула к Мордерми тяжелую груду золотых, серебряных и медных монет. Все взгляды устремились к столу.

Все были так поглощены этим зрелищем, что один только Конан обратил внимание, что пламя свечей вдруг окрасилось в голубоватый цвет. Киммериец потер глаза. У него было ощущение, будто желтое пламя проходит сквозь голубую вуаль. Конан уже открыл рот, чтобы позвать остальных...

И тут открылась дверь. Тихо и внезапно. На пороге стоял незнакомец, освещенный голубоватым пламенем свечей. Никем не задержанный, он прошел вперед и подошел к столу.

Первым пришел в себя Мордерми.

- Кто ты и как попал сюда?

- Мое имя Каллидиос, - ответил тот с легкой иронией в голосе. - А попал я сюда очень просто - через дверь.

- Я приказал никого не впускать, - зарычал Мордерми, уязвленный тем, что его прервали.

- Мне этого никто не сообщил, - вежливо ответил незнакомец.

- Зачем ты пришел?

- Я пришел, чтобы дать вам короля.

Конан стиснул рукоять меча, но Мордерми только рассмеялся. Его смех подхватили остальные. Самоуверенность, с которой держался этот человек, попавший в воровской притон, где собираются самые безжалостные убийцы, без сомнения, говорила о том, что он сумасшедший. Только киммериец даже не улыбнулся. Он кожей ощущал холодное дыхание

колдовства, а запах, исходивший от незнакомца был запахом Стигии.

Каллидиос, однако, казался вполне безобидным. Он был молод - не старше всех присутствующих, - худ, его руки и ноги свободно болтались под повидавшей виды одеждой. Широкий плащ из какого-то серого материала свисал с его худых плеч, незнакомец неуклюже переминался с ноги на ногу, как будто ему мешала длинная шпага, которую он носил низко на бедре. У него было смуглое лицо и ястребиный нос, характерные для стигийской расы, но соломенные волосы и серо-зеленые глаза говорили о примеси монгрельской крови. Нездоровый блеск его глаз говорил, что незнакомец находится под наркотическим воздействием цветов лотоса.

- Еще раз спрашиваю, зачем ты пришел? Отвечай, пока мои люди не переломали тебе ребра.

- Боюсь, ты долго будешь звать своих людей, - засмеялся Каллидиос и переступил с ноги на ногу. - Они храпят во всю силу своих легких. Наверное, вчера поздно легли спать.

- Сифино! Амози! - крикнул Мордерми. - Идите и выбейте этому наглецу все зубы.

Не дождавшись ответа, Мордерми повторил свой призыв с еще большим гневом, и снова безрезультатно.

- Всего одно маленькое заклинание, - хмыкнул Каллидиос. - Я еще и не такое могу. Вложите ваши шпаги в ножны, господа, я пришел с миром.

- Конан, если этот идиот сделает хоть один шаг, убей его. - сказал Мордерми. - Сантиддио, выгляни за дверь, что там?

Сантиддио встал из-за стола и замер. В комнате не было двери, на ее месте стояла белая стена.

- Детский фокус, уверяю вас, - заметил Каллидиос. - Дверь, наверное, еще здесь, хотя я не уверен. Прости мне мою предосторожность - то, о чем я поведу речь, должно остаться в пределах нашего маленького круга.

Каллидиос не двинулся с места, и дверь вдруг снова появилась. Из коридора доносились голоса спорящих.

- Это просто внушение, - пояснил Каллидиос.

- Подожди, Конан. - Мордерми жестом остановил киммерийца, который было собрался проткнуть колдуна мечом. - Сперва выслушаем его. Наш гость обладает коварными талантами.

- Это стигийский колдун, и если он станет на голову короче, его коварство поуменьшится, - сказал Конан. - Его надо убить или потом мы будем горько раскаиваться в содеянном.

- Немного погодя, - предложил Мордерми, заметив, что все остальные разделяют слова киммерийца. - Прежде чем его вынесут отсюда вперед

ногами, пусть объяснит, зачем пожаловал.

- Нет ничего легче, - вяло отозвался Каллидиос. - Я пришел, чтобы помочь вам потратить ваши сокровища. - И беззаботно уселся в кресло.

- Он ненормальный! - заявил Мордерми. - Мне кажется, я его где-то уже видел. Ты шатался по Преисподней, качаясь от дыма желтого лотоса. Я не знаю, как ты проник сюда, но ты либо шпион Риманендо, либо что-то замышляешь. Во всяком случае, ты проник в нашу тайну, и живым тебе отсюда не уйти.

- Тайну? Неужели, черт возьми, ты думаешь, что такое ограбление можно сохранить в тайне? По всей Преисподней ходят слухи об удачном налете Мордерми. Даже ослы при королевском дворе понимают, кто лишил их драгоценностей и подверг публичному унижению. Жаль, что одно без другого не возможно, Мордерми. До сих пор Риманендо попросту не обращал на тебя внимания. Ты был королем воров здесь, в Преисподней, а Его Величество со своими приближенными обкрадывали народ там, наверху. С помощью налогов они за неделю собирали столько, сколько тебе со своей шайкой не наворовать за год.

Но теперь ты украл их гордость. Риманендо может спасти свое лицо только в том случае, если ты и твои люди будут кормить ворон на Танцевальном Помосте. Хуже того, ты заключил альянс с Белой Розой и побудил ее главарей перейти от болтовни к открытым действиям, мятежу. Вскоре Корст двинет свои войска на Преисподнюю, и король не пожалеет сил, чтобы уничтожить и Белую Розу и Мордерми.

- Итак, - заключил Каллидиос, - тебе придется обращаться со своим богатством очень осторожно, чтобы не оказаться на Танцевальном Помосте.

- Да он мудрец, - засмеялся Мордерми. - А мы-то думали, что Риманендо спит и видит, как мы погуляем на его денежки. Ну а теперь, учитывая, что жить тебе осталось немного, умоляю, расскажи, как нам использовать эти сокровища!

- Вы должны использовать их на уничтожение Риманендо, иначе Риманендо уничтожит вас.

Каллидиос поднялся с кресла и принял расхаживать по комнате своей странной вихляющейся походкой.

- Вы похитили богатство, но не знаете ему цену. Вы мечтаете накормить голодных, красиво одеться, печатать прокламации, закупать вооружение для своих сторонников. Мне вспоминается один случай, который произошел в моей стране. Несколько воров похитили из замка Сет драгоценный старинный амулет. Когда их схватили, то обнаружили, что

они выломали драгоценные камни, переплавили золото, и думали, что теперь они богачи. А ведь у них в руках был амулет, который делал любого человека неуязвимым!

Знаете ли вы, чем владеете? Какова цена вашему богатству? Это цена всего королевства! Если вы правильно распорядитесь добытыми сокровищами, Риманенко не удержится на троне. Из нищих изгоев, вынужденных, как крысы, прятаться под землей, вы превратитесь в новых правителей Зингары. Вы будете жить утопая в роскоши, во дворцах своих прежних хозяев.

- Ты был прав, - заметил Сантиддио, обращаясь к Мордерми, - этот малый действительно не в себе.

- Может быть, он нанюхался лотоса, и теперь рассказывает нам свои сны? - ответил Мордерми. - Но такие сны приятно смотреть, а не слушать.

- Сейчас я излечу его сумасшествие! - зарычал Конан.

- Нет, подожди, - остановил его Мордерми. - Давай выслушаем его до конца.

- Рассмотрим силы, удерживающие Риманенко на троне, - продолжал Каллидиос спокойным тоном, как будто был у себя дома. - Наверху общественной пирамиды сидит король - глупый и развращенный осел, - но весьма богатый, и это позволяет ему купить себе трон. На ступеньку ниже находятся лорды, которым дозволено тиранически до тех пор, пока это не потревожит покой самого Риманенко. Любой из лордов в состоянии свергнуть Риманенко, но его конкуренты будут всячески препятствовать возвышению наглеца, таким образом поддерживается баланс сил. Короля и его двор поддерживает армия - королевская гвардия и многочисленные вооруженные отряды могущественных лордов. Они охраняют своих хозяев и позволяют им тиранически тех, кто составляет основание пирамиды - народ Зингары.

- Этот человек с необыкновенно напыщенным видом, сообщает нам то, что мы и сами прекрасно знаем, - вмешался Сантиддио.

- И вы терпите подобное положение вещей, - продолжал Каллидиос нимало не смущаясь.

- Осталось недолго - взорвался Карико, не в силах сдержать своего гнева. - Когда дрогнет основание пирамиды, верхушка рухнет. Белая Роза приведет народ к новому обществу, где не будет ни угнетателей, ни угнетенных.

- Я уверен, что все мы мыслим одинаково, - оборвал его Каллидиос. Но самыми правильными словами не свергают королей и не побеждают регулярную армию.

- Солдаты не поднимут мечи против своих братьев. Белая Роза убедит их, что мы действуем в интересах всего народа Зингары.

- Ты ошибаешься, Кариго. Солдаты будут всегда на стороне того, кто им платит. На то они и солдаты.

Каллидиос обвел взглядом присутствующих и указал на стол заваленный сокровищами.

- Вот это может заставить армию драться на вашей стороне.

Как ни странно, все слушали стигийца, не перебивая.

- Вы видите в сокровищах только материальную сторону богатства. Вы, как те воришки с амулетом. А я скажу вам, что настоящая цена этому богатству - власть! Абсолютная власть на всей Зингарой.

- Почему бы мне не проверить этого колдуна честной сталью, предложил Конан. - Его язык так же разболтан, как и походка.

- Пусть продолжает, - вмешался Аввинти. - Может быть, он сумасшедший, но не дурак.

- Зингара созрела для перемены власти, - продолжал Каллидиос, наклонив голову в знак признательности за помощь. - Но она достанется не болтунам и не грабителям. Любой могущественный род мог бы занять место Риманендо, если бы ему не мешали соперники. Но узурпация власти неизбежно нарушит равновесие, а это приведет к гражданской войне, которая обескровит оба лагеря. Поэтому Риманендо остается на престоле.

Но имея в руках столько денег, сколько у вас, вы можете нарушить этот баланс, если, конечно, решитесь. Мордерми владеет сердцами нищего люда, Белая Роза - их мозг. Обладая таким богатством, вы можете легко приобрести могущественных друзей при дворе, вы можете покупать королевских судей и чиновников оптом и в розницу. Как только ваша сила станет очевидной для всех, вы можете вступить в тайные переговоры с кем-нибудь из наиболее могущественных лордов. И, наконец, наступит такой момент, когда вы сможете открыто выступить против Риманендо и его приспешников, и в пламени гражданской войны возникнет новое государство с новым правителем, которого вы выберете сами.

Ловите момент! Если вы будете долго колебаться и раздумывать, вас уничтожит та сила, которую вы сами на себя вызвали!

- А какое место ты отводишь себе в этой прекрасной сказке, которую нам сейчас поведал? - поинтересовался Сантиддио.

- Я хочу делить с вами власть, - мягко ответил ему Каллидиос. - Как удачно заметил Мордерми, я - человек коварных талантов. Я сумел незаметно проникнуть в ваше убежище, минуя бдительных стражей, и при желании мог бы так же исчезнуть отсюда, прихватив ваши сокровища. Но у

меня другие цели. Я хочу править королевством, а не драться с другими собаками за кость, упавшую с королевского стола.

- Неплохо придумано, - задумчиво протянул Мордерми. - Но мне кажется, мы можем легко распорядиться своими деньгами и без мудрых советов стигийского колдуна-ренегата. Странно, что человек таких способностей, как ты, Каллидиос, долго прозябал в Преисподней.

Каллидиос пожал плечами.

- Ты угадал, мне нельзя возвращаться в Стигию. Будь я одним из лордов Черного Кольца, я никогда бы не пал так низко. Но у меня есть основания скрываться в ваших подземельях.

Он плеснул себе вина в кубок и откинулся в кресле, не пролив при этом ни капли.

- Мой отец был одним из жрецов замка Сет. Однажды он возжелал прекрасную рабыню, завезенную из Офира для участия в ритуалах жертвоприношения. Вскоре она уже не могла выполнять своих функций, так как лишилась девственности. Мой отец был достаточно влиятельным человеком, но на этот раз не смог избежать немилости. После моего рождения враги не давали ему покоя, и он считал меня главным виновником своего падения.

Моя мать умерла. Мне пришлось много скитаться, выпрашивая милостыню. Меня терпели, как терпят бродячую собаку, пока она не надоест. Живя в замке Сет, я многому научился. Мне открывались древние, забытые тайны, а также запрещенные знания, которые я собирал по крохам у бесстрастных хранителей. В конце концов, я был вынужден бежать из Стигии, но к этому времени успел узнать для себя много полезного. И то, что я сейчас сижу здесь, перед вами, лишний раз доказывает, что мои слова - не простая бравада...

Из Луксура я бежал в Шем, где попал на отходящее судно, направлявшееся в Кордаву. Уже несколько недель я обитаю в Преисподней, но не потому, что вынужден скрываться от кого-либо. Подземелье - ненадежное убежище от колдунов Стигии; если им понадобиться, они разыщут вас на дне моря. Я пришел сюда в надежде найти способ применить свои познания. Я нашел его. Когда я услышал разговоры об удачной вылазке Мордерми, я поразмыслил и пришел к выводу, что наш союз может быть выгоден нам обоим.

- Я уже говорил, Каллидиос, - засмеялся Мордерми. - Для колдуна-самоучки ты слишком нагл и ведешь себя, как обыкновенный плут. Если бы ты был хотя бы наполовину могущественен, как ты говоришь, ты бы уже давно правил Стигией. Но все же в твоих словах что-то есть, и я готов

принять к себе еще одного ловкого мошенника. Может ты еще умеешь пользоваться шпагой, или ты сначала усыпляешь своего противника, а потом быстро убегаешь?

- Об этом мне трудно судить, - спокойно отозвался Каллидиос, - но я могу поднять армию против которой не устоит ни одно войско.

- Армию ? - удивился Мордерми. В тоне стигийца было столько ледяной самоуверенности, что он даже не улыбнулся.

- Да, армию, которую я могу собрать при помощи заклинаний, - ответил ему Каллидиос. - Так же, как ты можешь собрать армию при помощи денег. Давай станем союзниками, Мордерми, ты и я.

В серо-зеленых глазах колдуна плясали насмешливые огоньки, и Мордерми внезапно понял, что еще неизвестно кому в этом спектакле отведена роль дурака.

Глава 8.

УТРЕННЕЕ КУПАНИЕ

Море лениво лизало подгнившие сваи. Вдали звенели колокола. Конан смотрел на Сандокадзи, сидевшую на краю лодки, свесив ноги в воду, и представлял себе, о чем она думает.

- Нам понадобится лодка, - предупредил вчера Каллидиос, - кто-нибудь на веслах и хороший ныряльщик.

Конан сделал сильный гребок, и лодка заскользила по поверхности моря. Каллидиос сидел на носу в своей излюбленной неуклюжей позе и отдавал приказания. Сандокадзи находилась на корме. Конан согласился на эту прогулку, в душе борясь с желанием привязать стигийцу на шею якорь и утопить в самой глубокой части гавани.

Мордерми и Сантиддио всю ночь заседали вместе с главарями банды и предводителями Белой Розы. К удивлению Конана они согласились со всеми предложениями стигийца, причем Мордерми, во всеуслышание объявил, что Каллидиос высказал те мысли, которые он сам давно вынашивал в голове.

Каллидиоса подробно расспрашивали о его колдовском искусстве и тех могущественных силах, которые он может вызвать на помощь восставшим. Возможно, все что он говорил было бредом, вызванным наркотическим действием цветов лотоса, но не прислушаться к его словам было нельзя. От стигийца потребовали доказательств. Проверить все это поручили Конану, а Сандокадзи присоединилась к ним, чтобы киммериец не воспользовался случаем отправить Каллидиоса к праотцам.

Утро было холодным. Туман рассеивался, предвещая солнечный день. Конан знал, что люди Корста тщательно охраняют гавань, и снова про себя обругал Каллидиоса за его сумасшедшую прогулку близ порта. Было время отлива, и разноцветные паруса торговых кораблей и рыбакских шхун маячили далеко от берега. Это немного успокоило Конана: можно было проскочить незамеченным.

- Конан, смотри! - позвала Сандокадзи. - На дне люди!

Каллидиос поспешно перегнулся через борт, и взгляделся в воду.

- Статуи, - сказал он с видимым облегчением. - Обыкновенные садовые статуи. Я покажу вам кое-что получше.

Конан поднял весла и посмотрел за борт. Утренние лучи солнца проникали в самую толщу воды, и на дне ясно угадывались руины старой Кордавы. Среди развалин и обломков затонувшей виллы стояли статуи, погребенные в лесу водорослей. Стайки серебристых рыбешек, как птички, мелькали вокруг разъеденных морской водой камней.

- Не понимаю, как случилось, что во время землетрясения старый город оказался под водой, - сказал Конан. - Я думал, море поглотило только прибрежную его часть, а мы уже отъехали от города на добрую милю.

- Мы находимся за стенами старого города, - отозвался Каллидиос. Этот длинный полуостров когда-то находился на месте нынешней гавани Кордавы. В результате землетрясения его полностью залило водой. Когда-то здесь селились богатейшие люди города, теперь мы проплываем над останками их роскошных вилл.

По его указанию Конан направил лодку в открытое море, где сильное течение создавало сильную рябь на поверхности воды.

- Хорошо, мы идем правильным курсом. Правь вон туда, на мель. Гробница расположена дальше в море, но теперь мы ее отыщем без труда.

- Ты ведешь нас к гробнице? -sarкастически осведомился Конан. - А я думал, ты покажешь нам свою армию.

- Я покажу тебе все, что ты пожелаешь, киммериец.

Конан направил лодку в море и налег на весла. Он слабо верил словам Каллидиоса. Возможно, думал он, у стигийца действительно есть какая-нибудь банда, которая поджидает их в море на корабле или лодках, а может скрывается на одном из островков в дельте Черной реки.

- Чья это гробница, которую мы ищем? - спросила Сандокадзи, чтобы нарушить тягостную тишину.

- Короля Калениуса.

- Он тебе, наверное, приснился. Я не помню такого имени среди зингаранских королей.

Конан хмыкнул, прикидывая, где бы найти место поглубже, чтобы привести в исполнение свой замысел.

- Калениус был одним из величайших Турианских королей, - надменно проговорил Каллидиос. - Он жил в те времена, когда еще существовали Лемурия и Атлантида. Калениус правил Верулией, Фарсуном и Валузией, а рождения Зингары следовало ожидать только через тысячелетия.

- Но я никогда не слышала ни о таком короле, ни о его гробнице, ни, даже, о его королевстве, - рассерженно сказала Сандокадзи.

- Древняя Турия теперь обратилась в прах. Гордая гиборийская цивилизация, которая поднялась на обломках ее величия, начисто стерла

память о ней, - ответил Каллидиос. - Я думаю, придет время, и мы тоже обратимся в прах, и те, кто будет танцевать на наших истлевших костях, будут вспоминать о нас только по легендам.

- Какая чушь! - рассмеялась Сандокадзи. - Короли смертны, но как могут исчезнуть государства, народы?

- Посмотри на дно, и ты найдешь там ответ.

Конан не вмешивался в спор. Если Сандокадзи хочет браниться с сумасшедшим, пусть. Веревка якоря, накинутая на шею Каллидиоса, и несколько сотен футов воды успокоят его непоседливый язык.

- Спустя несколько веков как Кулл захватил трон Валузии, турианские королевства были ввергнуты в серию жестоких междоусобных войн. И только Калениус сумел восстановить мир и согласие к северу и западу от Грондара, а также в Потерянных Землях. Он создал империю, о которой честолюбивый турнианский князь Ишедигерд и мечтать не смел. Все народы и правители Континента склоняли свои головы перед волей и желаниями Калениуса. Он объявил, что его империя будет существовать тысячелетия, и память о ней никогда не исчезнет.

Но Калениус состарился и умер, и едва его положили в гробницу, как империю начали сотрясать междоусобные войны. Они не затихали до тех пор, пока Великое Землетрясение не стерло с лица земли королевство Турию, и теперь Калениуса помнят лишь те немногие, кто ищет забытое знание древних лет.

Каллидиос прервал свой монолог, внимательно всматриваясь в воду. Неожиданно он скомандовал:

- Суши весла, Конан. Мы на месте.

В следующее мгновение стигиец бросил якорь. Глаза Конана заметили кривую ухмылку, мелькнувшую на лице колдуна, и киммериец про себя выругался.

Они стояли на якоре примерно в лиге от берега. Под ними на небольшой глубине лежал затопленный полуостров. Судов поблизости не было, очевидно, капитаны предпочитали обходить мели стороной.

- Под нами, - провозгласил Каллидиос, - гробница Калениуса.

Сандокадзи и Конан внимательно посмотрели вниз. Море было спокойным, но мелкая рябь мешала как следует разглядеть дно. Мореказалось таким синим, что на горизонте сливалось с небом; над головой с пронзительными криками носились чайки. Конану показалось, что в этом месте дно поднимается, образуя подводный холм довольно больших размеров.

- Где же гробница? - спросил Конан, бросив выразительный взгляд на

Сандокадзи.

- Она покрыта водой и засыпана песком, - ответил Каллидиос. - Тысячу лет назад вы смогли бы различить развалины огромного мавзолея, на сооружение которого Калениус потратил тридцать лет. Все, что пощадило землетрясение, растащили основатели Кордавы для постройки своих жилищ. Остался только могильный холм, да и тот впоследствии поглотило море. Мы бросили якорь как раз над его останками.

- Очень интересно. - сказала Сандокадзи.

- Тридцать лет строилась гробница. На ее постройку согнали сотни тысяч искусных рабочих, десятки тысяч ремесленников. Сюда свозили богатства со всей империи. Такова была воля Калениуса, который хотел, чтобы его гробница стала чудом света, пережила века.

- Это урок всем нам, - сказала Сандокадзи. Становилось жарко, пора было заканчивать морскую прогулку.

- Здесь же ничего нет, - возразил Конан, чувствуя себя обманутым эффектным монологом стигийца.

Каллидиос сбросил обувь.

- Гробница здесь, и ее можно найти, если знать, где искать. Мраморные дворцы и золотые фонтаны не вечны, подобно букету цветов, брошенных на могилу. Главные чудеса гробницы Калениуса спрятаны под землей.

Каллидиос положил обувь рядом со штагой, снял штаны и начал выкручиваться из камзола.

- Конечно, - сказал он Конану, - если хочешь увидеть все своими глазами, поплыли со мной.

Конан пожал плечами и скинул башмаки. Он был обнажен по пояс, поэтому он быстро выскользнул из кожаных штанов, закрепил у пояса кинжал и был готов.

Сандокадзи улыбнулась, глядя на него, и тоже начала раздеваться. Перешагнув через упавшую юбку, она стянула через голову блузку и осталась в тонкой хлопковой сорочке.

- Ты тоже собираешься с нами? - недовольным тоном спросил Конан.

- Почему бы и нет? Погода для купания сегодня превосходная, и потом Каллидиос обещал показать нам "удивительные чудеса".

- Это займет немного времени, - сказал Каллидиос, который возился с якорной веревкой, стараясь поставить лодку над краем могильного холма. Без одежды стигиец казался каким-то невероятным скоплением угловатых костей и шишкообразных соединений. Рядом с великолепно сложенным, бронзовым от загара, киммерийцем он выглядел, как ободранный уличный

кот, вывалившийся в луже.

- Что мы должны увидеть? - спросил Конан.

- Следуйте за мной, - крикнул Каллидиос и прыгнул в море.

Весело рассмеявшись, Сандокадзи последовала его примеру. Не переставая хмуриться, Конан прыгнул следом.

Три головы показались над водой. Позади них утренний бриз играл с пустой лодкой, то натягивая, то ослабляя якорную цепь. Каллидиос, чьи жиденькие волосы цвета пакли облепили куполообразный череп, поплыл к тому месту, где дно круто уходило в глубину. Там он подождал своих спутников.

- Тысячеколонный мавзолей с потолком из ярко-голубого ляписа, по которому днем двигалось золотое солнце, а ночью платиновая луна, полом, устланым плитами, по которым текли вечно сияющие золотые реки, должен был служить ярким зрелищем для многих поколений подданных, погруженных в глубокий траур. Тело короля Калениуса, предохраненное от тления специальными составами, изготовленными его придворными колдунами и магами, помещалось в тайном каземате под землей. Его великолепие отличалось от красот наземного мавзолея, как сам мавзолей отличался от хижины бедняка. Калениус приказал воздвигнуть здесь, на равнине, большую гору. Двести тысяч рабов трудились, перетаскивая землю, в течение тридцати лет, и над гробницей вырос внушительный холм.

По своим размерам он достоин венчать могилу усопшего бога. Его диаметр составлял тысячу футов, а высота двести. На склонах высились замки и монументы, поражавшие воображение путешественников. Внутри холма находился дворец, который по своему размаху и великолепию превосходил прижизненную резиденцию монарха. Останки короля были помещены на золотой трон, с которого он намеревался править вечно.

Во время второго землетрясения, поглотившего часть старой Кордавы, продолжал Каллидиос, - никто уже не помнил имени Калениуса, а его грандиозный курган превратился в маленький холмик. Затем море поглотило то, что некогда было величайшим творением той эпохи, и гора, воздвигнутая королем Калениусом, превратилась в безымянную мель. Если вы хотите убедиться в правдивости моих слов, следуйте за мной.

Конан, несмотря на свой скептицизм, почувствовал, как в нем пробуждается интерес. Перспектива ограбления королевской могилы придала его мыслям другое направление. Память о короле Калениусе могла стереться, но его золото должно было пережить века.

- Эта гробница... - начал Конан.

Но Каллидиос уже исчез под водой.

Конан выругался сквозь зубы и последовал за стигийцем в глубь моря.

Соленая вода с непривычки щипала глаза, но Конан быстро привык. Неподалеку он увидел Сандокадзи - ее тонкая белая сорочка плотно облегала тело, подчеркивая соблазнительные очертания ее фигуры. Впереди них Каллидиос погружался все глубже и глубже. Конан чувствовал, как увеличивается давление воды, но, стиснув зубы, продолжал плыть дальше.

У края мели круто обрывалось вниз. Край обрыва терялся в густых зарослях водорослей. Конан неясно различал большие каменные глыбы, в беспорядке торчащие из морского дна. Присмотревшись, он понял, что это остатки гигантских цилиндрических колонн.

Конану сдавливало грудь, а череп раскалывался от боли, но в этот момент Каллидиос задержался над каким-то темным пятном, выделявшимся на склоне холма. Стигиец энергичными жестами подозвал к себе Конана, и затем быстро устремился к поверхности. Из последних сил Конан подплыл к указанному месту.

На склоне зияла черной пастью большая расселина, обрамленная пучками водорослей. От нее в разные стороны тянулись обломки колонн и каменных плит. Подплыв поближе, Конан понял, что это вход в курган. Конец длинного коридора терялся во тьме. В полутьме виднелись несколько рядов каменных фигур, служивших, очевидно, для украшения входа.

Воздух был на исходе, и Конан устремился к поверхности. Вынырнув, киммериец с удовольствием сделал большой вдох.

- Ну что, видел? - спросил Каллидиос.

- Я видел каменные развалины и пещеру на краю холма, - ответил Конан, протирая глаза. Лодка качалась на волнах недалеко от них.

- Я же говорил, - воскликнул стигиец. - Море и землетрясения разрушили курган и открыли вход в гробницу короля Калениуса. Я провел здесь немало дней, прежде чем обнаружил его. Я должен был убедиться, что мавзолей действительно принадлежал Калениусу. И я нашел их! Разве нет?

- Ты говорил, что знаешь способ собрать могучую армию, которая поможет нам скинуть Риманенко, - ответил Конан. - Мы пришли сюда, чтобы убедиться, что ты не лжешь. Вместо этого ты подсовываешь нам какой-то курган и какие-то развалины. Мне сдается, что все твои обещания помочь нам - пустая болтовня, и единственное, чего ты хочешь от нас - чтобы мы приняли участие в поисках сомнительных сокровищ этой

подводной гробницы!

- Неужели ты думаешь, что я стал бы делиться своей тайной и своими знаниями, если бы мне была не нужна помошь твоих друзей? - огрызнулся Каллидиос. - В гробнице сокрыты такие богатства, которые тебе и не снились, киммериец. Иначе бы я не убежал из Стигии, чтобы их отыскать. Но я обещал показать тебе воинов, которых могу собрать. Вспомни, что ты еще видел внизу?

- Ничего, кроме черной дыры в холме и сломанных колонн, - ответил Конан. - И еще какие-то статуи, вроде тех, что мы видели раньше.

- Статуи, - рассмеялся Каллидиос. - Значит, ты их видел? Присмотрись к ним получше, киммериец!

Не дожидаясь ответа, Каллидиос сделал глубокий вздох и снова нырнул в глубину. Удивленный странным поведением стигийца и его словами, Конан последовал за ним.

Снова голову сдавило будто обручем. Конан подумал, что не всякий пловец смог бы добраться до расселины, и в его душе шевельнулось нечто, похожее на уважение к стигийцу, проявившему столько старания, чтобы отыскать вход в захоронение. И все же цель, которую преследовал колдун, оставалось для него загадкой.

Каллидиос медленно плыл над темным отверстием. Хотя дно было покрыто зарослями водорослей, Конан решил, что на этот раз стигиец говорил правду: это действительно было древнее захоронение, разрушенное водой и земными катаклизмами.

Подплыв поближе к входу, Конан внимательно посмотрел на ряд статуй, наполовину погребенных под обломками и покрытых водорослями. Это были фигуры воинов, изваянные из какого-то черного камня. Ростом они были с обычного человека, и в руках они сжимали какое-то древнее, неизвестное Конану оружие. Доспехи были тоже непривычной формы. Конана поразило мастерство неизвестного скульптора, который с величайшей скрупулезностью вырисовал мельчайшие детали костюма, лиц и оружия воинов, а также прочность самого материала, который, в отличие от древних колонн, казалось, совсем не подвергся разрушительному воздействию морской воды. С полдюжины этих воинов выстроились у входа в туннель, а в самой глубине коридора виднелись другие. Это было настоящее произведение искусства, и, если их поднять на поверхность, за них можно было бы выручить неплохие деньги. Итак, армия Каллидиоса - блеф. Но гробница с фантастическими богатствами существует на самом деле, и она недосыгаема для любого вора или грабителя, который не имеет жабер. Неудивительно, что Каллидиосу понадобилась помошь, чтобы

завладеть ее богатствами.

Мимо Конана проплыла Сандокадзи, желающая получить рассмотреть открытие стигийца. Двигая загорелыми ногами, она подплыла к отверстию, ведущему в пещеру, и остановилась вблизи каменных воинов.

Рука статуи резко поднялась, и черная кисть схватила край сорочки девушки.

Сандокадзи рванулась к поверхности. Взглянув вниз, чтобы посмотреть, что держит ее сорочку, она издала крик ужаса, и туча пузырьков вырвалась у нее изо рта.

Крепко держа Сандокадзи, статуя подняла другую руку с зажатой в ней палицей и начала притягивать девушку к себе. Преодолевая сопротивление воды, палица медленно стала опускаться на голову отчаянно барахтающейся Сандокадзи.

Еще не сознавая до конца смысла происходящего, Конан выхватил кинжал и бросился на помощь Сандокадзи. Схватив за плечо, он рванул ее в сторону, и удар палицы пришелся мимо.

Краем глаза Конан заметил, что другая черная фигура также повернулась в их сторону. Морской ил сыпался с нее, когда она двинулась по проходу на помощь первому воину. Меч из оникса поднялся для удара.

Пузырьки больше не вырывались изо рта Сандокадзи, а тело беспомощно болталось в воде. Кинжал Конана ударил черную руку, державшую сорочку девушки. Стальное лезвие скользнуло с каменной поверхности, не причинив вреда. Увернувшись от очередного удара палицей, Конан изо всех сил оттолкнулся ногами от каменного плеча подводного чудовища.

Ткань не выдержала и порвалась, оставив кусок сорочки в каменной руке. Инерция толчка отбросила Конана прочь от каменного идола. В руках у него безжизненно висело тело девушки.

Изо всех сил работая ногами, Конан быстро поплыл к поверхности. Бросив осторожный взгляд вниз, он увидел, как каменный воин стоит, задрав голову и держа поднятую палицу. Кусок белой сорочки Сандокадзи разевался в его руке, доказывая, что все произшедшее не было бредом.

Конан вынырнул из воды. Сандокадзи начала приходить в себя, судорожно глотая воздух и выплевывая морскую воду.

- Каллидиос, ты ублюдок! - в ярости зарычал Конан. - Ты ведь знал, что они живые! Почему ты не предупредил нас?

- Я знал, что они начнут двигаться, если вы подплывете слишком близко, - оправдывался стигиец. - Но они слишком тяжелы, чтобы угнаться за вами, а я не думал, что вы будете настолько беззаботны, что

приблизитесь к ним на расстояние вытянутой руки.

Затем Каллидиос злобно усмехнулся.

- Ну, что же вы больше не насмехаетесь надо мной? А? Значит я просто нюхатель лотоса? Не так ли? Боже, почему я должен тратить свою силу и мудрость, чтобы пытаться что-то доказать неотесанному варвару и надменной шлюхе? Я же говорил, что с помощью заклинаний могу вызвать армию. Вы потребовали доказательств - я вам их предоставил. Что же касается опасностей, с которыми это было сопряжено, то я делил их вместе с вами, как равный.

- Оставь его, Конан, - с трудом проговорила Сандокадзи, заходясь от кашля. - Он прав. Мы не верили ему и не поверили бы, пока не убедились собственными глазами. Меня заинтересовал камень, из которого сделаны эти истуканы, иначе бы я не приблизилась к ним.

Конан продолжал ругаться, но Каллидиос благоразумно держался на расстоянии, а Сандокадзи была слишком слаба, чтобы плыть самостоятельно. Поэтому, пообещав сквитаться в другой раз, киммериец с девушкой на спине поплыл к лодке.

Все три пловца быстро добрались до своего суденышка и, не мешкая, залезли в него.

- И все же, ты должен был нас предупредить, - сердито повторил Конан, выбирая якорь. Его глаза сверкали гневом.

Сандокадзи с беспокойством оглядывалась по сторонам, ее все еще рвало. Возможно, каменные воины и не умеют плавать, но было бы все же лучше, если бы Конан перестал ругаться с Каллидиосом, и они поскорее бы добрались до берега. Несмотря на жаркое солнце, девушку был озноб.

- Кто же они? - спросила Сандокадзи.

- Их называют Последняя Гвардия, - ответил Каллидиос. - Тысяча лучших воинов империи - фанатики, чью преданность не смогли поколебать даже смерть и время.

- Но они же не люди, - запротестовал Конан. - Рука, которую я ударил кинжалом, была тверда, как камень.

- Когда-то это была живая плоть, - продолжил свой рассказ Каллидиос. - Но Калениус понимал, что ни один смертный не сможет охранять его гробницу в течение столетий. Тайные ходы откроются терпеливым, коварным ловушкам раскроют себя, сработав один раз, а могучие заклинания будут сняты более сильными колдунами. Всего этого было недостаточно, чтобы оградить гробницу от воров и разбойников.

Тогда придворные маги создали Последнюю Гвардию. Тысяча лучших воинов была превращена в бессмертные существа из живого камня, чтобы

вечно охранять покой короля Калениуса. Многие века несут они свою службу. Континенты содрогаются и тонут, давно уже истерлись в людской памяти и сам Калениус и его империя, а они по-прежнему на посту.

- Как мог человек выбрать себе такую судьбу? - вздрогнула от ужаса Сандокадзи, кутаясь в высохшую на солнце одежду.

- Об этом история умалчивает, - пожал плечами Каллидиос. - В те времена было принято погребать monarchov вместе с их домашними, приближенными, независимо от того, живы они или нет. Последняя Гвардия это элита, состоящая из фанатиков, которые, очевидно, почитали за честь, вечно оставаться рядом со своим королем. И потом, другие правители позволяли своим солдатам умирать за свое королевское величие, Калениус же обеспечил Последнюю Гвардию бессмертием.

- Ты считаешь, что живая смерть - это честь? - спросил Конан, изо всех сил налегая на весла.

- Но ты должен признать, что они несут свою службу, отменно, ответил Каллидиос. - Рука Времени превратила дворец Калениуса в руины, но его гробница никогда не будет ограблена людьми. Кто способен сразиться с ее хранителями? Они неуязвимы для стали, их не интересует золото. Они подчиняются только приказам Калениуса. Он велел им охранять могилу, и они будут выполнять его приказ, пока не кончится само Время.

Конан перестал грести.

- Так значит, ты привел нас сюда для того, чтобы показать армию Сатаны, которой не может управлять ни один человек, и гробницу, которую не в силах ограбить ни один смертный? Мордерми будет тебе очень благодарен.

- Мордерми действительно поблагодарит меня, когда узнает что и то и другое возможно, - доверительным тоном сообщил Каллидиос.

- Конан! - прервала их разговор Сандокадзи. - На побережье пожар.

Конан повернулся к берегу. Черные клубы дыма заволакивали безоблачное небо. То и дело над крышами домов, тянувшихся вдоль всего побережья, вспыхивали огромные языки пламени. Конан заслонил рукой глаза и пригляделся. На фоне пламени виднелись темные фигурки людей, мечущихся по улицам.

- Это Корст! - угремо проговорил Конан. - Он напал на Преисподнюю.

Глава 9.

НАЗАД ПУТИ НЕТ

Атака Корста была актом отчаяния. После налета Мордерми на королевский павильон, Риманенко собрал у себя армейскую верхушку. Его речь была лаконичной:

- Если через три дня воры не будут висеть на Танцевальном Помосте, их место займете вы!

Четкость, с которой Мордерми провел свою операцию, говорила о том, что он располагает широкой сетью осведомителей, по своему размаху и эффективности работы не уступающей той, которой пользовался сам Корст. До сего момента действия известного по всей Кордаве преступника мало беспокоили генерала: розыском воров должна заниматься городская стража, а не армия. Налет на королевский павильон все изменил. Преступники покусились на честь Его Величества, а участие в этой акции Белой Розы следовало расценивать, как открытое выступление против монаршей власти. Вывод, который напрашивался из всего сказанного, был очевиден: Мордерми и его банда должны перестать существовать.

Корст понимал, что сделать это можно будет только очень дорогой ценой. Преисподня - крепость внутри крепости, государство, в котором кордавские законы ставятся так же высоко, как, скажем, где-нибудь в Китае или Вендии. Вторжение в Преисподнюю равносильно вторжению в чужую страну, население которой будет оказывать отчаянное сопротивление войскам Риманенко.

Но Корст не желал стоять вместо Мордерми на Танцевальном Помосте.

Конан достиг побережья, когда Корст уже начал наступление. Ярко-красные с золотым цвета королевской армии Зингара, казалось, заполнили все улицы города. Дома над Преисподней были объяты пламенем. Небольшие группы людей защищали входы в подземный город.

- Надеюсь, ты не собираешься туда? - спросил Каллидиос.

- Мордерми мой друг, - просто ответил Конан, ни секунды не колеблясь.

- Мордерми в ловушке, - убеждал его Каллидиос. - Ты прорвешься сквозь ряды королевских солдат ради сомнительного удовольствия

погибнуть вместе с остальными защитниками.

- Я был бы уже там, если бы не твоя бессмысленная затея, - оргрызнулся Конан. - Только бы Мордерми задержал атаку Корста, тогда у нас появиться шанс. Корсту понадобится сжечь всю Кордаву, чтобы выкурить нас оттуда.

Помолчав, он добавил:

- Сандокадзи, тебе лучше быть подальше отсюда. Садись с Каллидиосом в лодку и, когда я высажусь на берег...

- Если тебе взбрело в голову, что я решила бежать, то ты ничем не умнее Каллидиоса. Мое место там, - прервала она его.

- Как хочешь, - пожал плечами Конан. Киммерийские женщины не боялись кровопролития, но в цивилизованных странах, как заметил он, от женщины требовалась робость.

- Каллидиос, - сказал он, - как только лодка коснется берега, поворачивай и греби в свою Стигию.

Колдун натянул одежду и пристегнул штагу.

- Я обещал Мордерми сделать его королем, - ухмыльнулся он. - К несчастью, Корст опередил нас, но назад пути нет. Твои друзья мечтали о революции, ну так начнем ее сейчас! Восставшим не будет пощады. Либо нас будут чествовать как освободителей, либо повесят как предателей. Так что предоставим решать это нашим штагам и нашему разуму.

"Ну, в этом случае твои шансы равны нулю", - подумал Конан про себя. Нет, он решительно не понимал этого человека. Что толкает его в самое пекло: мужество, или может, ему придал силы запах желтого лотоса? Конан отогнал эти мысли и посмотрел на свой меч.

- Каллидиос, - подала голос Сандокадзи. - В прошлый раз ты сумел незаметно проникнуть в логово Мордерми, может, твоя магия сумеет провести нас и через кордоны Корста?

- Всех троих, среди бела дня, на глазах толпы?! - запротестовал стигиец. - Это не тот случай, мои заклинания для этого не годятся.

- Наконец-то мы получили искреннее мнение колдуна о своих возможностях, - поддел его Конан.

- Что ты знаешь о колдовстве, киммериец?! - не сдержался Каллидиос. Если лучник хорошо стреляет из лука, это не значит, что он столь же искусен в обращении с мечом. Я занимался одним из разделов Черной магии, и нет ни одного лорда Черного Кольца, который бы продвинул в этом направлении дальше, чем я.

- Все это ты расскажешь гвардейцам Корста, когда они тебя спросят, что ты тут делаешь, - оборвал его Конан. - Попробуем пробраться в

подземелья через ход, которым мы пользовались после последнего налета. Не может же Корст охранять все входы и выходы. У него не столько людей, чтобы заглядывать в каждую крысиную дыру.

В этом Конан был прав. Но это понимал и Корст. Бросив на штурм подземелей три отряда зингаранской армии, он одновременно велел патрулировать предполагаемые границы Преисподней усиленными нарядами городской стражи. Получив приказ Риманендо, который предоставлял ему полную свободу действий в отношении преступников, Корст решил брать Преисподнюю, как укрепленный вражеский пункт. Кто не оказывал сопротивления заключались под стражу и, после соответствующего дознания, заключались в тюрьму, либо отпускались на свободу, все остальные безжалостно уничтожались.

Если все пойдет по плану, преступники будут перебиты все до одного прежде, чем осознают, в какую ловушку они угодили. Но Корст умел смотреть на вещи трезво и хорошо понимал, что легкой победы ему не одержать. Каждый из обитателей Преисподней будет драться до последнего. Что ж, пусть так, Корсту нужна была только победа, а человеческие жизни значили для него не больше, чем пешки в шахматной игре.

Туннель под побережьем ускользнул от взора патрулей, и Конан со спутниками беспрепятственно проникли в Преисподнюю, минуя кордоны Корста. Конан понимал, что рано или поздно этот ход тоже будет обнаружен, поэтому рассчитывать на него в случае отступления было рискованно. В сопровождении Каллидиоса и Сандокадзи он спешил по улицам подземного города, торопясь достичь убежища Мордерми до того, как королевские солдаты ворвутся в Преисподнюю.

А на улицах подземной Кордавы уже кипела битва, в своей сумятице больше похожая на пьяную драку в трактире. Все пространство между домами было занято дерущимися людьми, шла борьба не на жизнь, а на смерть. Клубы дыма делали сводчатый потолок еще ниже, воздух раздражал легкие, уши закладывало от шума. Однажды Конану довелось видеть схватку между двумя крупными вооруженными отрядами, сошедшими в туннеле. Зрелище было ужасным. Нечто подобное происходило и сейчас.

Этот хаос вносил сумятицу в действия королевских солдат, затрудняя их быстрое продвижение. Рассчитывая захватить бандитов врасплох, Корст атаковал Преисподнюю сразу с трех сторон. Но при появлении первых же кордонов королевского войска весть о нападении быстро распространилась по всему подземному городу. Слух о том, что Риманенко наконец решил

окончательно покончить с печально известным гнездом порока и зла, передавался из одних уст в другие со скоростью летящей стрелы. Будучи загнанными в угол, жители Преисподней отчаянно защищались.

Солдаты Корста, ожидавшие увидеть беспомощное человеческое стадо, охваченное паникой, встретили разъяренных зверей в человеческом обличье. Это были не беспомощные, послушные граждане верхнего города, это были закоренелые преступники, для которых насилия и убийства были привычной, неотъемлемой частью существования, и их ненависть в равной степени распространялась на королевские законы и на тех, кто эти законы охранял. Люди Корста не успели углубиться далеко, как их путь преградили наспех сооруженные баррикады, защитники которых готовы умереть, но не пустить врага. Град стрел и камней обрушился на передние отряды нападающих, в то время как защитники баррикад оставались неуязвимыми. Солдаты откатились назад, оставляя на земле убитых и раненых. Узкие улицы ограничивали свободу маневра, поэтому командир передового отряда отправил Корсту сообщение о невозможности дальнейшего продвижения вперед. Корст нимало не смущившись распорядился бросить в бой свежие части.

В это время Конан и его спутники прокладывали себе путь к убежищу Мордерми. По всему периметру солдаты Корста без особого успеха пытались пробиться к туннелям, ведущим в Преисподнюю. Огонь, с помощью которого гвардейцы Корста пытались выкурить защитников, вышел из-под контроля и угрожал охватить всю подземную Кордаву. Мужчины и женщины бегали по узким улицам, разнося оружие и материалы для сооружения дополнительных баррикад. В местах особо жестоких схваток горы трупов становились естественной преградой на пути движущейся армии.

Почти у самого убежища Мордерми Конан заметил самого главаря разбойников, окруженного товарищами по оружию. Его лицо горело от возбуждения, но голос, которым он отдавал необходимые распоряжения, звучал спокойно и даже бесстрастно. Заметив Конана, он слегка улыбнулся.

- А вот и киммериец. В то время как мои храбрые воины подумывают о бегстве, он с риском для жизни пробирается в самое пекло, чтобы принять участие в борьбе. Ну как там?

- Корст окружил Преисподнюю... - начал Конан.

- Скажи что-нибудь новенькое. Сегодня мы досыта накормим Корста. Пока мы будем держаться, Сантиддио вооружит своих людей и поставит на баррикады. Нападение Корста всколыхнуло народ Кордавы, армия Белой Розы пополняется все новыми защитниками. Если нам удастся здесь

закрепиться, Корсту понадобиться расковырять пол-Кордавы, чтобы выкуриить нас отсюда. Этого ему никто не позволит, даже Риманенко.

Мордерми мотнул головой в сторону Каллидиоса.

- Ну, что вам показал наш любитель лотоса?

- Спроси Сандокадзи, - буркнул Конан, у которого не было ни малейшего желания говорить о колдовстве, когда вокруг кипела битва. - Где мое место?

- Возьми на себя баррикады на Эйл Страт и пришли ко мне Сифино с докладом, - ответил Мордерми, с гримасой дотрагиваясь до забинтованного плеча. - Похоже, Корст собирается нанести там главный удар. Если он прорвется, его солдаты окажутся в Преисподней. Я буду руководить отсюда с моим плечом в сражении делать нечего, в случае чего, запремся в моем убежище. Но для нас было бы лучше не допустить Корста в Преисподнюю.

- Теперь ты скажи мне что-нибудь новенькое, - усмехнулся Конан. - Дай мне коня, а то пока я буду пробиваться через толпу, бой закончится.

Один из людей Мордерми спешился и бросил поводья киммерийцу. Конан тут же вскочил в седло и, пришпорив лошадь, поскакал по направлению к Эйл Страт, стараясь выбросить из головы мысли о колдовстве. Человек против человека, сталь против стали - вот это Конан любил и уважал.

Глядя, как он быстро пробирается через плотную толпу, Мордерми с улыбкой сказал:

- Черт побери, будь у меня сотня таких молодцов, в Зингаре сейчас был бы новый король.

- Ну что, стигиец? - обратился он к Каллидиосу, почувствовав на себе его взгляд.

- Конан поскакал драться, как обычная пешка, - осклабился колдун. Пешки хороши, чтобы выигрывать битвы, войны - но только человек, который знает, как использовать пешки в своей игре, может следовать дорогой королей. Я полагаю, Мордерми, подошло время, чтобы обсудить наши с тобой дела.

Глава 10. БЕЛЬЙ ЖАР

Эйл Страт была главной улицей Преисподней, гордостью жителей подземного города. Во времена старой Кордавы это была широкая прямая улица с прекрасными особняками - ее прежнее название не сохранилось. Когда войска Корста завязли в узких улочках, ширина которых не позволяла разъехаться двум телегам, генерал решил направить главный удар своих сил именно сюда, на Эйл Страт.

- Конан! - из груды раненых послышался знакомый голос. - Рад тебя видеть. Сантиддио сказал мне, что ты отправился ловить рыбу.

Это был Каико, его массивное бедро было замотано грязной тряпкой.

- Какой-то ублюдок уколол меня под кольчугой, - сказал он почти извиняющимся голосом, когда Конан спешился, - пришлось выпустить ему остатки его мозгов.

- Где Сантиддио? - спросил Конан, невольно улыбнувшись.

- В верхнем городе, - ответил Каико, пробуя ступить на раненую ногу.

- Пытается поднять вооруженное восстание. Лучше бы конечно было мне взяться за это дело, но здешняя работенка требует побольше мяса на костях, чем у нашего общего друга.

- Мордерми хочет, чтобы я принял командование над баррикадой, сказал ему Конан. - Где Сифино? - Грохот битвы напоминал раскаты грома.

- Скорее всего, мертв, - ответил Каико. - Он был на первой баррикаде, когда она пала. Корст бросил сюда все свои силы. Тебе нужна кольчуга. Возьми мою. Моя кузница рядом, я пошлю кого-нибудь за другой, когда кровь перестанет течь. Маловато наших будет у тебя в подчинении, он указал на гору трупов.

Конан торопливо пробормотал слова благодарности и натянул на себя кольчугу Каико. Дородный кузнец был ниже Конана, но в плечах и груди не уступал огромному киммерийцу. Подарок Каико был как никогда кстати - в такой битве ни один воин без доспехов долго не продержится, а достать подходящую по размеру кольчугу у Конана было мало надежды.

Дневной свет проникал на Эйл Страт через входное отверстие, постепенно переходя в мрак, рассеиваемый охваченными пожаром зданиями. Жар был настолько силен, что королевские солдаты были вынуждены на время прекратить атаки, и защитники получили небольшую

передышку.

Они вытаскивали из-под обломков трупы своих товарищев и складывали их отдельно от покойников, облаченных в ярко-красные с золотом цвета. Позади уже стояла новая баррикада. Конан задержался перед ней, наблюдая, как защитники сваливают в кучу телеги, бревна, двери, куски мебели, образовывая завал от одной стены до другой. В высоту она достигала потолка. Такую баррикаду нельзя было перескочить, сквозь нее нужно было проломиться. Во второй баррикаде был оставлен небольшой проход с тем, чтобы, в случае падения первой баррикады, защитники могли быстро укрыться на втором участке обороны.

- Несите все это вперед, - сказал Конан. - Пока Корст перегруппировывает свои силы, мы можем попытаться восстановить первую баррикаду. Если нас потеснят, отойдем назад. Будем драться за каждый клочок земли, который в силах удержать. И начинайте возводить третью баррикаду, там, подальше. Лучники, займите свои позиции. Как только солдаты Корста приблизятся, стреляйте, затем отходите назад и будьте готовы прикрывать наше отступление, если баррикада падет.

Защитников было несколько сотен. В большинстве своем это были простые граждане. Помимо них на баррикадах сражались люди из шайки Мордерми и члены организации Белая Роза, которых привел Карабико. Если среди них и были недовольные командованием Конана, то внешне это никак не проявилось. Киммерийца хорошо знали - кто по слухам, кто лично - и он пользовался всеобщим уважением. К тому же его могучая, затянутая в кольчугу фигура и широкий меч отбивали всякое желание оспаривать у него право на лидерство.

Конан отыскал среди груды трупов стальной кинжал и прикрепил его к поясу. Покопавшись там же, он обнаружил вполне приличный щит. В спешке защитники затыкали прорехи в баррикадах трупами своих товарищев и врагов. Здесь, как в пещере - тесно и угрюмо, подумал Конан. Битва будет безжалостной, кровавой, такую вряд ли восплют в балладах. И все же Конаном владела спокойная уверенность. Он плохо разбирался в словесных изощрениях своих высокоумных друзей, но когда дело доходило до того, чтобы утверждать свои политические принципы силой оружия, он чувствовал себя на месте.

Сквозь дым, поднимавшийся над горящими обломками рухнувшего здания, Конан разглядел зингаранских солдат, тушивших пламя и разбрасывавших мешавшие их продвижению предметы.

Как только первые ряды зингаранской армии появились в узком проходе, лучники повстанцевсыпали их градом стрел. Неся ощутимый

урон, люди Корста, прикрывшись щитами, тем не менее сумели пересечь то небольшое пространство, которое отделяло их от первой баррикады. Оказавшись вне досягаемости для стрел защитников подземного города, солдаты начали штурм баррикады.

Конан дрался, укрываясь за перевернутой телегой. В отверстии, оставленном для лучников, мелькнуло чье-то лицо. Конан ткнул мечом, но попал не в горло, как метил, а прямо в рот солдата. В отверстие просунулось копье, и киммериец едва успел отскочить с сторону. Один из повстанцев ухватился за древко и рванул его на себя. Копье поддалось, и в отверстии показалась рука, пытающаяся его удержать. Прежде чем нападающий успел опомниться, Конан взмахнул мечом и сильным ударом перерубил древко копья, заодно отхватив пол руки незадачливого вояки. Товарищ Конана, неожиданно упал, продолжая сжимать в руках обломок копья. Удивленный Конан повернулся, чтобы спросить, почему он не встает, и только тут заметил, что его череп пробит стрелой.

Еще одна стрела воткнулась в щит киммерийца. У Корста тоже были лучники, которые стреляли по любым просветам в баррикаде, стремясь поразить ее защитников. Прикрываясь от стрел к баррикаде спешили новые группы солдат. С обеих сторон мелькали мечи, секиры, алебарды, копья, рубя и коля направо и налево. Повстанцы отчаянно пытались сбросить нападающих с баррикады, пока те не разобрали наспех сооруженный завал.

Топоры с глухим стуком опускались на бревна и доски. Конан подождал, пока атаковавший его снизу солдат разрушит часть телеги, за которой он скрывался, и затем поразил его мечом. Хотя клинок киммерийца не предназначался для колючих ударов, в бою он оказался очень эффективным и только звенел, отражая удары, которые неминуемо сломали бы более легкое оружие.

Внезапно Конан получил сильный удар алебардой. В пылу боя он не заметил, как рядом образовалась щель, в которую проникли гвардейцы Корста. Острое ударило в кольчугу, а стеганая фуфайка смягчила удар, который был так силен, что отбросил Конана назад. Подарок Карабко спас ему жизнь. Несмотря на свое увлечение политикой, он был все-таки неплохим кузнецом. Конан не стал портить меч об обитую железом рукоять алебарды. Он зацепил лезвие щитом и резко дернулся на себя. Алебардщик, стремясь удержать свое оружие, высунулся из отверстия. Меч Конана выпустил ему кишки, оставив его безжизненно висеть на баррикаде.

Битва была в самом разгаре. Конану бросилось в глаза, что атакующих было очень много. Подремонтированная на скорую руку баррикада после

первого штурма оказалась почти полностью разрушенной. Люди Корста применили новую тактику: они привязывали веревки и растаскивали баррикаду целыми блоками, оставаясь при этом вне досягаемости для оружия повстанцев. Конан понял, что придется отступать на следующий рубеж, и в душе помолился, чтобы это отступление не привело к еще большим потерям. Он допустил ошибку, отослав лучников в арьергард, сейчас их стрелы очень бы пригодились. Конан сделал себе заметку на будущее.

Из дверей винной лавки, примыкавшей к баррикаде, вывалилась чья-то фигура... Конан резко повернулся, чтобы встретить противника, но узнав бородатое лицо, перемотанное окровавленным бинтом, опустил меч. От лейтенанта Мордерми сильно пахнуло вином, и его неуверенная походка была вызвана скорее действием алкоголя, чем слабостью от раны. Он со смущением прятал глаза, не решаясь взглянуть на Конана.

- Когда баррикада пала, - пробормотал он, - я заполз под стойку. А где Карико? Как вам удалось отбить баррикаду?

- Карико ранен в ногу, - сухо ответил Конан. - Тебя хочет видеть Мордерми. Возьми мою лошадь, скаки к нему и расскажи, что здесь творится. Скажи, что нам придется отступать на вторую линию обороны. И мне нужны еще люди.

Как бы в подтверждение его слов рухнула большая часть баррикады. Конан толкнул Сифино в открытую дверь лавки и как раз вовремя: рядом с ними рухнуло массивное бревно. В образовавшуюся брешь хлынули неприятельские солдаты. Конан зарубил одного, а Сифино раскроил череп второму ножкой от стола. Вместе они затащили бревно на место, закрыв брешь. Едва они успели это сделать, как вся внешняя сторона бревна оказалась утыканной стрелами.

Конан вздохнул.

- Здесь нам не удержаться. Надо поджигать баррикаду - это даст нам время для отступления.

Сифино кивнул и, пошатываясь, ввалился в винную лавку. Через несколько секунд он вернулся, держа в руках наполовину опустошенный курдюк с вином и кружку с маслом для светильника.

- Чтобы горело, - пояснил он, поливая маслом баррикаду.

Конан протянул факел, и первые языки желтоватого пламени лизнули деревянное сооружение. В следующее мгновение баррикада превратилась в сплошную стену огня, вставшую между нападающими и защитниками. Часть зингаранских солдат, забравшихся на баррикаду, с воем выскоцила из огненного пекла и заплясала, как сумасшедшие, сбивая с себя пламя.

Конан взял из рук Сифино курдюк и жадно припал к его горлышку.

- Обо всем этом расскажешь Мордерми, - снова повторил он.

На второй баррикаде они встретили Карако. Бывший кузнец был одет в новые доспехи и вооружен тяжелым топором. Раненая нога была наспех замотана слоем грязных бинтов, но впрочем в этот день доспехи для ног не требовались.

- Что слышно нового? - угрюмо поинтересовался Конан.

- Кажется, нам придется рассчитывать только на собственные силы, - ответил Карако, налегая плечом на край телеги. Конан ухватился за колесо, и тяжелая телега сперва слегка накренилась и затем с шумом рухнула вниз, закрывая единственный проход в баррикаде, через который прошли люди Конана. Теперь они подпирали телегу массивными бревнами, закрывая лицо от нестерпимого жара, которым веяло от пылающей баррикады.

- Наступление Корста увязло, - констатировал Карако. - Теперь он либо будет пытаться нанести удар в одном месте, либо одновременно начнет наступление на всех направлениях, используя для этого даже крысиные ходы.

- Корст не может войти сюда, а мы не можем отсюда выйти, - заметил Конан. - Он не может отказаться от штурма наших укреплений, а мы не в состоянии их удержать и отступаем, сжигая все за собой.

- На худой конец, мы можем отступить туда, где у нас надежная оборона, - беззаботно промолвил Карако. - Продовольствия и воды у нас хватит лет на сто. Как только народ увидит, что жители Преисподней не склонили головы перед королевской армией, он поднимется против Риманендо, и мы потопим мясников Корста в их собственной крови.

- За нашу победу, - торжественно провозгласил Конан и протянул бурдюк с вином Карако. Его собственная оценка ситуации была более сдержанной, но обаянию и уверенности Карако было трудно сопротивляться. - Когда мы будем контратаковать?

- Сантиддио старается привлечь на нашу сторону простой люд Кордавы. Аввинти взял часть золота и постарается подкупить кого-нибудь из лордов, чтобы они оказали нам поддержку. Так что наша задача на данный момент удержаться против армии Корста. Правление Риманендо зиждется на страхе. Когда народ увидит, что и против королей можно бороться, страх исчезнет и останется только ненависть.

- А как насчет Аввинти? - перебил его Конан, которого мало трогали ораторские способности Карако. - Неужели Мордерми настолько выжил из ума, что решился довериться этим разряженным, напомаженным куклам?

- Я не отношу себя к поклонникам Аввинти, - ответил Карако, - но в

Белой Розе не может быть предателей. Аввинти связан со многими высокопоставленными лицами, что делает его помощь неоценимой в данной ситуации. Он ушел еще до нападения и будь спокоен, золотой запас будет использован по назначению.

- До нападения? - подозрения Конана вспыхнули с новой силой. Аввинти знал о планах Корста?

- О, атака Корста ни для кого не была неожиданностью, - рассмеялся Карико. - Об этом говорил еще Каллидиос. Было очевидно, что мы должны были что-то предпринять.

- Но если Мордерми знал о готовящемся нападении, почему мы не забрали золото и не скрылись, когда ушел Аввинти? - настаивал Конан. Корст без труда проник бы в Преисподнюю, убедился, что золота нет, и убрался восвояси. Не было никакой битвы...

- Не было бы битвы, не было бы войны, - терпеливо разъяснял ему Карико. - Нам было необходимо кровавое столкновение с войсками Риманендо, чтобы укрепить в народе веру в нашу революцию.

Заметив, как изменилось лицо Конана, Карико поспешил добавить:

- Все это, конечно, догадки. Кто из нас мог предположить, что Корст всеми силами обрушится на Преисподнюю.

Конан молчал, угрюмо глядя на пылающие обломки баррикады. Сквозняк гнал дым к выходу из подземелья, выкуривая королевских солдат на поверхность. Передышка позволила защитникам слегка перевести дух и укрепить баррикады. Конан же погрузился в размышления о том, кто же его друзья: дураки или сумасшедшие?

Прежде чем угасли пылающие обломки укреплений, вернулся Сифино.

- Что сказал Мордерми? - спросил Конан.

- Я не видел Мордерми, - ответил Сифино. - Они вместе с проклятым стигийцем держат тайный совет и никого не допускают. Я не стал ждать. Переговорил с Сандокадзи, собрал кого мог и двинул сюда.

- Черт бы побрал этого Каллидиоса! - Конан стал еще более угрюмым. Мордерми явно сошел с ума. Сейчас не время плести интриги и составлять бредовые планы. Мы должны драться, если хотим остаться в живых.

Он принял решение.

- Сифино, ты опять примешь здесь командование. Я поеду и осмотрю другие баррикады. О результатах доложу Мордерми. И если у него, черт подери, не окажется времени меня выслушать, я сам поведу вас в бой

Преисподняя представляла собой чудовищную смесь коридоров, извилистых туннелей и залов, разных как по ширине, так и по высоте. Ее причудливая архитектура не позволяла развернуть прямое наступление, но

по той же причине невозможно было создать и надежную линию обороны. Корст, из презрения к воинским способностям защитников Преисподней, продолжал придерживаться прежней тактики силового, массированного наступления на всех трех направлениях. Конан понимал, что если повстанцам удастся удержать позиции, Корст будет вынужден рассеять свои силы по всему подземелью и пытаться проникнуть вглубь обороны, используя каждую щель, каждую лестницу. Потери королевской армии будут огромны, но Преисподня падет под ударами превосходящих сил противника.

Она падет даже в том случае, если повстанцы сумеют удержать все баррикады. Единственный выход заключался в том, чтобы прорвать блокаду извне. Однако Конан мало рассчитывал, что Сантиддио удастся поднять на борьбу народ Кордавы, что же касалось Аввинти, то киммериец был уверен, что этот прожженный политикан уже находится на пути в Аквилонию, а с ним и золото, за которое жители Преисподней сейчас проливали свою кровь. Падение Преисподней было только вопросом времени. Все зависело от того, когда у Корста лопнет терпение.

На Вотор Страт Конан наткнулся на покинутые баррикады. Жар от пылающих руин был настолько силен, что обе сражающиеся стороны были вынуждены отступить назад. Огонь вышел уже за границы подземелья и охватил строения верхнего города.

На старорыночной улице защитники подпалили опоры, поддерживающие свод и стены зданий. Грандиозный обвал похоронил большое количество солдат и защитников, но теперь эта улица была наглухо перегорожена, и Корсту понадобился бы месяц, чтобы растащить завал.

Конан быстро обогнал всю Преисподнюю. Повсюду высился баррикады и укрепления, перекрывавшие малейший доступ в подземелье. Окна и двери домов были заколочены, повсюду виднелись настороженные лица защитников, готовых в любую минуту отразить нападение. Королевских солдат не было видно; очевидно, Корст тщательно готовился к наступлению. С каким-то дурным предчувствием Конан заторопился обратно на Эйл Страт.

Навстречу ему бежали охваченные паникой люди. С трудом пробившись сквозь массу человеческих тел, Конан свернул за угол и с первого взгляда увидел катастрофу.

Осознав бесплодность атак на других направлениях, Корст нанес главный удар по баррикадам на Эйл Страт. Пока часть солдат штурмовала укрепления, гвардейцы Корста незаметно проникли в здание борделя,

возвышавшееся рядом с баррикадой, и оказались за спиной защитников. В пылу схватки их никто не заметил, поэтому удар сзади застал повстанцев врасплох. Началась беспорядочная резня, в которой истинное число нападающих определить было невозможно. Решив, что исход битвы предрешен, обороныющиеся третьей, запасной баррикады в панике побросали свои позиции и кинулись бежать.

Конан врезался в их ряды, лупя направо и налево плоской стороной меча.

- Стойте, презренные трусы! - кричал он. - Куда вы бежите? Стойте и деритесь - или умрите!

Могучий голос и фигура киммерийца отрезвила беглецов. Многие замедлили бег и остановились.

- Следуйте за мной, собаки! - рычал разъяренный варвар. - Назад, на баррикады! Мы должны задержать наемников Корста. Его отбросили уже на всех баррикадах. Если мы дадим ему прорваться здесь, все погибло! За мной!

С этими словами Конан, не оглядываясь, поскакал вперед, твердо решив умереть в бою, но не остаться среди трусов. Некоторые из защитников, потеряв стыд, продолжали бегство, но большинство повернуло за киммерийцем.

Расчистив проход в третьей баррикаде, Конан прикончил двух солдат, да так быстро, что те так и не успели сообразить, что произошло. В узком пространстве нападавшим негде было укрыться от грозных копыт лошади и беспощадного меча Конана. Встретив новую опасность в лице огромного варвара, гвардейцы Корста попятались, и это дало небольшую передышку защитникам второй баррикады, оказавшимся в ловушке. Повстанцы, бегущие за Конаном, с криками ринулись в бой.

Лошадь Конана заржала и оступилась. Вовремя выскочив из седла, Конан успел заметить, что у нее подрезаны на ногах жилы. Несколько человек угодили под копыта отчаянно лягающейся лошади. Оглушенный падением, Конан упал на колени, и в ту же минуту на него обрушился удар меча. Конан неуклюже подставил под него свой меч, но не сумел удержать его в руках. Нападавший злобно усмехнулся, занося руку для нового удара, но лезвие топора, врезавшееся ему в лицо, сделало его улыбку еще шире.

Кариго взял Конана за плечо и поставил на ноги.

- Неплохо, парень, - сказал он. - Когда в следующий раз будешь продавать свой меч какому-нибудь полководцу, просись в кавалерию, а не в пехоту.

Конан перевел дух и тут же отрубил ноги зазевавшемуся солдату,

залезшему на баррикаду. Из дверей борделя высыпала новая партия королевских солдат, и бой вспыхнул с новой силой. Баррикада рушилась на глазах.

Атакуя всеми силами, люди Корста сумели овладеть баррикадой.

- Отступайте - крикнул Конан. - Надо поджечь завал.

- Не успеем! - крикнул ему в ответ Кариго. В этот момент обвалилась целая секция укрепления. Зингаранские солдаты, прикрываемые огнем своих лучников, бросились в образовавшуюся брешь.

- Отступайте! - скомандовал Конан. Стрела отскочила от его щита. Отступайте! - Его команда превратила беспорядочное бегство в организованный отход. - Занимайте позиции на третьей баррикаде.

- А когда придет ее черед пасть? - поинтересовался Кариго.

- Мы воздвигнем новую и будем драться там, - хрипло ответил Конан. Мы же хотим зажать Корста в тиски и уничтожить, разве ты забыл свои слова?

Глава 11.

ИДЕТ ПОСЛЕДНЯЯ ГВАРДИЯ

Все побережье Кордавы было охвачено огнем и дымом, как будто мрачное знамя развевалось над кровавым адом, который представляла собой Преисподня.

Но нечто еще более ужасное происходило в водах гавани. Сквозь отблески пожаров оно надвигалось на город.

Никто не видел, как все это началось. Порт и прибрежные постройки были охвачены пламенем. Спасаясь от огня, солдаты и жители покинули свои посты и жилища. Повсюду слышались звуки сражения, и целые отряды солдат, одетых в красные с золотом цвета королевской армии, загоняли любопытных горожан в дома. В этой битве всякий, кто не был облачен в мундир королевских солдат, являлся потенциальным противником, и наемники Корста с ними не церемонились.

Если кто-нибудь находился бы в этот момент на пустынной набережной, он различил бы мерный шум под маслянистыми волнами залива. Мерный шум, издаваемый сотнями каменных ног черных воинов, покидающих морские глубины. Он бы увидел ровные ряды голов, рассекающих поверхность моря. Пламя пожарищ, отражаясь в воде, придавало их лицам жуткий, нечеловеческий вид. Первые ряды уже ступили на отмель, и над водой показались мощные торсы черных воинов. Рассекая морские волны, Последняя Гвардия двигалась в направлении берега.

Первая шеренга вышла из моря и в сомкнутом строю развернулась в сторону города. За ней из возмущенных волн выходили все новые и новые фигуры, безмолвные и зловещие в своем безмолвии. Они двигались почти бесшумно - только позвякивание оружия и неестественно громкий стук сандалий по мостовой нарушили безмолвие покинутой гавани. В огненных сплохах их вооружение и тела казались одинаково темными и гладкими, как отшлифованный обсидиан. Вода стекала с их лиц и одежды, как с намазанного воском стекла, оставляя их совершенно сухими и блестящими, когда они поднимались по ступеням и выстраивались на набережной.

Каждое их движение поражало удивительной слаженностью, как

будто хорошо вымуштрованное подразделение вышло на торжественный парад. Необычным был только звук, который они издавали при ходьбе. Он не походил на лязг стали, а скорее напоминал скрежет ножа о точильный камень или шелест ледяных торосов, обдуваемых злым арктическим ветром, или хруст раздавленного хрустала. Свет пламени зажег малиновые звездочки на лезвиях мечей и боевых топоров, острых, как края расколотого стекла.

Как бы подчиняясь безмолвной команде, первый отряд воинов покинул набережную и двинулся на охваченные огнем улицы Кордавы. За ними последовал второй отряд, третий. А обсидиановые воины продолжали прибывать. Они двигались мерной поступью, подобно гранитным утесам, о которые бьются упругие тяжелые валы.

Пожар, вынудивший Корста отказаться от атаки в районе Вотер Страт, грозил полностью уничтожить эту часть города. Вокруг объятых пламенем зданий суетились жители Кордавы, стараясь спасти хоть что-нибудь из имущества. Они были первыми, кто увидел приход Последней Гвардии. Ужас и панику было трудно передать.

Огонь прыгал с одной стороны улицы на другую, стены дряхлых домов рушились на мостовые с грохотом, похожим на раскаты грома, и через эту огненную бурю шла первая сотня Последней Гвардии, шла, не обращая внимания на то, что творится вокруг, как будто вокруг них падали не горящие бревна и камни, а пожухлая листва.

Рядом с охваченным пожаром районом, возле туннеля, ведущего в Преисподнюю, расположился армейский кордон. Подобно котам, собравшимся в кружок подле мышиной норы, они терпеливо поджидали, когда огонь начнет выкуривать повстанцев наружу. Услышав испуганные крики, солдаты повернулись и увидели сотню воинов, бесстрашно шагавших в море огня. Некоторым из них удалось бежать, остальные погибли.

Ввиду неминуемого прорыва на Эйл Страт, Корст бросил сюда свои основные силы. Несмотря на первые неудачи, сопровождавшиеся большими потерями, борьба обещала закончиться к полному удовлетворению генерала. Повстанцев надо было сокрушить одним решительным ударом. Конечно, некоторым удастся скрыться - их выловят позже - но главное: зреющая революция будет задушена, ее корни обрублены. Риманенко будет доволен. Победа Корста восстановит его честь и одновременно уничтожит тех, кто угрожает престолу.

С красным от крови оружием Последняя Гвардия шагала по Эйл Страт.

Несколько уцелевших солдат уже донесли весть о короткой схватке заградительного кордона с неизвестным отрядом пришельцев до основной группы войск Корста, но их словам никто не поверил. Решили, что это просто паника. Ожидая встретить всего лишь неорганизованный отряд повстанцев, пытающихся пробиться наверх, королевская армия не спеша перестраивалась, чтобы принять контратакующий удар на себя. В сгустившихся сумерках и неверном свете огня они не сразу разглядели своего необычного соперника. Кто-то даже предположил, что повстанцы специально вымазались черной краской, чтобы замаскироваться для ночного боя.

Град стрел встретил безмолвных воинов, когда они появились из дымного мрака. Они даже не попытались прикрыться щитами, но, тем не менее, их шеренга не расстроилась. Лучники приписали это плохому освещению и крепким доспехам нападающих и отступили, давая возможность вступить в бой пешим воинам.

Воинственные крики королевских солдат не встретили ответного отклика со стороны их бесстрастного противника. Зингаранская армия атаковала Последнюю Гвардию. Со стороны могло показаться, что это морская волна набегает на базальтовый утес, разбиваясь на мелкие брызги и покрывая окружающее пространство пеной. Только пена и брызги были красными.

Стальное оружие ломалось при ударе о камень. Мечи пришельцев сверкающими черными алмазами с одинаковой легкостью разрубали железные доспехи, кости, плоть. Солдат Корста буквально крошили на части. Боевые крики быстро сменились предсмертными хрипами, чавкающими звуками разрубаемых человеческих тел, и глухим стуком падающих на землю отрубленных конечностей.

Древние чары превратили людей-воинов в несокрушимые машины для убийства. Солдаты Последней Гвардии, сотворенные из живого камня, двигались вперед, сея смерть с тем же искусством и легкостью, как те опытные воины древности, которыми они когда-то были. Теперь их неуязвимые тела приводили в действие мускулы сверхъестественной силы. Твердое, как алмаз, оружие пробивало доспехи, обсидиановые руки отрывали конечности, рвали мышцы, дробили кости. Зрелище было настолько ужасным, что многие при одном только взгляде лишались сознания или сходили с ума. За первой шеренгой, безжалостно уничтожающей все на своем пути, двигались новые ряды каменных воинов, усиливая ужас и панику. Королевские солдаты, находившиеся в задних рядах и не представлявшие, что творится впереди, услышав крики ужаса,

решили, что передовой отряд встретил неожиданное сопротивление, и двинулись ему на подмогу. Навстречу им бежали обезумевшие от страха воины. Офицеры выкрикивали приказы, беглецы вопили что-то невразумительное понять что-либо было невозможно. Стройные порядки королевской армии, зажатой в теснине узенькой улочки, превратились в плотную неуправляемую массу людей.

В этом хаосе только Последняя Гвардия продолжала невозмутимо двигаться вперед, без устали размахивая мечами. Они напоминали трудолюбивых крестьян, косящих траву с той лишь разницей, что их луг был красным от крови. Потоки крови заливали улицу, мостовая которой, как бульжниками, была устлана телами погибших воинов. Поступь каменных истуканов была тяжела. Выйдя из океана соленой воды, они окунулись в океан человеческой крови. Тяжелые сандалии вдавливали тела в землю, споткнувшись падали под ноги черного войска и погибали мучительной смертью. Те, кто от ужаса был уже не способен двигаться, размазывались по стенам домов мерно движущейся колонной.

Свиваясь в кольца, как смертельно раненый питон, зингаранская армия, начала отступление. Позади нее тянулся кровавый след, и в этом потоке крови шагала Последняя Гвардия, возникшая из пучины моря, пучины веков.

Глава 12. ДОРОГОЙ КОРОЛЕЙ

Конан дрался на третьей баррикаде, защищая ее с яростью раненого льва. Военное счастье отвернулось от повстанцев, поражение было неизбежно, бегство - невозможно. Солдаты надвигались на баррикаду, как лавина, вынуждая защитников отойти на последнюю линию обороны. Сифино где-то потерялся при отступлении, Каико, чья рана снова открылась, размахивал топором уже с меньшей энергией. Многие из защитников пали, слабодушные, предвидя исход боя, дали деру. Возле Конана остались только те, кто собирался драться до последнего. Они дрались яростно, с открытой грудью, не щадя своей жизни. Конан поклялся, что умрет здесь, но больше не станет узником Риманендо. Когда он упал, то груда мертвых врагов вокруг него говорила, что он не собирался дешево отдавать свою жизнь.

Несмотря на отчаянные усилия защитников, третья баррикада была уже почти разрушена. Солдаты Корста, толкаясь и мешая друг другу, лезли в многочисленные бреши, образовавшиеся в укреплениях. Конец был близок.

С трудом поднявшись, Конан услышал сзади какие-то крики и решил, что их вновь обошли с тыла. Но прислушавшись, он различил, что это крики радости. Конан посмотрел назад.

Впереди кавалькады всадников, размахивая здоровой рукой, в которой была зажата шпага, скакал Мордерми. На левом плече белела свежая повязка. Свежие силы влились в ряды измученных защитников третьей баррикады. Судя по виду толпы, Мордерми ввел в бой последние резервы, собрав людей со всех остальных баррикад.

Уступив место в гуще боя свежим воинам, Конан приветствовал друга крепким рукопожатием.

- Ты сейчас похож на конную статую короля-победителя, - улыбнулся он усталой улыбкой. - Но ты ждал слишком долго. У Корста полно солдат, и они здорово потеснили нас.

- Черт побери! Вы, северные варвары, тugo соображаете, - рассмеялся Мордерми, убирая шпагу в ножны, чтобы обнять Конана. - Корст оказался в ловушке. Кот залез слишком глубоко в крысиную нору. Скоро увидишь.

Конан вспомнил слова Мордерми о том, что городской люд выступит на стороне повстанцев.

- Значит, Сантиддио...

- Нет, не он, - ответил Мордерми, - Каллидиос.

- Что может этот нюхатель лотоса?

- Ты видел это собственными глазами, - в тоне Мордерми звучали укоризненные нотки. - Сандокадзи подтвердила его слова. Последняя Гвардия!

- Каменные дьяволы, которые охраняют кости своего короля на дне моря?

- Теперь уже нет. Каллидиос вывел их наружу.

- Как может этот ренегат командовать демонами?

- Конан, - заметил Мордерми, - если бы я это знал, мне не нужен был бы Каллидиос.

- Значит ты позволил этому сумасшедшему лжецу обмануть себя?

- Смотри, - ответил Мордерми.

Конан обернулся.

За баррикадой что-то происходило. Что именно, Конан не видел: мешала сама баррикада, густой дым и плохое освещение. Но Конану бросилась в глаза резкая перемена в поведении нападающих. Раньше в их криках слышалось ликование, предвкушение скорой победы, теперь же в них слышался страх, ужас. Прибывшее подкрепление не могло внести столь кардинального перелома в решение исхода сражения.

Между тем, битва затихала. Обе противоборствующие стороны чувствовали надвигающуюся лавину ледяного ужаса. Люди, охваченные пылом борьбы, застывали на месте, мечи, занесенные для удара, так и не опускались на головы жертв. Казалось, воздух неожиданно превратился в лед, заморозив все живое. Конан, который видел, как люди, дравшиеся на крепостных стенах не прекращали борьбы даже в падении, не мог поверить своим глазам. Какая-то магическая сила набросила волшебное покрывало на поле боя, склонив чащу весов в пользу повстанцев. Конан поклялся про себя не возвращаться в Кордаву, не утопив Каллидиоса.

Внезапно раздались крики.

Солдаты, штурмовавшие укрепление, остановились, чтобы понять, что происходит у них за спиной. То, что они увидели, заставило их издать дикий вопль ужаса. Пути к отступлению были закрыты.

Последняя Гвардия вступила на Эйл Страт.

Солдаты Корста ринулись обратно на штурм баррикады, стремясь укрыться за ней от страшных воинов, в которых не было ничего

человеческого. Они лезли на баррикаду в слепой панике. Опытные солдаты, сохранявшие самообладание в самых жестоких схватках, карабкались прямо на мечи и топоры повстанцев, не соображая, что происходит вокруг.

Конан с отвращением отвернулся от этой кровавой бойни. Убивать врага, который от страха потерял способность сопротивляться, - это недостойно киммерийского воина.

- Останови их, - обратился он к Мордерми.

Главарь шайки неверно истолковал его мысли.

- Не волнуйся. Каллидиос может управлять ими.

- Я не о том. Прекрати эту резню. Дай уцелевшим возможность скрыться.

- Мне нужна победа, - пожал плечами Мордерми. - И потом мои люди достаточно настрадались от Риманендо.

Конан пробормотал ругательство, но спорить не стал. Королевских солдат почти не осталось. На Эйл Страт раздавался только тяжелый звук каменных ног. Из темноты показались первые блестящие черные шеренги Последней Гвардии.

Они остановились перед баррикадой в ожидании дальнейших команд. Восторженные вопли повстанцев, праздновавших победу, разом стихли, когда они узрели своих, демонического вида, союзников. Волна страха пробежала по их рядам.

Мордерми взял инициативу на себя.

- Посмотрите на них, друзья, - начал он, безбоязненно выходя вперед. - Это наши союзники, которых мы вызвали, чтобы добыть себе победу. С помощью моего бесценного друга и советника, известного мудреца Каллидиоса, я воскресил из легенды несокрушимую армию. Вы были свидетелями той помощи, которую они нам оказали. Приветствуйте же, друзья, наших союзников, приветствуйте Последнюю Гвардию!

Послышились громкие дружные приветствия, которые, однако, быстро смолкли. Чувствовалось, что страх перед каменными идолами еще не прошел.

Мордерми поднял руку, требуя тишины.

- Генерал Корст со своими убийцами бежал в конуру своего хозяина. Узнав о нашей победе, Риманенко, должно быть, уже хнычет в свою горностаевую мантию и молит бога, чтобы стены его дворца оказались достаточно крепкими, чтобы защитить Его Величество от гнева народа, которого он тиранил. Но скажите, друзья, могут ли стены и солдаты защитить тирана от народного гнева? - Мордерми подождал, пока

громогласное "Нет" достигнет крещендо.

- Тогда за оружие, друзья! С нашими непобедимыми союзниками мы свергнем Риманенко и его прогнивший двор. Час освобождения близок! Он в наших руках!

После речи Мордерми начался дикий марш по улицам Кордавы. Это время безумного возбуждения навсегда останется в памяти Конана, как кошмар.

Они выходили из Преисподней - обездоленные, отверженные граждане сумеречного мира. Их число росло с каждым шагом. Карико, который был еще слишком слаб, чтобы идти, упросил Конана посадить его верхом на лошадь и поддерживать во время этого шествия. Когда они шли через город, к ним присоединился Сантиддио. К удивлению Конана он вел за собой под знаменем Белой Розы несколько тысяч человек. Сантиддио нехотя приветствовал их, что было ему несвойственно, и затем они с Карико принялись горевать, что с ними нет Аввинти, чтобы разделить радость победы. Мордерми, сопровождаемый Сандокадзи, ехал впереди растущей процессии.

О Каллидиосе ничего не было слышно, но его присутствие ощущалось. Последняя Гвардия - тысяча демонов смерти - безмолвно шагала впереди армии повстанцев.

Они двигались через Кордаву, не встречая на своем пути сопротивления. Генерал Корст уклонился от бесполезной битвы с Последней Гвардией и увел с собой тех, кого еще мог спасти. Теперь за стенами дворца Риманенко он лихорадочно готовил оборону против восставших жителей и их каменных союзников. Но катастрофа в Преисподней деморализовала армию короля. Уцелевшие с ужасом в голосе рассказывали своим товарищам о выпавших на их долю испытаниях. Сражаться против человека - одно, а иметь дело с нечистой силой - совсем другое! Из королевской армии дезертировали целые подразделения во главе с офицерами.

Король Риманенко правил долго и сумел восстановить против себя всех своих подданных. Зингаранцы терпели его правление не из-за любви к тирану, а из страха перед ним. Теперь Белая Роза стала силой, намного превосходящей армию Риманенко. Теперь пришла очередь Риманенко дрожать от страха в ожидании справедливого возмездия. Покинутый всеми, кто имел возможность бежать, он заперся в своих покоях, и последние из его верных псов приготовились к безнадежной схватке.

Как уже отмечалось, их шествие по городу было свободным. Только у крепостных казарм восставшие натолкнулись на сопротивление

небольшого гарнизона, который либо не слышал, либо не верил в демоническую силу повстанцев. Первые шеренги Последней Гвардии прошли сквозь строй солдат, даже не замедлив шага. Гарнизон погиб прежде, чем сумел осознать, с какой страшной силой им пришлось столкнуться. Маленький кровавый спектакль еще больше раззадорил толпу, большинство которой воочию убедилось в непобедимости Последней Гвардии.

Конан вспомнил захват Гандермана в Венариуме, в котором он принимал участие несколько лет назад. Киммерийские племена объединились, чтобы уничтожить крепость, вздвинутую аквилонцами на границе южных владений варварских народов. Женщины, мужчины, дети - все были вырезаны, крепость сожжена дотла. Да, это была славная резня. Но предстоящая бойня, которую он будет тоже долго помнить, не будет вызывать у него приятных ощущений.

Стена, окружавшая королевский дворец, ощетинилась стальной короной из оружия и доспехов, мрачно отсвечивающих на фоне факелов и отблесков пожара, все еще бушевавшего на окраинах Кордавы. Небо было черным от дыма, в нем не угадывались даже звезды.

Толстые стены крепости, по видимости, придали уверенности ее защитникам, по крайней мере, было очевидно, что Корст не собирается сдаваться без боя. С крепостной стены на повстанцев посыпались стрелы с металлическими наконечниками. Метательные машины обрушили на их головы град камней. В толпе послышались крики боли и гнева. Люди вскользнулись, как бы разом вспомнив, что пришли на смертный бой, а не на воскресную прогулку. Большая часть кинулась искать укрытия от стрел и камней в соседних домах.

Конан повернул свою лошадь и укрылся за колонной. Он хотел посмотреть, какой эффект окажут камни против Последней Гвардии. Обороняющиеся использовали камни любых размеров: от небольших булыжников величиной с кулак до огромных валунов весом в 50 - 60 фунтов. Мелкие камни причиняли вреда каменным воинам не больше, чем комья снега. Но вот, один из крупных камней угодил прямо в грудь каменному дьяволу, и тот упал на землю, сбитый силой удара. Камень раскололся, а воин поднялся на ноги как ни в чем не бывало. Его движения были настолько естественны, что Конан не удивился, что тот отряхнулся после падения.

Тем временем каменные гвардейцы выстроились в сомкнутую колонну и быстрым шагом направились к главным воротам крепости. Обезумевшие защитники делали все, чтобы как-то остановить безмолвные колонны: они

кидали камни, лили кипяток, горячее масло - все напрасно.

Массивные ворота крепости были сделаны из толстых досок, скрепленных металлическими полосами. Они были способны выдержать удары таранных машин большой величины. Сражающиеся на обоих сторонах затаили дыхание в ожидании, что же произойдет.

Убрав оружие в ножны, передняя шеренга надавила руками на дубовый барьер. Несколько мгновений длилась борьба между твердым деревом и каменными мускулами. Затем послышался скрежет болтов, вывернутых из гнезд, и треск ломающихся досок. Ворота пошатнулись и рухнули, погребая под собой защитников, которые в последней отчаянной попытке попытались подпереть их собой. Пройдя по обломкам, Последняя Гвардия вошла в крепость, неся смерть всем, кто доверил свою судьбу каменным стенам и оружию и был ими обманут.

Некоторое время толпа за воротами пребывала в благоговейном восторге, затем с голодным воем, извергнутым тысячами глоток, народ Кордавы ринулся разрушать ненавистный дворец. Зверь был повержен, осталось только добить его в его же логове.

Конан, решивший посмотреть, чем все окончится, пришпорил лошадь. Еще недавно он смирился с мыслью, что будет лежать мертвым на грязной мостовой Преисподней, а сейчас - на тебе! - идет грабить королевский дворец.

Вмешательство Последней Гвардии превратило осаду крепости в бессмысленную бойню. Спасения не было. Первых попавших под руку солдат Риманендо толпа разорвала на куски. Некоторые гвардейцы сбрасывали воинские мундиры и присоединялись к жаждущей крови толпе, другие, воспользовавшись суматохой, перелезали через высокие крепостные стены и спасались бегством. И только немногие остались драться до конца, сложив головы, но сохранив честь.

Конан отыскал тело генерала Корста, павшего вместе с последними защитниками, оборонявшими вход в королевский дворец. Толпа, устремившаяся в королевские покои в поисках вожделенной добычи, прошлась по их телам, превратив их в кровавую кашу. Конан остановился, чувствуя уважение к старому солдату, до конца выполнившему свой долг.

Черно-голубая борода была залита кровью, грудь разбита ударом палицы, но жизнь еще не покинула генерала. Корст открыл глаза, встретился со взглядом Конана, и его зрачки расширились: он узнал киммерийца.

- Я знаю тебя, - глухо произнес умирающий. - Ты - Конан-мятежник, сумевший избежать виселицы. Мордерми сделал тебя своею правой рукой.

- Я предложил тебе свой меч, - в голосе Конана все еще чувствовалась злоба, - а ты отплатил мне петлей. Вот я и решил попытать счастья с Мордерми.

Глаза Корста смотрели на варвара.

- Я тоже искал свое счастье, и поиски привели меня сюда. Смотри на меня, киммериец. Может, ты видишь свое будущее.

Конан хотел возразить, но увидел, что Корст уже не слышит его.

Проталкиваясь сквозь толпу мешочников, тащивших из дворца все что попало, Конан отправился разыскивать Мордерми. Он нашел своего друга ломящимся в тяжелые двери, ведущие в покой короля. Конан взялся за конец тяжелой колонны, которую повстанцы использовали как таран. Двери распахнулись.

Конан не был готов к представшей перед ним сцене.

Выведенный страхом из своего обычного полуපъяного состояния, Риманенко заперся со своими любимчиками и наперсниками в опочивальне. Однако, его приближенные, видя, что победа остается на стороне повстанцев, решили путем предательства купить милость новых господ.

Когда Мордерми и Конан переступили порог королевских покоев, от разношерстной группы придворных отделились два мальчика и просеменили к ним. Их волосы были завиты и напомажены, тела блестели от масла. В руках они несли золотое блюдо. На нем лежала золотая корона вместе с отрезанной головой Риманенко.

Глава 13.

НОВЫЙ ПОРЯДОК И КОРОНАЦИЯ

Было решено, что место Риманенко займет Мордерми.

Сначала бывший главарь воров и слышать об этом не хотел, но все его возражения и отговорки были отвергнуты.

Риманенко и весь его двор погибли при захвате дворца, потомков или наследников у короля не было. Кроме того, было ясно, что повстанцы не отдадут трон родственникам тирана. А имея на своей стороне Последнюю Гвардию, они могли не опасаться, что какой-нибудь претендент выдвинет свою кандидатуру на престол.

Старая эпоха деспотии и коррупции миновала. В Кордаве и во всем Зингаре отныне был установлен новый порядок.

Это был не просто дворцовый переворот, когда один мерзавец сменяет другого, как любил указывать Сантиддио, это было установление нового общественного порядка. Белая Роза должна была разработать новую конституцию, которая бы предусматривала права народа в управлении государством, содержала бы новые законы, дарующие всем равные права.

Разумеется, осуществление таких радикальных реформ требовало много сил и времени. Нужно было сформировать комитеты, избрать представителей, обсудить проект реформы. На этом подготовительном этапе революционный комитет Белой Розы должен был временно исполнять функции правительства.

Тем не менее это был опасный этап в установлении нового порядка в стране. Несомненно, Последняя Гвардия надежно охраняла Кордаву от покушений контрреволюционных сил, но Зингара была большой страной, и ей угрожали, как внутренние враги, стремившиеся вернуть былое величие, так и внешние, которые видели в новом порядке угрозу своему правлению. Это создало необходимость наделить кого-то из членов революционного комитета диктаторскими функциями с тем, чтобы он мог сосредоточить в своих руках абсолютную власть и использовать ее для отпора интервентам. Этот человек должен быть популярен в народе и обладать военными талантами. Его власть, конечно, была временной до введения конституции и избрания народных представителей.

Мордерми был вынужден признать, что ситуация действительно

требует крайних мер, и он единственный, кто обладает всеми перечисленными качествами. Тем не менее принять корону Зингары, когда труп свергнутого короля еще не остыл, он отказался.

Аввинти, вернувшийся после успешного выполнения своей миссии, чему в немалой степени способствовали слухи о победе повстанцев, заявил, что в этот переходный период зингаранская аристократия, поддержка которой чрезвычайно важна, охотнее присягнет новому королю, нежели одному из членов революционного комитета. Для них очень важны традиции и святость королевского престола.

Мордерми отнекивался, но, в конце концов, был вынужден уступить.

Конана постоянно удивляло, что прежде чем признать очевидное, его друзья до хрипоты изводили себя в бесконечных спорах. Когда они занялись очередным непонятным для него ритуалом, он покинул их чрезвычайно интеллектуальное общество.

А ритуал заключался в формировании временного правительства Зингары. Мордерми был избран королем, в революционный комитет вошел триумвират лидеров Белой Розы: Сантиддио, Аввинти и Карабо, а Каллидиос, сумевший доказать, что его политическое чутье не уступает колдовскому искусству, получил должность премьер-министра. Конан, чье мужество и отвага, проявленные в бою с солдатами Корста, сделали его национальным героем, должен был занять пост главнокомандующего зингаранской революционной армии.

- От простого наемника до главнокомандующего всей королевской армией за один месяц, - сокрушался Конан во время коронации Мордерми.

- Довольно быстро, не правда ли? - засмеялся Мордерми, жестом приказывая слуге принести еще вина. - Но от короля воров до короля Зингары еще быстрей!

Он опять рассмеялся своей шутке.

- Ты знаешь, Конан, - продолжал он уже более серьезным тоном. - Мне нужен друг. Настоящий друг, которому я бы мог доверять. Ты молод, Конан, но большую часть жизни ты провел сражаясь и знаешь о военном искусстве больше, чем любой из моих помощников или высокомудрых членов комитета. Я не могу доверить армию никому из старых офицеров Корста или новоявленных друзей Аввинти - знатных лордов. Ты мой друг, Конан, единственный, кому я могу доверять полностью.

- Если это так, - осторожно произнес Конан. - последуй моему совету: избавься от Каллидиоса.

- Киммерийцы - упрямый народ. Мне нужен Каллидиос. На преобразование армии уйдут недели, месяцы. Все это время мы будем

уязвимы для какого-нибудь лорда со своей армией или одного из этих ублюдков королевской крови. Нам нужна Гвардия для защиты от наших завоевателей. Каллидиос знает, как управлять ею, а я нет.

- Дай мне время, и я создам из революционной армии нечто большее, нежели толпу, ревущую лозунги Сантиддио. Тогда тебе не понадобятся каменные дьяволы, - пообещал Конан.

- Вот тогда и приходи со своим советом, - в тон ему ответил Мордерми.

- Как? Вы тут вдвоем, и трезвые? - раздался знакомый голос, и в комнату ввалился Сантиддио, удерживавший равновесие только благодаря стараниям своей сестры. - Чума возьми твою корону, Мордерми, если из-за нее ты трезв в день собственной коронации!

- Мы с Конаном обсуждали вопрос о создании новой армии. И вообще, будь почтителен, когда беседуешь с королем и его генералом.

Сантиддио неприлично выругался, что было странным для столь высокообразованного человека.

- Аввинти считает, что тебе следует заручиться поддержкой барона Мановры и графа Перизи, которые явились сегодня на коронацию нового наследника престола. Поговори с ними.

- Конечно, - Мордерми поклонился Сандокадзи. - Вашу руку, миледи. Ты будешь ослеплять их своей красотой, а я тем временем склоню их на свою сторону.

Конан глядел вслед удаляющейся паре и вспоминал их первую встречу. Мордерми был великолепен - в горностаевой мантии и золотой короне. Сантиддио в своем лучшем костюме походил на подвыпившего школьяра. Но эффектней всех выглядела Сандокадзи - в роскошном шелковом платье с глубоким вырезом, туго затянутой талией и в свободной юбке. Конан оглядел свой не первой свежести костюм и подумал, что королевскому генералу, возможно, следовало бы в день коронации одеться поприличнее.

Дворец Риманенко, теперь принадлежавший Мордерми, был подвергнут некоторому ремонту с момента его захвата и грабежа, и теперь имел мало-мальски приличный вид. Народ Кордавы приветствовал Мордерми ликующими криками - главарь воров всегда слыл в их глазах героям, а сейчас он выступал в качестве их освободителя, не изменяя, тем не менее, своей основной профессии.

- Пусть народ скажет, согласен ли он иметь меня своим королем, сказал Мордерми, - и этого будет достаточно для коронации.

Аввинти настаивал на полном соблюдении ритуала, напомнив, что не только Кордара, но и вся Зингара должны были присягнуть на верность

новому правителью.

Итак, в полуразрушенном дворце, захваченном повстанцами, началась церемония коронации, проводившаяся по всем правилам этого монархического государства. Как бы в оправдание этого Мордерми пригласил на коронацию всю Кордаву. Площадь перед дворцом, очищенная от трупов и мусора, была сплошь заполнена простым людом, собравшимся сюда на великий праздник, и теперь уже не кровь, а вино полилось рекой.

Конан осушил свой кубок, удивляясь, почему он не разделяет общего веселья. Его друзья одержали блестящую победу, он сам получил высокий пост! Этот день должен был стать днем свершения его самых несбыточных желаний.

Но перед глазами киммерийца по-прежнему стояло лицо умирающего Корста, а его предсмертные слова не выходили у него из головы. Была ли это только горечь поражения, или в минуту смерти Корсту открылось будущее? Такое случалось в его племени: чувствуя приближение смерти некоторые люди становились ясновидящими.

Конан помолился, бросив взгляд на богато разодетую знать, заполнившую зал. Ему были ближе по духу те, кто остался за стенами дворца - простые люди, распивающие вино и горланящие песни в честь нового короля-освободителя. С ними можно выпить и утопить в вине воспоминание о насмешливой улыбке на лице умирающего Корста. Он найдет себе веселую подружку, которая будет с ним ласкова и нежна. А если у кого-то появится охота спеть или податься, Конан с удовольствием составит ему компанию.

Конан бродил по залу, испытывая чувство отвращения к тому, что происходило вокруг. Черт побери! Мордерми еще не успел как следует примерить корону, как его дворец превратился в королевский двор!

Глава 14.

КОНАН НАЧИНАЕТ СРАЖЕНИЕ

В последующие недели молодой генерал развел бурную деятельность. Новая должность пришлась киммерийцу не совсем по нраву, и он не переставал клясть себя за то, что согласился на нее. Несмотря на свое довольно высокое положение, Конан быстро понял, что участие в сражениях - это только одна из самая главная из многочисленных нудных обязанностей, накладываемых генеральским чином. Конан терпеть не мог проводить смотры войск вместо того, чтобы резаться с солдатами в кости в казармах, просматривать поздно вечером рапорта вместо веселой пьянки в каком-нибудь ночном кабачке Кордавы, или разбирать ссоры между офицерами, когда его главным желанием было размозжить чей-нибудь череп.

Но Мордерми поручил ему эту работу, и Конан делал ее, стиснув зубы.

Несмотря на всю неприязнь, которую варвар испытывал к Последней Гвардии, он был вынужден признаться себе, что без ее помощи он вряд ли сумел бы чего-то добиться. В первые дни правления Мордерми способность Революционной зингаранской армии защитить Кордаву от внешнего нападения представлялась весьма сомнительной. Среди знатных лордов, имеющих под своим началом сильные армии, ходили разговоры, что нельзя допустить, чтобы трон узурпировал какой-то бандит и грабитель. Правители соседних Гиборийских стран также подумывали о вторжении в Зингару и установлении там своего марионеточного правительства.

Однако слухи о кровавой резне, учиненной Последней Гвардией при свержении Риманендо, удерживали их от практических шагов. Какой смысл открыто нападать на государство, которое охраняют черные силы колдовства? Лучше выждать и выяснить, где таится слабинка в обороне противника, чтобы в нужный момент ударить и сокрушить его. И пока шакалы выли в ожидании, Мордерми старался закрепиться у власти.

Задача Конана была достаточно сложной и необычной - у победившей партии не было армии! Повстанческие силы, наспех сколоченные из бандитов Мордерми и сторонников Белой Розы, не были армией в полном смысле этого слова. Ядро восставших погибло во время жестокой схватки в

Преисподней, а те, кто присоединился позже, не имели военных навыков и боевого опыта.

- Это не солдаты, а мясо для топора, - ворчал Конан. - Они даже не знают, каким концом одевать шлем. Может, в уличной драке они хороши, но в битве совершенно не годятся.

- Чего же ты хочешь? - спросил Мордерми.

- Мне нужны настоящие солдаты. Объяви амнистию бывшим королевским гвардейцам и пусть они принесут тебе присягу в верности. Я знаю многих наемников, которые разбежались во время резни. Но если обещать им прощение и золото, они вернутся.

- Золото не проблема, но сможем ли мы на них рассчитывать?

- Наемники продают свое оружие тем, кто им платит. Все приверженцы Риманендо погибли в последней битве. Если бы после Риманендо остался наследник, тогда другое дело. А так, получив прощение, наемники с радостью поступят на службу к новому королю.

- Некоторые высокопоставленные друзья Аввинти предлагают укрепить Революционную армию за счет офицеров своих войск, которых они согласны передать нам.

- Я думаю, Аввинти не следует доверять, - осторожно заметил Конан.

- А я и не доверяю, - ласково отозвался Мордерми. - Но я не доверяю и Карико с его тупоголовой политикой - я заметил, что в Революционную армию записалось очень много его сторонников.

Конан решил не ввязываться в мелочные распри своих одержимых друзей есть дела более неотложные. Ему предстояло создать Революционную армию, с которой он как генерал мог бы спокойно идти в бой. И это ему удалось. Амнистия вывела из убежищ многих гвардейцев королевской армии, золото Мордерми привлекло в ряды революционных войск еще больше наемников. Конан сколотил из наиболее опытных в военном отношении солдат офицерский корпус с тем, чтобы переложить на их плечи всю нудную организационную работу. Это решение далось ему нелегко: будучи индивидуалистом по натуре, киммериец неохотно доверял другим важные дела.

Золото, как сказал Мордерми, не было проблемой для нового монарха. После захвата сокровищницы Риманендо его было больше, чем медных колец в сумке нищего торговца. Но и это богатство меркло перед тем, что было скрыто в гробнице Калениуса.

В последние недели Каллидиоса видели нечасто. То ли он погружался в пучины Черной магии, то ли блаженствовал в испарениях желтого лотоса. Конан подозревал последнее и был рад этому обстоятельству, зная

по опыту, что нюхатели лотоса долго не задерживаются на этом свете. Но долгие уединенные разговоры Мордерми с колдуном очень беспокоили киммерийца. Конан надеялся, что Мордерми использует всю свою хитрость и природную смекалку, чтобы выведать у Каллидиоса секрет управления Последней Гвардией.

На одной из таких встреч было решено опустошить гробницу Калениуса. То, что Каллидиос может использовать каменных дьяволов для ограбления могилы, которую они охраняли, поразило Конана больше, чем резня на улицах Кордавы. Более близкое знакомство с планом операции показало, что он вполне логичен. Кому проще всего ограбить гробницу? Тем, кто ее охраняет. Тем более, что каменных истуканов не могли остановить ни глубина моря, ни заваленные ходы, ни потайные ловушки. Конан был глубоко уязвлен низостью происходящего - низким предательством чести покойного монарха, тем более отвратительным, что его совершили те, кто добровольно предпочел живую смерть на долгие века, чтобы стоять на страже могилы своего любимого повелителя.

Как сказал Мордерми, Калениусу это золото уже не понадобится. Конан был слишком практичен, чтобы оспаривать этот тезис. К тому же и он был не в силах устоять перед перспективой овладеть такими сокровищами, которые, он был уверен, теперь и так не долго будут скрыты от грабителей могил.

Это было жуткое зрелище. Последняя Гвардия погружалась в море и возвращалась обратно, неся запечатанные сундуки и кофры с золотыми слитками. Тысячелетия прошли с тех пор, как король Калениус воздвиг свой дворец. Многие украшения и большая часть богатого убранства превратились в пыль, которую поглотило море. Но если экзотические меха, непревзойденные картины и gobelены, мебель стали черной слизью на полу из голубого ляписа, то время пощадило драгоценные камни и благородные металлы. Морская вода истончила железо и бронзу, но золото, но вечные звезды алмазов, рубинов, изумрудов, извлеченные из подводного мрака могильного склепа, весело сияли на солнце, презрев безжалостные века.

Кошмарные обсидиановые демоны выходили из моря с золотыми сундуками, каждый из которых стоил целого государства. Только Последняя Гвардия могла сохранить в неприкосновенности от бесчисленных поколений грабителей такие сокровища. За несколько часов Мордерми стал самым богатым человеком на Гиборийском континенте.

Сначала Каллидиос подарил ему власть, затем богатство... - Каким же будет третий его подарок? - думал Конан. - Какую сделку они заключили

между собой?

Конан гордился мыслью, что, как только формирование Революционной армии будет завершено, Каллидиос перестанет быть нужным Мордерми. Последняя Гвардия окажется не у дел. Каллидиос, если он к тому времени не свихнется от паров желтого лотоса, будет удален от двора, и государство смоет с себя позорное пятно колдовства. Для того, чтобы приблизить этот день, Конан работал не покладая рук.

Положение за стенами Кордавы продолжало оставаться напряженным. Последняя Гвардия оберегала город от любого нападения, но на остальной территории государства власть Мордерми была пустым звуком. Могущественные лорды, располагавшие сильными вооруженными отрядами и неприступными крепостями, могли признавать или не признавать нового короля. Хотя в стране не было силы равной, Последней Гвардии, Мордерми не мог использовать ее для усмирения всех вассальных земель. Он не мог оставлять столицу без защиты.

Поэтому Мордерми была просто необходима новая армия и как можно скорей, прежде чем остальные провинции поймут, что нет нужды выполнять приказы узурпатора из Кордавы. Присутствие Последней Гвардии обеспечило Мордерми поддержку соседних княжеств, а щедро раздаваемое золото еще больше увеличило число его сторонников. И все же армия была ему необходима.

Между тем угроза новому правлению становилась все более ощутимой. Ободренный отказом Мордерми вывести Последнюю Гвардию за пределы Кордавы, граф Дисендо, владеющий огромными землями на дальних восточных границах, соседних с Кордавой, объявил, что отныне перестает быть вассалом короля. Посланые ему на помощь из соседнего Аргоса войска перешли реку Кхоротас. Взамен Дисендо обещал отдать некоторые земли, ранее принадлежавшие его давнему сопернику барону Лукабосу.

- Мы должны нанести быстрый и решительный удар, - сказал Мордерми, обрисовав Конану положение дел. - Иначе каждый вассал Зингары захочет обрести независимость.

- Армия готова к борьбе, - ответил Конан с уверенностью, которую сам не разделял. - Мы выступим сегодня же.

- Отлично, - кивнул Мордерми. - Желаю тебе скорой победы. Будь беспощаден к врагам. Мы должны преподать урок всем, кто пока не спешит признавать мою власть. Есть сведения, что на Севере зреет заговор, во главе которого стоит какой-то идиот, провозгласивший себя незаконнорожденным сыном Риманенко. Это противоречит всем законам

природы - ты ведь помнишь извращенные вкусы покойного короля. Черт возьми, измена находит себе уголок в каждой части моего королевства!

- Можешь на меня положиться, - сказал Конан.

- Я знаю, - Мордерми пожал ему руку. - Ах, если бы у меня была сотня таких молодцов!...

В тот же день зингаранская Революционная армия покинула Кордаву. Молодой генерал, ведущий войска в свою первую кампанию, привстал на стременах и оглянулся. На фоне серого неба вырисовывались темные силуэты каменных воинов. Взгляд молодого генерала был тревожен, но не предстоящие сражения были тому виной.

Глава 15.

КОСА

Конан ушел из Кордавы летом, а вернулся только осенью. Сухая летняя жара сменилась приятной прохладой. - "Я достаточно пожил в Кордаве, думал киммериец, - пришла пора прощаться с друзьями, обратить приятельские отношения с Мордерми в хорошего коня да мешок с золотом и вернуться в родную Киммерию". Быть генералом до конца своих дней он не желал.

В горах, на востоке Зингары, армии Конана пришлось провести трудную кампанию, прежде чем крепость Дисендо пала, а мятежный граф был повешен на разрушенных стенах. В это время Лукабос, чьи земли Дисендо обещал Аргосу в обмен на помощь, отбивался от многочисленного противника и просил покровительства у нового короля. Конан обратил аргосцев в бегство и преследовал их до самой реки Кхоротас, но затем получил приказ вернуться: во дворце опасались, что нарушение границы может быть расценено как военный акт. Как разъяснили Мордерми эмиссары короля Аргоса, вторжение его солдат не территории Зингары не было санкционировано Его Величеством, и виновные, несомненно, понесут самое суровое наказание.

Гораздо более серьезная угроза возникла на севере страны. Поитанский авантюрист по имени Капеллас объявил себя незаконнорожденным сыном Риманенко и аквилонской дворянки, с которой зингаранский король флиртовал во время своего визита в Поитан. Чтобы как-то удостоверить истинность своих притязаний, Капеллас представил фальшивые документы, а поскольку было точно известно, что Риманенко действительно некогда проезжал через Поитан, все роялисты с радостью подхватили весть о том, что законный наследник найден. При поддержке кучки могущественных дворян, бежавших из Кордавы в Аквилонию, Капеллас форсировал реку Алиман и вторгся в Зингару. Здесь он соединился с войсками лордов северных провинций, не пожелавших признать нового монарха. В обмен на поддержку новоиспеченный наследник обещал им большие милости.

Капеллас прошел почти половину Зингары, прежде чем Конан успел перехватить его на берегу реки Грому. Это была тяжелая проверка

боеспособности зингаранской Революционной армии, которой противостояли регулярные, хорошо обученные войска, во главе с опытным полководцем Капелласом. Битва длилась целый день, и исход ее был не ясен до самого конца, пока брошенный Конаном резерв, состоявший из наемников, не прорвал фронт аквилонской армии и загнал ее в реку. Капеллас бросил окруженные войска и бежал со своей кавалерией. Конан начал преследование только после того, как уничтожил окруженного врага, он настиг Капелласа только при переправе через Алиман. Конан с ходу форсировал реку и атаковал Капелласа. Грабежи и насилия, которыми сопровождалось победоносное шествие Капелласа по Зингаре, предопределило его судьбу. Хотя Капеллас кричал, что засада Конана противоречит всем международным договорам, ему так и не удалось вернуться в Поитан.

Затем пришли вести, что Дикие Пикты, жившие вдоль северных границ Зингары, воспользовавшись отсутствием гарнизонов в пограничных крепостях, стали совершать дерзкие набеги на селения, разбросанные по побережью Черной реки. Конан быстро двинулся в поход, зная по опыту, что Пикты не пощадят никого и вероятнее всего вырежут все население приграничных районов. Форсированным маршем армия достигла границ и оставила местные гарнизоны в крепостях. Несколько налетов Пиктов, воодушевленных безнаказанностью, были отбиты, и дикие племена отступили вглубь своей непроходимой страны, чтобы выждать нового удобного случая.

Возвращаясь в Кордаву, Конан слабо представлял себе ситуацию в столице. Информацию он в основном черпал из отрывочных донесений, которые ему доставляли редкие гонцы короля, и слухов, распространявшихся со скоростью летящей стрелы. Почти все время Конан был занят сражениями и походами, поэтому ему некогда было размышлять о бессмысленных дебатах, раздиравших Революционный комитет. Мордерми посыпал ему указания, и Конан старался их выполнить. Теперь, когда в стране воцарилось затишье, Конан повернул войска к столице в надежде на заслуженный отдых.

За время длительного отсутствия Конана здесь произошли большие перемены.

Это бросилось в глаза сразу, как армия Конана вступила в Кордаву. Перед главными городским воротами стояли рядами врытые в землю столбы. С их заостренных верхушек криво усмехались всем проходящим отрезанные человеческие головы. Это было типичным явлением - выставлять напоказ головы казненных преступников. Конан подумал, что

Мордерми отказался от старого обычая оставлять тела гнить на Танцевальном Помосте, а может, виселицы были заняты, поэтому пришлось не вешать, а рубить головы.

Внезапно киммериец остановился, не веря своим глазам. Нет, он не мог обознаться. Одна из голов, приветствующих его возвращение, принадлежала Кауко.

Конан приказал солдатам отправляться в казармы, а сам поскакал во дворец. На улицах повсюду виднелись следы недавнего сражения. Лавки не торговали, многие дома зияли разбитыми окнами, мостовые были усыпаны обломками досок и осипавшейся штукатурки. Когда Конан уезжал отсюда, в городе царило возбуждение и веселье, сейчас здесь чувствовался страх и смятение. По всему городу были разбросаны отряды Последней Гвардии. Они стояли молча, готовые к уничтожению.

Очевидно, совсем недавно в городе произошли какие-то драматические события, о которых Конан ничего не знал, а у Мордерми не было времени вызвать армию? Или он был уверен, что Последняя Гвардия сумеет восстановить спокойствие? Но зачем такая жестокость? И почему голова Кауко выставлена на всеобщее обозрение? Для устрашения преступников?

На этот вопрос мог ответить только Мордерми, и Конан должен был его отыскать.

Дворец охранялся усиленными отрядами Последней Гвардии и Революционной армии. Навстречу Конану вышло несколько незнакомых ему офицеров, чтобы сопроводить генерала к королю. По дороге киммериец заметил, что в его отсутствие Мордерми сумел восстановить дворец в его былой роскоши и великолепии, как во времена Риманенко.

Мордерми тепло приветствовал Конана и проводил в свои покои.

- Ты вернулся раньше, чем я ожидал, - заметил он, наливая киммерийцу вина. - Прошлой ночью в городе произошло много событий. Они застали меня врасплох, и если бы не Последняя Гвардия, все могло кончиться худо.

Конан перевел взгляд на Каллидиоса, беззаботно развалившегося на диване.

- Что случилось? - спросил он тревожно. - У крепостной стены я видел, то что никак не ожидал увидеть.

- Тогда ты сам можешь предположить, что произошло. - В голосе Мордерми послышались гневные нотки. - Этот Революционный комитет, он постоянно вмешивался во все мои дела. Пока Белая Роза занималась пустой болтовней, она мало кого волновала, но затем их попытки на

практике претворить безумные идеи о новом общественном порядке привели их к краху. Это произошло, когда ты воевал.

Аввинти утверждал, что только имущие классы должны были быть представлены в правительстве, Карико настаивал на равных правах для всех членов общества, начиная с последнего нищего и кончая знатным лордом. Ты же сам все это слышал. Я надеялся, что Сантиддио сумеет найти какое-нибудь компромиссное решение и утихомирит разбушевавшиеся страсти, но этого не произошло.

Мордерми остановился, сделал глоток вина. Его лицо сделалось жестким.

- Аввинти был отравлен. Его смерть, без всякого сомнения, была организована Карико. Как только стало очевидно, что Карико замышляет заговор, я дал приказ о его аресте. Фракция Карико покинула Революционный комитет и начала организовывать на улицах демонстрации, требуя его освобождения. Я очень сожалел о том, что Карико решил на вторую революцию. Мне не хотелось казнить его, но выбора не было. Каллидиос с помощью Последней Гвардии сумел подавить уличные беспорядки. Конечно не обошлось без крови.

- А Сантиддио? - угрюмо спросил Конан.

- Сантиддио повел себя, как истеричная баба, когда я распустил Революционный комитет и ввел военное положение. Конечно, это крайняя мера, на которую меня вынудили чрезвычайные обстоятельства, и я думаю ее со временем отменить. Однако Сантиддио отказался рассуждать здраво. Он начал бросать мне в лицо всякие обвинения, весьма болезненные для меня, учитывая нашу давнюю дружбу.

- Что случилось с Сантиддио? - настаивал Конан.

- Под давлением обстоятельств я был вынужден арестовать и его. Как бы не были глупы и бездоказательны его обвинения, я не могу допустить, чтобы столь популярный в народе человек публично утверждал, якобы я предал идеалы революции ради собственной выгоды.

- Так ли уж глупы и бездоказательны его обвинения? - спросил Конан.

- Я знаю, ты мой друг. В противном случае этот вопрос стоил бы тебе жизни. У меня много врагов - и на границах Зингары, и в собственном дворце. Этот трон достался мне нелегкой ценой, и я не хочу потерять то, чего добился.

- Карико мог убить Аввинти в порыве гнева, - задумчиво сказал Конан.

- Но Карико не отравитель. Может, это сделал кто-то из его знатных друзей, которые сейчас командуют стражей дворца? Убрав Карико, ты оказал большую услугу знати, которая теперь может беспрепятственно

раздевать бедняков.

Мордерми снова наполнил кубок Конана.

- Ты же знаешь, что идеи Карико глупы. Но ты пришел к тому же абсурдному заключению, что и Сантиддио. Ты должен помнить, что слова и действия, вырванные из контекста, могут приобретать зловещий смысл. Например, твоя борьба на баррикадах сделала тебя героем. Тем не менее, мне стало известно, что ты оставил свой пост и даже заявил, что если Мордерми не пойдет в бой, ты лично возглавишь все революционное движение Кордавы. Уход с поста и измена, вырванные из контекста, - основание для заключения под стражу.

- Это угроза? - зарычал Конан, глядя на Мордерми. - Таким же образом был арестован и Сантиддио? Где он, дайте мне поговорить с ним.

- Это уже организовано, - доверительно сказал Мордерми. - Боюсь, твои примитивные представления о чести мешают тебе прислушаться к голосу разума.

Голос Мордерми вдруг начал удаляться, и лицо его потускнело. Конан хотел выругаться, но внезапно распухший язык не поворачивался во рту. Киммериец посмотрел на кубок, который ему дал Мордерми. Ему становилось невыносимо тяжело держать его в руке. Кубок выпал из его руки, и Конан, собрав последние силы, бросился на Мордерми. Звука падения собственного тела он уже не слышал.

Мордерми посмотрел на распростертого на полу киммерийца, и на его лице отразилось сожаление.

- Может, дать ему время подумать, и он образумится? Ведь он всего-навсего варвар, который ищет приключений! Какая ему разница, на чьей стороне бороться, если ему предлагают взять сторону победителя?

- Тебе лучше знать, - ответил Каллидиос, трогая носком обуви тело киммерийца. - Хотя он верил тебе, он был всего лишь пешкой в игре. Король должен знать, когда следует пожертвовать бесполезной пешкой.

Глава 16. КОСЕЦ

Наконец пришло время, когда мрак в его мозгу сменился сумраком тюремной камеры. Конан попробовал приподняться и застонал; перед глазами все плыло.

- Выпей вот это. - Сантиддио поднес к его губам банку с тепловатой водой.

Конан жадно выпил. В пересохшем рту чувствовался какой-то металлический привкус. Он вытер губы и сплюнул, желая от него избавиться.

- Ну вот, подошла и твоя очередь, - сказал Сантиддио.

Конан осмотрелся. Они находились в одном из подземных казематов, расположенных под дворцовой крепостью. Слабый свет факелов проникал сюда из коридора. Грязная камера, в которой они находились, была мала даже для одного человека. Одну из стен здесь заменяла массивная дверь из окованного железом дуба. В крепости была целая вереница подобных камер с помещением для охраны в конце коридора, где находилась лестница, ведущая наверх. В другом конце располагалась пыточная комната, которая при Риманенко всегда содержалась в образцовом порядке. Конан хорошо помнил это подземелье.

- Что произошло после того, как я покинул Кордаву? - спросил Конан, делая попытку сесть прямо.

- Все пошло прахом. Мы грезили, что наши мечты станут явью, а они обратились в кошмар.

- Мордерми сказал мне, что Аввинти отравлен. На городской стене я видел голову Карико - Мордерми обвинил его в убийстве. Он сказал, что Карико готовил вторую революцию.

- Я тоже слышал эти басни. Народу Кордавы они так же мало нравятся, как и тебе. Когда арестовали Революционный комитет, на улицах вспыхнули стихийные беспорядки. И тогда этот дьявол призвал Последнюю Гвардию. Мордерми поспешил объявить, что фракция Карико организует заговор.

- Не могу понять, что происходит с Мордерми. - Конан выругался.

- Чужая душа - потемки. Сандокадзи думает, что это влияние

Каллидиоса. Этот колдун способен на все.

Сантиддио поскреб грубую щетину на лице. Прежде чем бросить сюда, его не поили отравленным вином.

- Я должен был это предвидеть, - жестко сказал он. - Мы приняли Каллидиоса с распростертыми объятьями. Наша цель была правой, и необходимо было достичь ее любыми средствами. Возможно, без помощи Каллидиоса наша революция захлебнулась бы в крови. Возможно, со временем, мы бы сами свергли Риманенко. Нам не приходило в голову, что наше же оружие может повернуться против нас!

Конечно, сейчас, оглядываясь назад, я вижу, что мы слишком много болтали, озабоченные только тем, как сформировать новое правительство. Думаю, со временем мы бы пришли к компромиссу Но Мордерми опередил нас и взял все в свои руки.

Он дискредитировал Белую Розу, обявив, что каждый из нас готовит заговор против остальных ее членов. Знать готова была поддерживать любого, кто не станет посягать на существующий порядок. Аристократия с радостью отдала бы трон Аввинти и никогда бы не потерпела во главе государства Карико. Даже с помощью армии предстояла длительная борьба, чтобы провести в жизнь самые умеренные социальные реформы. Мордерми, устранив Аввинти, одним ударом отделался от конкурента и, свалив вину за его убийство на Карико, завоевал симпатию знати. Затем, под предлогом нарушения общественного порядка, он распустил комитет и разгромил Белую Розу. Твое отсутствие в городе тоже не случайность, можешь поверить. Мордерми специально выждал, когда ты будешь далеко, чтобы нанести свой предательский удар.

Сантиддио, казалось, восхищался коварством, с которым Мордерми привел в исполнение свой план.

- Теперь Мордерми ничем не лучше любого короля, окруженного знатными прихлебателями, - продолжал он со смирением в голосе. - Они не станут вмешиваться в его дела. Ты обезопасил границы его королевства, создал для него армию. Теперь он пошлет туда своих офицеров, а ты станешь больше не нужен. Кроме того, у него останется еще Каллидиос с Последней Гвардией. Думаю, не далек тот день, когда зингаранские солдаты пойдут на Аргос и Аквилонию.

- Может они и пойдут, - угрюмо согласился Конан, - да мы этого уже не увидим. Мордерми не оставит нас в живых после того что произошло. Странно, что я еще здесь и разговариваю с тобой. Он мог подмешать в мое вино тот же яд, которым был отравлен Аввинти.

- Вероятно, Мордерми желает придать своим действиям хотя бы

видимость законности, - предположил Сантиддио. - Пока он сохраняет мне жизнь только по просьбе Сандокадзи, я уверен. Что же касается тебя, не исключено, что он хочет предложить тебе служить ему и дальше. А когда народ Кордавы забудет своих героев, нам предъявят все те же фальшивые обвинения и отправят кормить ворон на Танцевальный Помост.

Неожиданно ситуация показалась Конану забавной, и он рассмеялся.

- Мы проделали длинный и опасный путь, чтобы обнаружить, что движемся по кругу. Неужели нам снова суждено встретиться на Танцевальном Помосте?

- Думаю, рассчитывать на милость Мордерми у нас мало шансов, печально усмехнулся Сантиддио.

- А где сейчас Сандокадзи?

- Она с Мордерми, - вздохнул Сантиддио. - И вряд ли предпочтет разделить нашу участь вместо того, чтобы одеть корону. Она любит этого выродка и не покинет его даже в такую минуту.

- Неправда, она не оставит своего брата гнить в вонючей камере, раздался чей-то голос.

Конан мгновенно вскочил на ноги, несмотря на слабость, которую все еще испытывал после отравления.

Сквозь решетчатое окно на них смотрело лицо Сандокадзи.

- Кадзи! - воскликнул Сантиддио. - А Мордерми знает, что ты здесь?

- Нет, этого никто не знает, - улыбнулась его сестра. - Они с Каллидиосом опять погружены в составление каких-то планов. Я думаю, Каллидиос требует немедленного приказа о казни Конана, а Мордерми пока сопротивляется и не соглашается убить друга.

- Щепетильность твоего любовника в такого рода делах широко известна. - Конан грязно выругался. - Мы с ним еще разделим дружескую выпивку, только теперь будет моя очередь угощать.

- Не кляни Мордерми за то, что он тебе сделал, - умоляющим голосом откликнулась Сандокадзи. - Боже, почему мы не послушались твоего совета, когда стигиец впервые появился в Преисподней?!

- Это еще одна моя ошибка, которую я исправлю, как только выберусь отсюда, - процедил Конан. - Но ведь отравленное вино мне наливал Мордерми.

- Если бы это сделал Каллидиос, ты бы никогда не проснулся, - сердито ответила Сандокадзи. - Какие вы оба идиоты! Мордерми был таким же смертельным врагом Риманенко, как и вы. Пока мы спорили, как поднять массы на революцию, он раздавал награбленное беднякам. Каллидиос изменил его характер. Я едва узнаю теперешнего Мордерми.

Этот колдун наложил на него заклятье. Убейте Каллидиоса, и Мордерми освободиться от злых чар.

- Но что здесь делаешь ты, Кадзи? - снова спросил Сантиддио. Мордерми послал тебя, чтобы заключить мир?

- Я пришла сюда, чтобы освободить вас, - ответила Сандокадзи, странно хихикая. Конан и Сантиддио удивленно переглянулись. В руках у девушки была связка ключей.

- Я следила за Каллидиосом, - затараторила она, глотая слова. - Я украла у него трубку и накапала туда жидкость, как это делает колдун. Затем я притаилась возле комнаты стражников и пустила туда дым. Они и так клевали носом над чашами с вином, а теперь и подавно хранили. Я забрала у них ключи от камер, вот и все.

- Черт возьми! Так открывай, пока стражники не проснулись! встрепенулся Конан.

- Я выпущу вас, - скромно произнесла Сандокадзи, - но сперва вы пообещаете мне, что не причините никакого вреда Мордерми. Я знаю, что он предал вашу дружбу, но виной тому не он, а Каллидиос, отравивший его душу. Убейте стигийца и утолите свою жажду мести, но дайте слово, что не тронете Мордерми.

Конан решил, что испарения желтого лотоса помрачили рассудок девушки. Но спорить было некогда. Охранники могли очнуться в любую минуту.

- Я обещаю не убивать Мордерми, - с усилием произнес Конан. Слова застревали у него в горле. Киммериец никогда не нарушал данного слова, независимо от того, какие обстоятельства этому предшествовали.

- Я тоже обещаю, - сказал Сантиддио. - Давай, Кадзи, открывай быстрее.

Мучительно долго девушка выбирала нужный ключ, возилась с замком. Наконец дверь открылась. Конан выскочил из камеры, как большая кошка, которую долго держали в клетке. Пока Сантиддио обнимал сестру, он внимательно оглядел коридор.

Из комнаты охранников доносился могучий храп. Их оплошность, несомненно, будет стоить им жизни, но Конан не испытывал к ним чувства жалости. Беглецы укутались в воинские плащи, висевшие у двери, и украдкой поднялись по ступеням...

Снаружи, возле двери на улицу, лежал труп солдата. Тонкий кинжал был всажен прямо в сердце искусной рукой.

- Я обещала хорошо заплатить ему, если он позволит мне повидаться с братом, - пояснила Сандокадзи, - но мне показалось, что ему нельзя

верить.

В этот полночный час вокруг дворца было пустынно. Лишь иногда попадались патрули. Конан вовремя заметил приближающихся солдат, и беглецы успели спрятаться, а затем проскользнуть вслед за ними. Конан понимал, что стоит охранникам очнуться, и их побег будет обнаружен.

- Возле стены я спрятала веревку, - сказала Сандокадзи. Конана всегда восхищали ее ум и предусмотрительность. - Как только вы выберетесь из крепости, вам придется самим позаботиться о себе.

- Ты должна идти с нами, - сказал Сантиддио. - Мордерми заподозрит тебя.

- Мордерми может подозревать сколько угодно, но он меня и пальцем не тронет. Каллидиос отравил его душу, но я осталась в его сердце. Мордерми свалит ваш побег на Белую Розу и использует его в качестве еще одного доказательства существования тайного заговора.

- Не спорь с нами, женщина, - попытался возразить Конан. - Ты помогла нам, и я не оставлю тебя в опасности. Мордерми нельзя верить.

- Я люблю его, - оборвала киммерийца Сандокадзи, - неужели вы не понимаете? Люблю! Если я покину его в эту минуту, рядом с ним не останется никого, кроме Каллидиоса.

Конан придерживался другого мнения, но, в конце концов, это было ее дело. Сантиддио лучше знал, как уговорить сестру.

- Что вы собираетесь делать? - спросила она, чтобы закончить споры.

- Для начала - выбраться из Кордавы, - ответил ее брат.

- Мы слишком известны, чтобы спрятаться в городе, да и Мордерми здесь крепко держит все в руках.

- Мы организуем новое восстание, - продолжал он. - И привлечем в его ряды тех, кого Мордерми предал. Это будет настоящий заговор, который ему не подавить так просто, как это он сделал с Белой Розой!

- А как вы собираетесь бороться с Последней Гвардией? - напомнила Сандокадзи.

- А ты не знаешь, как Каллидиос управляет этими каменными дьяволами? - спросил ее Конан.

- Мне известно только, что когда он собирается отдать им приказ, он запирается в хорошо охраняемой башне и не выходит оттуда, пока приказ не будет выполнен. Он вершит там всю свою магию и никого туда не допускает.

- Мы должны найти человека, сведущего в оккультных науках, чтобы он помог нам бороться с колдовскими чарами стигийца, - заявил Сантиддио. Пока мы сидели в камере, я все обдумал.

- Ты хочешь найти другого колдуна? - изумился Конан. - Но если он окажется могущественнее Каллидиоса, мы запустим в дом тигра, чтобы выгнать волка.

- Ты прав, но я веду речь о моей сестре, - заявил Сантиддио. - Я хочу обратиться за помощью к Дестандази, если она, конечно, в силах нам помочь.

Конан совсем забыл, что в живых из рода Эсанти осталось трое, и одна из них - Дестандази - была изгнана из Кордавы и стала жрицей Джеббал Саг. Мордерми как-то говорил Конану, что третья Эсанти живет где-то за Черной рекой.

- Дестандази порвала все узы, которые связывали ее с нашей семьей, заметила Сандокадзи. - Ей чужды традиции дома Эсанти, а также идеалы, за которые мы боремся. Какой ей смысл помогать нам?

- Мы должны попытаться, - хмуро сказал Сантиддио. - У нас нет другого выхода.

- Я думаю, мы должны направиться к Черной реке, - вмешался Конан. Граница совсем рядом. После недавнего нашествия Пиктов, солдаты на северной границе внимательно следят, чтобы никто не проник в Зингару, но обращают мало внимания на тех, кто ее покидает. Сможешь отыскать дорогу к Дестандази?

- Думаю, смогу, - ответил Сантиддио. - В противном случае мы либо оставим наши скальпы Диким Пиктам, либо сложим головы на плахе Мордерми.

- Мы теряем время, - Конан внимательно взгляделся в небо. - Если мы поторопимся, то сможем еще до утра украсть где-нибудь лодку и поплыть по Черной реке.

Он осмотрел веревку, припасенную Сандокадзи, и привязал ее одним концом к зубцу стены.

- Последний раз спрашиваю: пойдешь с нами?

- Я уже ответила на этот вопрос. Не забывайте своего обещания не причинять вреда Мордерми.

У Конана мелькнула в голове мысль схватить Сандокадзи в охапку и унести насильно, но твердость и решимость, прозвучавшие в голосе девушки, пробудили в нем нечто, похожее на уважение.

- Передавай от меня привет Дестандази, - жалобно попросила она, когда две темные фигуры, быстро заскользили вниз по веревке. Через некоторое время они растворились в темноте у подножия стены.

Сандокадзи отвязала веревку. Охранникам необязательно знать, каким путем бежали узники. Теперь надо было поторопиться, чтобы успеть

опередить Каллидиоса.

Сандокадзи направилась в покой Мордерми, надеясь, что ее любовник все еще совещается с Каллидиосом. Она боялась просто избавиться от трубки Каллидиоса. Стигиец мог заметить ее исчезновение, связать ее отсутствие со спящей охраной и задуматься, почему заговорщики освободившие двух узников, избрали такой необычный способ бегства? Поэтому лучше вернуть трубку на место, тогда никто не догадается, как были усыплены охранники.

Сначала Сандокадзи убедилась, что Каллидиос еще не вернулся. Тем лучше. Очевидно, они с Мордерми все еще строят свои дьявольские планы. Она осторожно проскользнула в комнату и положила трубку в ящик стола рядом со склянкой, наполненной желтым лотосом.

Но она забыла, что Каллидиос еще и мастер иллюзии.

Он вдруг появился из серого полумрака, как раз в том месте, где была дверь.

- Я не могу уснуть без моей трубки, - ласково сказал он.

Глава 17. ДЕСТАНДАЗИ

Они прошли незначительную часть пути, но Сантиддио уже убедился, что без своего друга-гиганта, он бы не смог проделать и малую толику путешествия. В Кордаве Сантиддио относился к своему другу с оттенком легкого превосходства потомственного аристократа перед грубым варваром. Такое отношение было характерно для большинства жителей Кордавы, которые с презрением смотрели на тех, кто не имел счастья родиться в городе, а киммериец с его грубым акцентом, манерами и первобытными принципами казался просто неотесанным мужланом из захудалой провинции.

Зато стоило им оказаться на территории Пиктов, всего в нескольких днях плавания от Кордавы, их роли поменялись. Вдали от цивилизации Сантиддио оказался неученым неслухом, а Конан являл собой верх образованности.

В Кордаве они украли лодку. Конан, обладавший кошачьим зрением, всю ночь упрямо греб против течения в полной темноте, пока ранние солнечные лучи не разогнали туман, клубившийся над рекой. Сантиддио обладал достаточно тренированным телом и считал себя неплохим атлетом. Но задолго до того, как Конан объявил привал, окончательно выбился из сил. Все его тело ломило, как будто он недавно побывал в камере пыток. Конан ловко подвел лодку к берегу и тщательно укрыл под нависающими над водой ветвями деревьев.

- Двигаться дальше днем слишком опасно, - разъяснил он Сантиддио, как ребенку. - Мордерми может помнить, что однажды я уже предлагал ему бежать через страну Пиктов. Он мог послать вдоль берега конные отряды, которые быстро нас настигнут. Ночью мы можем ускользнуть от них.

Сантиддио рухнул на дно лодки и крепко уснул, несмотря на неудобную позу. Когда он проснулся, Конан дал ему поесть плоды каких-то деревьев, собранные им на берегу. Сантиддио даже не почувствовал, что Конан покидал лодку.

С наступлением темноты они продолжили свой путь. Теперь Конан греб более спокойно, но у Сантиддио при каждом взмахе весла по жилам пробегал огонь. Один раз Конан остановил лодку и сделал знак сидеть

тихо. Они укрылись за полузатопленной корягой и находились там примерно около часа. Наконец, Конан дал знак и начал тихонько грести.

- Другая лодка, - пояснил он позже. - Разве ты не видел, как они проплыли недалеко от нас? Мордерми должен был велеть своим солдатам снять кольчуги, если они не умеют сидеть тихо.

Сантиддио ничего не слышал и никого не видел.

На следующий день Конан поймал рыбу, используя вместо остроги кинжал. Во время побега им удалось захватить с собой шпаги и кинжалы, добытые у спящих стражников, но вот лука и стрел им достать не удалось. Жадно пожирая свою порцию рыбы, Сантиддио подумал, что в случае необходимости, киммериец смог бы изготовить примитивный лук.

Следующей ночью они миновали недавно покинутую стоянку. В ночном воздухе еще чувствовался запах дыма.

- Дальше уже можно не беспокоиться о патрулях Мордерми, - хрипло рассмеялся Конан. - Здесь повсюду бродят Пикты, а зингаранские солдаты отнюдь не жаждут, чтобы их скальп украсил пояс какого-нибудь воина.

Конан опустил весло в воду и принял грести с удвоенной энергией. С этого момента, - заметил он, - нам надо быть вдвое внимательнее.

На следующий день во время очередной стоянки Конан появился из леса, держа в руках небольшой лук из черного дерева и пучок стрел. Аккуратно положив их в лодку, он протянул Сантиддио мешочек с сушеным мясом и ломоть грубого хлеба.

- Тело пришлось утопить, - тихо проговорил киммериец. - Эти Пикты настоящие дьяволы, когда дело касается их убитого сородича. Будем надеяться, что поблизости нет его друзей. Надо убираться отсюда как можно скорее.

Вскоре они достигли места, где кончалась граница Зингары и начинались земли Диких Пиков. Граница была чисто условной, поскольку Пикты, не обладавшие письменностью, не имели ни малейшего понятия о существовании карт, на которых ученые мужи нанесли очертания зингаранского королевства, а посему бродили где хотели. На месте предполагаемой границы стоял торговый пост, который содержал полукровка по имени Инзио. То ли из-за его смешанной крови, то ли по какой другой причине, но Пикты его не трогали. Через Инзио передавались письма для Дестандази, через него получали ответ.

Конан рассчитывал, что пост уцелел во время последних налетов Пиков и там они сумеют отыскать путь к жилищу Дестандази.

Смешение пиктской и гиборийской крови придавало Инзио весьма своеобразный облик. Внешне он походил на карлика. В отличие от других

содержателей торговых постов он обладал грубыми манерами и держался враждебно. Сантиддио так и не решил: то ли этот человек любит одиночество и не терпит посетителей, то ли предпочитает иметь дело только с Пиктами.

Пока Сантиддио объяснял, зачем они пожаловали, Инзио молча разглядывал пришельцев. Только перехватив свирепый взгляд Конана, карлик пожал толстыми плечами и сказал:

- Письма приходят из леса - я посыпаю их вниз по реке, письма приходят по воде - я посыпаю их в лес.

- А кто носит письма в лес и приносит их оттуда? - терпеливо расспрашивал Сантиддио.

Инзио нахмурился.

- Филин.

- Филин?

- Да, огромный филин.

- Ты имеешь в виду почтового голубя? - настаивал Сантиддио.

- Вроде того. Прилетает по ночам, стучит крылом в дверь. Письмо привязано к ноге.

- И относит письма к хозяйке. А как же он знает, когда прилетать?

- Это меня не интересует. Меня ничего не интересует!

- Ты лучше отвечай, когда спрашивают, - посоветовал Конан.

- Слушай, ты, киммериец, - проворчал Инзио. - Я не боюсь твоих угроз. Я не боюсь солдат, я не боюсь Пиктов. Я не хочу неприятностей.

- Напиши письмо сестре, Сантиддио, - предложил Конан, - напиши, что мы здесь и зачем пришли. Попроси ее встретить нас или прислать провожатого. А мы подождем, пока придет ответ.

В полночь в дверь застучали крылья. Инзио распахнул дверь, и в комнату влетел огромный филин. Конан, который знал в этих местах любого зверя и птицу, никогда не видел такого филина. Черная птица хмуро косилась на них, пока Инзио привязывал к ее ноге письмо. Затем она бесшумно взмахнула огромными крыльями, вылетела из комнаты и исчезла в ночи.

Они так и не поняли, как Инзио позвал филина.

На следующий вечер Конан в задумчивости точил свою шпагу. Вдруг из темноты вынырнул волк и направился к Сантиддио. Первой мыслью Конана было, что зверь ручной, иначе он не подошел бы так спокойно к человеку. Волк сверкнул своими желтыми глазами в его сторону, и киммериец сразу понял, что ошибся. За спиной послышался крик Инзио и звук запираемой двери. На массивной шее волка был одет ремень, к

которому прикреплено письмо.

Сантиддио сперва прочел его про себя, затем вслух для Конана.

- Брат мой, я дала обет никогда не покидать святую рощу. Если тебе нужно меня видеть, мой посланец проводит тебя. Но помни, в этом месте старые боги не просто миф. Советую тебе вернуться в мир, из которого ты пришел. Дестандази.

- Ну, что будем делать? - спросил Сантиддио, дочитав письмо. - Пойдем за ручным волком моей сестры?

- Пойдем, - ответил Конан. - Только этот волк дикий.

Они быстро собрались и отправились в темный лес. По мере их продвижения темнота продолжала сгущаться, и они уже не видели тропы, по которой шли, - если только эта тропа существовала под черными кронами вековых деревьев. Сантиддио держал руку на спине волка, доверив животному вести их в неведомое. Конан сжал рукоять штаги и напряженно вслушивался в шум леса. Он знал, что ночью они могли не опасаться нападения Пиктов, но спокойнее от этого он себя не чувствовал.

Они находились в середине леса, настолько древнего, что он помнил, как предки Конана прятались в скальных пещерах и открывали для себя тайну добывания огня. Территория Пиктов представляла собой безбрежный океан лесов и гор, который не пересек еще ни один белый человек. Даже Дикие Пикты не решались далеко углубляться в лесную страну. Они потеряли ориентировку и счет времени, пока пробирались меж огромных стволов, ступая по мягкому мху, заглушавшему шум их шагов. Присутствие дикого проводника придавало им сходство с проклятыми душами грешников, направляющими в Ад.

"В этом месте старые боги не просто миф", - предупреждала их Дестандази. Действительно, пробираясь через этот первобытный лес, Конан ощущал, что эти деревья так же старины, как и камни, лежавшие у их подножья. Это было жуткое ощущение встречи смертного с вечностью.

Внезапно Конан ощущал могучий прилив радости: далеко впереди, между деревьями, забрезжил слабый свет.

Это была небольшая поляна, но после изнурительного перехода она показалась путникам настоящим островком жизни, полным света. На поляне в ожидании их стояла женщина. Конан окинул ее внимательным взглядом.

Во время путешествия он постоянно думал, как выглядит третья Эсанти. Со слов Мордерми и Сандокадзи, он представлял себе девушку типа ее сестры, но более худую и слегка помешанную. Но Дестандази, стоявшая на поляне, не походила на созданный им образ.

В ней было что-то и от Сандокадзи и от Сантиддио. Она была высокого роста, не худая и не полная. Ее смуглое лицо и блестящие глаза напоминали Сандокадзи, но темные зрачки были слишком большими. Тот же округлый подбородок и прямой нос, но жесткая складка у рта, в то время как Сандокадзи всегда насмешливо улыбалась. Плечи прямые, почти мужские, грудь маленькая, крепкая, бедра тонкие в отличие от роскошных форм Сандокадзи. По фигуре Дестандази казалась несколько моложе сестры, но лицо ее выглядело намного старше. Черные волосы волнами сбегали по груди, закрывая ее всю почти до самых пят. На ней был какой-то темно-зеленый балахон, доходивший ей до колен и стянутый на талии алым шнуром. Ее ноги были босы, несмотря на прохладу осенней ночи.

Девушка напоминала дриаду или дух девственного леса. Окружавшие ее предметы только усиливали это впечатление. На краю поляны рос огромный вяз. Десять человек, взявшись за руки, не смогли бы охватить его ствол. Как и у большинства старых деревьев у вяза было огромное дупло. Щель между корнями служила входом в него. Отверстия в стволе заменяли окна. Подобно всем дриадам Дестандази жила внутри дерева. В центре поляны был небольшой родничок. Из дупла выбивался свет лампы.

Конану пришло на ум, что брат и сестра приветствовали друг друга довольно сдержанно.

- Приветствую тебя в моем доме, брат, - произнесла Дестандази бесстрастным голосом.

- Дестандази, это Конан. Лучший друг Сандокадзи и всей нашей семьи. Ты скоро обо всем узнаешь.

- Приветствую тебя, Конан, - сказала она, протягивая ему руку. Надеюсь, вы не будете жалеть, что навестили меня.

Конан не знал, что ему делать с рукой Дестандази: поцеловать или просто пожать? Поколебавшись, он выбрал последнее, и с радостным удивлением отметил, что она ответила на его пожатие с силой, которую трудно было подозревать по равнодушному выражению ее лица.

- Заходите в дом. Я приготовила еду и питье.

Все так же бесстрастно. Как жрица.

И кто, кроме жрицы, может выдержать ужасное одиночество этого леса или нет, не выдержать, наслаждаться им.

Конан невесело подумал, какие еще религиозные ритуалы ожидают их этой ночью.

Глава 18. ПОГОНЯ ИЗ КОРДАВЫ

Пока они ели, говорил один Сантиддио. Говорил он долго и страстно, но при этом ухитрялся не забывать набить рот едой, чем нескованно удивлял Конана. Пища была проста и состояла из хлеба, лепешек грубого помола, овощей и фруктов с различными приправами. Все это было слегка обжарено на огне небольшого очага, расположенного под деревом. Конан узнал многие из трав, встречавшиеся в этой местности. Все было довольно вкусно, хотя киммерийцу трудно было примириться с отсутствием мяса. Однако он не был удивлен, так как много слышал о различных обычаях и тайнах культа Джеббал Саг.

Внутри дупла было гораздо просторнее, чем мог предположить Конан, и очень уютно. Обстановка была простой и, по всей вероятности, изготовлена руками самой хозяйки. В углу стоял небольшой ткацкий станок, столы, ящики с различной утварью для любых надобностей. Единственное, что нарушало гармонию обстановки - это несколько книг. В стенах были встроены ящики и ниши. Узкая кровать располагалась в одной из ниш прямо над головой. Лампы излучали мягкий свет, а тяжелые занавеси закрывали окна.

Вид одинокой беспомощной женщины, живущей среди дремучего леса, кишащего Дикими Пиктами, заставил Конана нахмуриться. Но поразмыслив, он пришел к выводу, что жрице Джеббал Саг нечего бояться ни людей, ни зверей. Конан хорошо ориентировался в лесу, но не будь с ними провожатого, они могли бы плутать по нему вечно.

Сантиддио дошел в своем рассказе до того момента, когда они достигли хижины Инзио. Дестандази слушала не перебивая, только ее блестящие глаза отражали некоторый интерес.

- Ну, так что же вы ждете от меня? - спросила она напрямик, когда Сантиддио закончил.

Ее брат неопределенным жестом обвел рукой помещение. Он смотрел на книги.

- Ты занималась оккультными науками. Прежде чем удалиться в эту глушь, ты интересовалась другими Знаниями. Пока не выбрала путь, по которому идешь.

- Здесь не место для болтовни, - быстро произнесла Дестандази, и это прозвучало, как предупреждение.

- Но ты же изучала их, - настаивал Сантиддио. - Ты должна знать, как нам победить Каллидиоса, как бороться с Последней Гвардией?

- Я отреклась от этого Знания, когда стала жрицей Джеббал Саг, отчетливо произнесла Дестандази.

- Значит ты отреклась и от своего брата и сестры, - воскликнул Сантиддио. - Мы живем в мире людей...

- Я дала обет никогда не покидать этого леса.

- Тогда оставайся в этом дупле, - с горечью бросил ей Сантиддио. - Я пришел к тебе за советом.

- Мой совет вам обоим: забудьте о Кордаве. Там вас ничто не держит. Там запах крови Эсанти.

- Там дом Эсанти. Я тоже дал клятву, связывающую меня с Кордавой. Я должен вернуться, чтобы закончить дело, которое предал Мордерми. Все что я прошу - средство, как противостоять колдовским чарам Каллидиоса, чтобы я мог встретиться с Мордерми на равных.

Дестандази в задумчивости поджала губы.

- Из твоих слов я не могу заключить, кто такой Каллидиос и как он управляет Последней Гвардией. Великие маги, создав каменных воинов, владели тайными силами Черной Магии, которыми Каллидиос не владеет. Иначе ему не нужна была бы помочь Мордерми и Белой Розы. Я думаю, он не солгал вам, когда сказал, что не имеет формального образования, как любой из архимагов, но так как он рос в замке Сет, он сумел развить в себе некоторые силы. Это значит, что он любитель в колдовстве, но эксперт в какой-то узкой области Черной Магии.

- Это нам ничего не говорит, - устало произнес Сантиддио.

- Это все, что я могу вам сказать. Это не моя область. Тайны Джеббал Саг связаны с силами жизни. Мы немногие последние, кто ПОМНИТ.

- ПОМНИТ? - переспросил Конан.

- Я не в силах открыть вам много, вы же способны понять еще меньше. Было время, когда ВСЕ живое на земле поклонялось Джеббал Саг. Люди и звери были братьями и говорили на одном языке. Теперь память об этом сохранили очень немногие - в основном звери, реже люди. Этую память можно разбудить. Больше я ничего не могу раскрыть вам.

- Могут ли твои знания помочь нам победить Последнюю Гвардию? удрученно спросил Сантиддио.

- Я изучаю живых существ, чтобы постичь единство ЖИЗНИ. Тебе нужна наука о смерти и хаосе. Иди к колдунам.

- Это нам не подходит, - вздохнул Сантиддио. - Новый маг, еще более могущественный, может взять под свой контроль Последнюю Гвардию и использовать в своих целях.

- Лучше иметь дело с Дьяволом, которого знаешь, - закончила его мысль Дестандази. - Мне жаль, но я ничем не могу вам помочь.

Тягостную тишину, воцарившуюся после ее слов, внезапно нарушили дикие крики, доносившиеся с поляны. Затем они сменились злобным воем и стонами. Конан не мог сказать кому принадлежит этот голос: человеку или зверю. В этом лесу ни в чем нельзя было быть уверенным наверняка.

Дестандази вскочила на ноги одним легким движением. На ее лице читалось удивление и неуверенность. Взглянув на нее Конан догадался, что это кричит не один из детей Джеббал Саг В следующее мгновение он уже был снаружи, сжимая в руке шпагу.

Киммериец спрятался за широким стволом дерева и начал оглядывать поляну в поисках источника звука. Что-то белое отчаянно металось на противоположном краю поляны. Конан двинулся к нему осторожными, кошачьими движениями.

На краю святой поляны стояла женщина. Это была Сандокадзи.

Конан остановился и подождал, когда к нему присоединяется Сантиддио и Дестандази. Сандокадзи смотрела на них дикими глазами.

- Боже! Это Кадзи! - Брат узнал ее в слабом свете. - Ты передумала и решила присоединиться к нам? Как же ты нас нашла? Бедная Кадзи, не удивляюсь, что ты...

Он двинулся вперед, чтобы обнять сестру, но Дестандази резко отдернула его назад.

- Нет! Не подходи к ней! - прошептала она.

Сандокадзи взвыла низким голосом и попыталась сделать шаг вперед. Какая-то невидимая сила отбросила ее назад.

- Ты что не видишь? - В голосе Дестандази слышалось напряжение. - Она не может пересечь круг святой поляны.

Глаза Конана постепенно привыкли к густой темноте, обволакивавшей края поляны. Сандокадзи была одета только в грязную сорочку. Ее босые ноги были искалочены и исцарапаны, в нечесанных волосах застряли репьи и колючки. На шее вместо жемчужного ожерелья болталась пеньковая веревка, оставленная в виде жестокой насмешки. Из-за завязанного узла ее шея казалась неестественно длинной и кривой. Глаза горели жутким пламенем, излучая нечеловеческую злобу. Искусанные губы кривились в зверином оскале. Когда она пыталась пересечь границу заколдованныго круга, до них долетал сладковатый запах мертвичины.

- Неужели вы не видите. - Голос Дестандази звучал спокойно. - Она мертва. Ее убили и послали по вашему следу, чтобы погубить и вас. Если бы она нашла вас на стоянке возле реки, она напала бы на вас как дикий зверь, алчущий крови. Она бы и сейчас растерзала вас, но посланцы Дьявола не могут проникнуть на святую поляну.

Сантиддио упал на колени. Его рвало. Он весь дрожал, как будто в него впивались невидимые когти.

Конан поднял штагу для удара. Его лицо было искажено гневом.

- Стой! - послышался голос Дестандази. - Это не поможет. Она труп мертвое тело, которым Каллидиос может управлять. Теперь я знаю природу тайных сил стигийца. Он - некромант.

- Что же делать? - выругался Конан сквозь стиснутые зубы.

- Забери отсюда Сантиддио и побудь с ним. Я знаю, как снять отвратительное заклятье. Нельзя, чтобы вы присутствовали при этом - тайны Джеббал Саг ревностно охраняются.

- Я не боюсь, - проворчал Конан. - Я останусь, чтобы помочь тебе.

- Уйди отсюда с той, что была моей сестрой, - прошипела Дестандази. Ты можешь ей помочь?

Конан промолчал. Подняв Сантиддио, как сломанную куклу, он направился в дупло. Дестандази осталась одна, чтобы свершить то, что было необходимо.

Глава 19.

МЕЧТЫ РОЖДАЮТСЯ, ЧТОБЫ УМИРАТЬ

В сумерках они сожгли Сандокадзи на святой поляне.

Конан копал могилу под хмурым небом. Он ожесточенно швырял землю. При каждом ударе заступа слышался хриплый вздох. Глаза горели мрачным блеском, как будто он терзал живую плоть.

Дестандази спокойно обмыла оскверненное тело сестры - теперь освобожденное от злых духов - и сшила из своих простыней саван. На ее лице были видны следы пережитого напряжения, и Конан подумал, что могущество Джеббал Саг просто так не дается.

Сантиддио молчал в течение всей церемонии. Заглянув ему в глаза, Конан понял, что душа юноши осталась в могиле вместе с Сандокадзи.

Когда киммериец бросил на могилу последнюю горсть земли, Сантиддио заговорил:

- Мне теперь безразлично, кто победит в нашей борьбе. Я знаю лишь то, что вернусь в Кордаву и не успокоюсь до тех пор, пока не отправлю стигийца в ад, который его породил - пусть это будет даже последнее, что я сумею сделать на этой земле!

- Я пойду в Кордаву с тобой, - сказала Дестандази.

- Но твой обет! - напомнил брат.

- Бывают в жизни моменты, когда обеты можно нарушать, - Дестандази наклонилась, чтобы положить на могилу Сандокадзи букетик сухих цветов и осенних листьев.

- Все живое посвящено Джеббал Саг. Это очень плохо - снова давать жизнь. Это неслыханное святотатство - поработить мертвую душу, оживив ее оболочку, и наполнить ее силами Зла, как это сделал с Сандокадзи Каллидиос. Такое зло должно быть наказано.

- Значит ты поможешь нам победить колдовство Каллидиоса? - быстро спросил Конан.

- Думаю, теперь я знаю, как он командует Последней Гвардией, ответила Дестандази. - Если я права, Сандокадзи будет отомщена. То, что он прислал сюда мертвеца, подчиняющегося его приказам, выдало его тайну. Вы когда-нибудь подозревали, что Каллидиос - некромант?

- Каллидиос был скрытен во всем, - сказал Конан. - Он всячески преуменьшал свои способности, которые демонстрировал временами, но хвастался, что он большой мастер по части управления какими-то темными силами, которые он хранит в тайне.

- Его искусство в области некромантии только подтверждает сказанное тобой. Оживить покойника и заставить подчиняться себе требует немалого умения и сильных заклинаний. Видимо, в области некромантии Каллидиос превзошел многих других магов. Он не только оживляет мертвых, но еще и управляет ими. Послать Сандокадзи уничтожить тех, кого она любила больше всех - не просто презрительный жест, но и изощренная жестокость. Очевидно, он хотел, чтобы перед смертью вы воочию убедились, что его слова о могущественных тайных силах, которые ему якобы подчиняются, не простое хвастовство.

Сантиддио задумчиво молчал, пытаясь сообразить, к чему клонит Дестандази.

- Значит ты считаешь, что Каллидиос командует Последней Гвардией, используя свои знания в некромантии? Но они же неживые. Если Каллидиос говорит правду, то эти дьяволы бессмертны. Мудрецы древней Турии создали их так, что они подчиняются только Калениусу. Охранять гробницу вечно таков был приказ отданый им перед смертью короля.

- Я убеждена, что Последняя Гвардия и сейчас подчиняется только приказам короля Калениуса, - заключила Дестандази.

- Но он мертв!

- Верно; так же, как и Сандокадзи.

Они стояли молча, пока смысл слов, произнесенных сестрой Сантиддио, не начал доходить до их сознания. Все казалось логичным, но разум отказывался принять такое невероятное объяснение.

- Каллидиос вычитал о гробнице Калениуса в древних книгах, хранящихся в замке Сет в Стигии. Он говорил Конану, что тело короля было предохранено от гниения и посажено на золотой трон, чтобы править вечно. Колдуны, создавшие Последнюю Гвардию, вполне могли сделать так, что Калениус до сих пор сохранился в своей могиле.

Каллидиос осмотрел гробницу и убедился, что тело не пострадало. Даже самому искусному некроманту вряд ли удалось бы оживить мертвое тело, распавшееся в прах и растворившееся в море. Но древние маги знали свое ремесло. Каллидиос вызвал короля из гробницы, оживил, и могущественнейший король древности стал игрушкой в руках некроманта.

Итак, Последняя Гвардия подчиняется приказам Калениуса, а Калениус подчиняется приказам Каллидиоса.

- Ты в этом уверена? - спросил Сантиддио.

- Нет, это только предположение, основанное на том, что я видела, и том, что рассказали мне вы. Но скорее всего, мои догадки верны. Тайна Каллидиоса сокрыта именно в том, что я сказала. Вы пришли спросить моего совета, вы его услышали.

- Мы пришли узнать, как победить Последнюю Гвардию, - вступил в разговор Конан, - Значит ли это, что ты обладаешь знанием, способным помочь нам в этом? Ответь нам, и можешь с миром оставаться в своем лесу.

- Мы нащупали слабость в их обороне, Конан. Но удар должна нанести я сама, так как только мне подвластны тайные силы. Необходимо отыскать тело Калениуса и изгнать из него злых духов, с помощью которых Каллидиос управляет покойным королем. Как я это сделала с телом Сандокадзи. Без Калениуса Каллидиос не сможет командовать Последней Гвардией.

- А без Последней Гвардии Мордерми не сможет удержать Кордаву, подхватил Сантиддио.

- Без Каллидиоса Мордерми ничто, - подтвердил Конан. - Но осуществить план будет трудновато. Каллидиос тщательно охраняет свою тайну.

- Сломай любое звено, и цепь порвется. Это увеличивает наши шансы. И потом Каллидиос пока не знает, что мы проникли в его тайну.

- Я молюсь, чтобы моя догадка была верна, - сказала Дестандази. Вспомните, может, что-то указывало на то, что Каллидиос владеет останками покойного короля? Может, кто-то видел его?

- Каллидиос творит свои заклинания в башне, куда никого не допускает, так говорила Сандокадзи, - сказал Конан. - Когда Последняя Гвардия избивала солдат Корста в Преисподней, Каллидиоса нигде не было видно. До этого они о чем-то тайно совещались с Мордерми. Мордерми покинул свое убежище и возглавил сражение на Эйл Страт, когда уже твердо знал, что Последняя Гвардия выступила на его стороне. Каллидиоса не было видно и во время штурма дворца Риманенко. После падения дворца толпа устроила резню, и я попросил Мордерми отдать приказ Последней Гвардии прекратить бессмысленное кровопролитие, но он ответил, что это может сделать только Каллидиос. Только он знает тайну управления каменными воинами.

Под Преисподней проходит несколько канализационных туннелей, которые во время прилива затопляются морем. Когда я находился в убежище Мордерми, я чувствовал близость моря. Как-то он сказал, что

пока крысы умеют плавать, можно не опасаться ловушки Риманендо. Каллидиос часто бродил по побережью в поисках гробницы Калениуса и мог обнаружить трубы, ведущие в убежище Мордерми. А может, Мордерми сам рассказал ему об их существовании, после того, как они заключили союз. Если твои предположения верны, Каллидиос мог спуститься в один из этих туннелей и с помощью заклинаний заставить Калениуса покинуть свой трон в подводном кургане и явиться на встречу с колдуном.

Каллидиос мог спрятать тело короля там же, а может, он каждый раз заставляет его возвращаться в подземную гробницу. Но скорее всего, он прячет его в башне, чтобы всегда иметь под рукой. Когда Последняя Гвардия опустошала гробницу Калениуса, во дворец было принесено много странных сундуков. В одном из них вполне могло находиться тело Калениуса.

- Я почти уверена, что остатки короля спрятаны в башне, - согласилась с ним Дестандази. - Там стигиец может иметь возможность присматривать за ними и по мере надобности отдавать приказания. Что ж, все сказанное тобой, Конан, выглядит вполне логично и не противоречит моим предположениям.

- Значит, чтобы узнать правду, мы должны проникнуть в башню Каллидиоса, - развил ее мысль Конан. Когда речь зашла о конкретных действиях, киммериец ощущил прилив былой уверенности.

- Что ж, я должна пробраться в башню, - спокойно продолжала Дестандази. - Мне нужно немного времени на сборы.

Пока Дестандази готовилась к путешествию, Сантиддио стоял на коленях возле могилы сестры. Конан отошел, чтобы не мешать его прощанию. Губы Сантиддио шевелились, но выражение его глаз говорило, что шепчет он отнюдь не молитвы.

Чтобы отвлечься от тягостных дум, киммериец окинул взглядом святую поляну. Все здесь дышало тишиной и спокойствием, но эта кажущаяся безмятежность не могла заглушить боль, пульсирувшую в сердце. Конан знал, что только кровавый бой и справедливое возмездие смогут внести успокоение в его мятежную душу.

Дестандази собиралась недолго. Вскоре она появилась на поляне, одетая в дорожный плащ и сандалии. В руках у нее был небольшой сверток с нехитрыми пожитками, который она передала Сантиддио.

- Здесь немного еды в дорогу, - просто сказала она. - Я готова.

- Дверь не будешь запирать? - с беспокойством спросил Сантиддио.

- Зачем? Кто придет сюда, если меня нет?

Она бросила последний взгляд на поляну, очаг под деревом, бьющий

из земли родник, и глаза ее наполнились слезами. Взгляд ее упал на могилу, и слезы мгновенно высохли. Вместо этого ее глаза полыхнули мрачным огнем, а губы плотно сжались.

- Я пыталась укрыться от Зла, царящего в мире. Я нашла свое прибежище здесь, в лесу Джеббал Саг. Я поклялась никогда не покидать этого места. Но Зло настигло меня даже здесь, и я должна нарушить свой обет, чтобы уничтожить скверну, проникшую в святой лес.

- Когда все закончится, ты сможешь вернуться назад и жить как прежде, - пытался утешить ее Сантиддио.

- Нет, я никогда не вернусь. Только один раз в жизни душа находит убежище. Покинув его, она теряет его навсегда.

Глава 20.

ДОРОГА КОРОЛЕЙ

Во время обратного путешествия до них то и дело долетали слухи о волнениях в столице, вызванных жестокой тиранией. В уплату за оказываемую поддержку Мордерми ничем не ограничивал права знатных вельмож распоряжаться в своих владениях. В самой Кордаве новый правитель утопал в роскоши и разврате, как бы стараясь затмить всех своих предшественников.

Раздача владений придворным, содержание огромной армии наемников, грандиозные пиры и увеселения - все это сильно истощило его казну, хотя сокровища, взятые в гробнице Калениуса, казалось, были неистощимы. Чтобы пополнить казну, Мордерми попросту удвоил сумму налогов. Народные волнения жестоко подавлялись. Опора на силу Последней Гвардии делала правление нового монарха абсолютным и нерушимым.

Зингара была охвачена народными восстаниями, но это мало беспокоило Мордерми. Имея за спиной несокрушимую Гвардию, он мог в любой момент справиться с бунтовщиками, не рискуя навлечь на себя народный гнев. Сопротивляться королевской воле - значило погибнуть.

Но бывали моменты, когда гнет тирана становился настолько невыносимым, что даже угроза смерти переставала пугать. И вот в этой обстановке нарастающего отчаяния, охватившего страну, Конан и Сантиддио ехали по Зингаре, собирая под свои знамена - сначала тайно, а с ростом армии и открыто, - все новые и новые тысячи бедняков. Популярность Конана все еще была велика, мало кто верил рассказам о его измене. К Конану присоединялись целые гарнизоны, состоявшие из солдат, воевавших под его началом. Они убивали офицеров, назначенных Мордерми и поднимались на открытый мятеж. Наемники, гордившиеся, что из их рядов вышел такой знаменитый полководец, не задумываясь переходили на сторону восставших. В это же время Сантиддио обращался к простому люду Зингары, призывая их продолжить революцию, преданную Мордерми. Сантиддио и раньше считался неплохим оратором, но теперь, воздействуя на умы простого народа, он старался избегать заумных выражений, зажигая слушателей праведным гневом, клокотавшим в его

сердце. Раньше он пытался учить народ, теперь же он стремился разжечь в нем ярость.

Молва о растущей армии мятежников достигла Мордерми. Король направил на подавление восстания экспедиционную армию под командованием графа Перизи. Конан начал отступление к восточным горам. Когда поддавшись на его уловку Перизи начал преследование, Конан обрушился на него из засады большими силами. После непродолжительной и жестокой схватки Перизи потерпел поражение, а его армия рассеялась, разнося слухи о победе повстанцев. После этого успеха численность армии Конана удвоилась. Теперь их выступление носило открытый характер. Знатные дворяне попрятались в своих родовых замках и молили бога, чтобы восставшие прошли мимо.

В Кордаве становилось тревожно. Против восставших были брошены главные силы под командованием барона Мановра. Вскоре его голова была прислана Мордерми на блюде. К этому времени восставшие контролировали уже все провинции Зингары.

Советники Мордерми упрашивали его двинуть в бой Последнюю Гвардию, чтобы покончить с мятежом, но он отказался, сказав, что этим только сыграет на руку восставшим. Замысел Конана заключался в том, чтобы выманить Последнюю Гвардию из Кордавы и, воспользовавшись ее отсутствием, захватить город в свои руки.

Со временем, рассуждал Мордерми, восставшие потеряют терпение и нанесут удар по Кордаве. Вот тогда он и покончит со всеми ними разом.

Вскоре появились слухи, что армия Конана движется к столице. Мордерми еще раз доказал, что он прекрасный стратег.

Выражение лица Сантиддио было таким же жестким, как его кираса. Он готовился к завтрашней битве. Битве, которой он будет руководить.

- Тебе довелось видеть больше сражений, чем многим боевым генералам, - напутствовал его Конан. - Если тебе станет трудно, советуйся с Вендикиарми. Этот старый боевой конь воевал больше моего, а я родился на поле браны.

Он улыбнулся чернобородому капитану, который принимал участие в их совете, затем снова посерезнел. - Один из вас завтра поведет людей в атаку. Надо, чтобы они видели, что мы с ними. Жаль, что меня не будет впереди, но я поведу отряд на Речные ворота. Это должно оставаться тайной. Наш успех зависит от внезапности.

- Я хотел бы быть с тобой или вместо тебя, - сказал Сантиддио. - Ты можешь завтра руководить атакой.

- Атака будет ложной, надеюсь ты это усвоил. Не сближайтесь с

Последней Гвардией. Атакуйте стены, старайтесь выманить их из города. Мордерми будет выжидать, придерживать своих каменных дьяволов. Пусть воцарится равновесие. Когда терпение Мордерми лопнет и он двинет Гвардию вперед - отступай. Ты не можешь победить их, поэтому должен отходить. Пусть они преследуют тебя хоть до самой Аквилонии, но не давай им завязать бой.

- Моя задача двойная, - продолжал киммериец. - Убить Каллидиоса и доставить Дестандази в башню. Что-то одно должно быть обязательно выполнено. Не обижайся, Сантиддио, но это дело лучше поручить мне. Возможно, нам придется пробиваться к башне с помощью оружия, и здесь я буду более полезен, чем ты.

Он пожал Сантиддио руку.

- Если нам повезет и если наши предположения верны, Последняя Гвардия перестанет представлять для нас опасность. Тогда ты можешь начинать настоящую битву, да поможет тебе в этом небо! Если при этом Последняя Гвардия вступит в бой, значит я погиб. Тогда тебе придется начинать все сначала.

Конан и Вендикарми подождали на улице, пока Сантиддио о чем-то разговаривал с Дестандази. Их прощание было коротким. Через несколько минут она уже стояла рядом с киммерийцем.

Они выбрались из затемненного лагеря. В поле их ожидало несколько конных солдат. Они должны были разведать, какова охрана у Речных ворот. Это были проверенные люди, умеющие хранить тайны. Когда Конан и Дестандази расстались с ними, ни один человек не проводил их взглядом.

Кордава спала неспокойным сном в ожидании завтрашней битвы. Убежденные в силе Последней Гвардии, часовые у стен несли свою службу с беззаботностью, которую рождает самоуверенность. Победа будет на их стороне, так зачем подставлять свою голову под нож врага, если за тебя это сделают каменные истуканы?

Но были и другие в Кордаве, кто связывал с завтрашним наступлением свои последние надежды на освобождение от ненавистного ига тирании.

Конан легко миновал посты, расставленные вдоль побережья города. За ним бесшумно, как лесной зверек, следовала Дестандази. Лошадей они оставили в поле, подальше от города. Конан украл лодку, и под покровом темноты они по воде добрались до побережья Кордавы. Часть города, подвергшаяся пожарам и разрушениям во время боя в Преисподней, так и осталась невосстановленной. Они бросили лодку и подобно привидениям двинулись мимо закопченных стен и обгоревших досок к потайному входу, ведущему в Преисподнюю.

Их появление не вызвало подозрения у здешних обитателей. Конан опасался, что его могут узнать. Гигантская фигура киммерийца была хорошо известна горожанам, поэтому они двигались в тени, стараясь избегать редких освещенных участков. Большая часть жителей Преисподней симпатизировала восставшим, но даже среди них всегда мог найтись негодяй, польстившийся на высокое вознаграждение, обещанное за голову знаменитого варвара. Конан надеялся, что слухи о том, что он стоит во главе армии, которая завтра собирается атаковать Кордаву, усыпят подозрения тех, кто может заметить его. Кому в голову придет, что военачальник армии мятежников тайком пробирается по Кордаве?

Мордерми последовательно обрубил все корни Белой Розы, после того, как она заняла открыто оппозиционную сторону. Его задача облегчалась тем, что он лично знал всех ее руководителей. Но многие более мелкие руководители сумели скрыться в Преисподней и не были арестованы. Сантиддио поддерживал с ними постоянную связь, несмотря на жестокие репрессии со стороны Мордерми, и Конан надеялся получить у этих людей поддержку.

Свернув в переулок, зажатый массивными стенами домов, Конан постучал в низенькую дверцу. Стук был условным. Из-за двери послышался приглушенный голос. Конан что-то ответил, дверь отворилась, и они вошли.

В грязной комнате сидела компания людей, среди которых были мужчины и женщины. Воздух был затхлым от испарений мочи, запаха давно немытых тел и дыма гашиша. Было видно, что собравшиеся здесь люди не привыкли к подобной обстановке. И настороженные лица молча рассматривали пришельцев. Под плащами топорщилось принесенное с собой оружие, и можно было не сомневаться, что в случае необходимости, оно будет пущено в ход. Почти половину этих людей Конан знал. Слышался шепот.

- Мы приветствуем тебя, Конан, - выступил вперед самый главный из собравшихся. - Сантиддио предупредил нас о твоем приходе, но я до последней минуты, признаться, не верил в это. Здесь все, кого я смог собрать - многие отказались прийти, сочтя нашу встречу бессмысленной.

Конан обвел взглядом сидящих в комнате. Их лица было трудно узнать. На них лежала печать решимости и жестокости. Это были уже не те веселые, самоуверенные спорщики из Белой Розы времен правления короля Риманендо. Это были борцы: решительные, а потому опасные. Такие люди нравились Конану.

- Чем меньше вы будете знать, тем лучше для вас, - начал он,

обращаясь к собравшимся. - Вы знаете, кто я, а значит догадываетесь, что мое появление здесь не случайно. Мне нужно, чтобы примерно через час вы устроили беспорядки возле самого дворца. Ваша задача - отвлечь внимание охраны, после этого можете разбегаться. Все ясно?

В комнате стало тихо. Белая Роза уже выросла из детства - те из нее, кто сумел выжить.

- Неподалеку отсюда есть еще один выход из подземелья, - сказал предводитель Белой Розы, поднимаясь на ноги. - Мы сделаем, как ты просишь.

Вскоре Конан и Дестандази из-за дверей небольшого дома рассматривали открытое пространство, отделявшее их от стен королевского дворца. Плотный туман поглощал даже лунный свет, окутав город сплошной черной пеленой. Наступил час, который в народе называют часом Волка. Часовые на стенах поеживались от холода, проклиная караульную службу, которая, по их мнению, была совершенно не нужна, коль скоро Последняя Гвардия могла с успехом отразить нападение любого врага.

Конан старался запомнить точное расположение постов. Правда, их число могло измениться - ввиду предстоящей битвы Мордерми может увеличить охрану. Для того, чтобы проникнуть в башню, необходимо было перелезть через крепостную стену. Другого пути не было.

Тишину нарушили крики, доносившиеся от главных ворот. Конан, находившийся у противоположной стены, видел, как в этом месте туман стал желтым от света факелов. До него долетали отдельные фразы, которые по его просьбе выкрикивали члены Белой Розы.

- Солдаты Зингары! Зачем вы служите тирану, который предал свой народ?

- Чьи братья падут от рук его каменных наемников?

- Приближается освободительная армия! Неужели вы станете убивать своих братьев, чтобы спасти тирана?

- Бросайте оружие! Порвите оковы рабства! Смерть тирану! Смерть Мордерми!

Шум продолжал усиливаться. По ярким всполохам Конан догадался, что это горит здание на площади. Часть гарнизона срочно бросилась на подавление беспорядков, глаза всех остальных стражников были направлены в ту же сторону.

Конан решил, что цель достигнута.

- Пора, - прошептал он.

Оставив укрытие, они быстро миновали открытое пространство и

очутились в тени дворцовой стены. Их темные плащи полностью сливались со стеной, и заметить лазутчиков было почти невозможно. Конан прислушался. Все было тихо.

Он размотал обвязанную вокруг талии тонкую шелковую веревку необычайной крепости с узлами, чтобы было удобнее лазать. На одном конце веревки был привязан крюк. Конан размахнулся и забросил крюк на стену. Крюк тихо звякнул и зацепился. Конан подождал. Туман приглушал звуки, и в ночной тишине доносились только отголоски свалки у главных ворот. Конан подтянулся на веревке, проверяя ее надежность. Крюк держался.

- Ты готова? - спросил он. Киммериец был ловок, как ящерица, и для него не представляло труда взобраться на эту стену; он беспокоился о Дестандази. Хотя она за время путешествия проявила себя ловкой и решительной девушкой, лазанье по стенам было не вполне женским занятием.

- Да, - прошептала Дестандази. Они сбросили плащи, мешавшие их движениям. Конан скатал их и засунул за пояс. На Дестандази было мужское платье, более пригодное для предстоявшей вылазки. В черном камзоле ее можно было принять за молодого мальчика. Шелковая ткань плотно обтягивала ее тело, и Конан заметил, что одна грудь у нее почему-то меньше другой.

- Ну пошли? - спросила она с тем же ледяным спокойствием.

Конан полез первым на случай, если на стене окажется часовой. Взобравшись, он внимательно огляделся. Под ним была улица, их разделяло примерно пятьдесят футов. На этом участке стены никого не было. Ложные беспорядки у ворот сыграли свою роль. Придерживая веревку, он взглянул вниз. Дестандази быстро двигалась вверх, крепко цепляясь за узлы. Сейчас она напоминала большуюдискую кошку.

Дворец стоял посередине пространства, обнесенного крепостными стенами. Ближе к главным воротам помещались солдатские казармы. Между задней стеной и дворцом высилась стоящая башня, куда им предстояло попасть. Первоначально она была главной башней крепости, но по мере того, как крепость разрасталась, крепостные стены отодвинулись. Это была, пожалуй, единственная постройка старой Кордавы, пережившая землетрясение. Когда были выстроены стены новой Кордавы, башня потеряла свое оборонительное значение. Теперь Каллидиос нашел ей применение.

Пригибаясь, чтобы их не было видно за парапетом крепостной стены, Конан и Дестандази незамеченными добрались до основания башни. Шум

у ворот стал затахать. Видимо, стражники разогнали смульянов. На востоке появилась светлая полоска. Начинало светать. Надо было торопиться.

Массивные стены башни почти не были тронуты временем. Их толщина у основания поражала своими размерами. Проникнуть в башню можно было только через крышу.

Конан бросил крюк, натянул веревку и выругался. Крюк соскользнул обратно и упал на сложенную кольцами веревку. Вторая попытка была более удачной - крюк зацепился прочно. Киммериец быстро взобрался на крышу башни и по привычке осмотрелся.

Все было спокойно. Очевидно, Каллидиос, опасаясь слежки, не рисковал ставить здесь часовых. Он доверил им только наружную охрану.

Конан повернулся, чтобы помочь Дестандази. Он не видел, что происходит у него за спиной и только первобытный инстинкт в последнее мгновение предупредил его о надвигающейся опасности. В темноте послышались гулкие шаги. Из мрака вынырнула черная блестящая фигура Последнего Гвардейца. Конан крикнул, чтобы предупредить Дестандази об опасности, и отскочил в сторону от обрушившегося на него удара. Обсидиановое лезвие ударилось о парапет в том месте, где он только что стоял. Каменное оружие едва не перерубило шелковую веревку. От такого удара любой меч переломился бы пополам. Но обсидиановое лезвие только раскрошило камень. Конан начал отступать, инстинктивно выхватив шпагу. Он должен был отвлечь внимание дьявола, пока Дестандази не спустилась обратно на землю. Каменный демон неумолимо настигал киммерийца. Земное оружие было бесполезно против сил Зла. Только многолетние рефлексы воина, заключенного в каменную оболочку, заставляли его выполнять защитные приемы по всем правилам фехтовального искусства вместо того, чтобы просто сокрушить беспомощного киммерийца голыми руками.

Дестандази вскарабкалась на парапет, и ее лицо побелело при виде этого неравного боя.

- Уходи! - выругался Конан. Внизу тоже было небезопасно, но здесь их обоих ждала верная смерть.

Каменное создание повернулось, чтобы взглянуть на нового врага. Дестандази в ужасе вскрикнула. Ее рука схватилась за веревку, но в этот момент крюк соскочил с насадки. Она попыталась схватить его, но пальцы ее не слушались. Веревка вырвалась из рук и с тихим шелестом упала вниз.

Конан, как вооруженный противник заслуживал большого внимания, чем беззащитная девушка, поэтому демон снова повернулся к киммерийцу.

Конан попытался парировать следующий удар, но чуть было не выронил шпагу, с такой силой он был нанесен. Спиной он почувствовал, что стоит на краю башни и поэтому при следующем ударе вместо того, чтобы отступить, он неожиданно нырнул под руку противника.

Дестандази издала пронзительный крик. Но это не был крик ужаса. Звукосочетания, которые она издавала, на короткое мгновение пробудили в мозгу Конана что-то до боли знакомое, но давно и прочно забытое. Он так и не понял назначения этого крика, хотя в нем, несомненно, был какой-то скрытый смысл.

Каменный дьявол быстро повернулся лицом к Конану и сделал шаг вперед. И тут из темноты вырвались непонятные существа и облепили лицо демона.

Летучие мыши. Целая туча летучих мышей. Они атаковали голову каменного воина. Их зубы и когти не могли причинить вреда обсидиановой плоти, но внезапное нападение на какое-то время отвлекло внимание гвардейца.

Конан не раздумывая бросился вперед и что есть силы нанес удар шпагой в непробиваемую грудь своего соперника. Стальное лезвие согнулось.

Инерция удара отбросила каменного воина назад. Потеряв равновесие, он свалился с парапета вниз.

Снизу донесся характерный звук удара о землю, и башня слегка вздрогнула.

Конан посмотрел вниз, но в темноте ничего нельзя было разглядеть.

- Если он не убился при падении, то будем надеяться, он не скоро заберется обратно на башню. Черт возьми! Сейчас сюда сбежится ползамка. Слыханное ли дело: дьявол грохнулся с башни!

Он поспешил отошел от края парапета.

"Летучие мыши, - подумал он. - Наверняка, это Дестандази позвала их".

- Это счастье, что они отозвались, - словно угадав его мысли, откликнулась девушка. - Немногие животные ПОМНЯТ. Но те, кто ПОМНЯТ, услышали мой приказ.

- Похоже, мы близки к цели, - сказал Конан. - Каллидиос не доверяет своим людям и поставил на охрану башни каменного дьявола.

- Только бы не оказалось поблизости других!

- Каллидиос наверняка посчитал, что достаточно одного. Иначе бы они напали вместе.

Конан внимательно осмотрел темное помещение лестничной

площадки. Его чуткое ухо уловило звук шагов, поднимающихся по лестнице. Тихо выругавшись, Конан притаился за дверью, ведущей на лестницу.

Дверь, конечно же, была заперта - Каллидиос никому не доверил бы ключ. Значит, если дверь откроется, то это будет Каллидиос, и Конан убьет его в то же мгновение.

Но вместо скрежета ключа в замке послышался осторожный стук. Затем он повторился, и мягкий голос позвал:

- Каллидиос? Ты здесь? - Так как ответа не последовало, чья-то рука потрогала замок. Он был заперт. Шаги быстро удалились.

- Плохо, - проворчал Конан, - сейчас они приведут Каллидиоса. А он не такой дурак, чтобы самому, войти в дверь. Когда они обнаружат внизу веревку, все следы неминуемо приведут их сюда.

Он присмотрелся к двери, ведущей в комнату Каллидиоса. Помимо замка, дверь башни наверняка скреплена еще крепкой дубовой доской. Конан вставил металлическую дубину в скобы. Они были старые, изношенные, ведь башню строили на века. Раздался треск.

Черные тени в комнате уже поблекли. Конан вошел и посмотрел на окна. За окном разгорался день. Сантиддио уже начал наступление. Его ждет смерть, если они не добьются здесь успеха.

- Чего мы ждем? - Конан взял лампу и зажег фитиль. Подняв ее повыше, он осветил комнату, куда они забрались, чтобы сокрушить злые чары Каллидиоса.

Конан бывал в тайных пещерах колдунов, поэтому он, в какой-то степени, был готов к тому, что должно было предстать перед его глазами. Но жилище Каллидиоса было прямой противоположностью тому, что он видел раньше. Комната больше напоминала могильный склеп или анатомический театр.

По всей комнате валялись трупы людей, умерших недавно или почти уже разложившихся. Они были разбросаны в беспорядке, как игрушки в детской комнате. Ворохе размотанных тканей лежала мумия. Стоявший неподалеку саркофаг был полон человеческих костей с прилипшими к ним кусочками высохшего мяса. В шкафу стояли сосуды с плавающими в них человеческими зародышами. На крюке, вбитом в стену, висел великолепно обработанный человеческий скелет. Пол комнаты был усеян обугленными костями.

Конан в изумлении покачал головой. В воздухе стоял тяжелый запах гниения и какой-то специфический запах то ли масел, то ли каких-то специй, которыми натирают покойников. На затоптанном, грязном полу

кое-где сохранились следы замысловатых пентаграмм, начертанных мелом. На низеньком столе вперемежку с книгами валялись старинные свитки.

- Притон некроманта, - голос Дестандази нарушил тягостную тишину. Но здесь ли находится тело Калениуса?

- Черт возьми! Что все это значит?

- Может, Каллидиос ищет способ отыскать забытые сокровища. А может, хочет увидеть будущее. Я думаю, стигиец не лгал, когда говорил, что далеко продвинулся по пути, который выбрал.

На лестнице снова послышались шаги. На этот раз человек был не один. Ключ повернулся в замке. Конан ждал со шлагой в руке.

Дверь, которую Конан заложил тяжелой доской, дернулась, но не поддалась. Снаружи снова нажали, сначала осторожно, затем со всей силы. Дверь выдержала. Она была сколочена из крепких дубовых досок и могла выдержать удар тарана.

- Откройте дверь и выходите, - послышался голос Каллидиоса. - Если вы подчинитесь, вам не причинят вреда. Я уважаю смелых людей. Вам дадут мешок золота и позволят беспрепятственно выехать из Зингары.

Стигиец решил начать с подкупа. Не дождавшись ответа, он заговорил другим тоном:

- Ну что ж, вы пожалеете об этом.

Убедившись, что двери ничего не угрожает, Конан принялся помогать Дестандази в ее поисках. Правда, нельзя было упускать из виду и парапет: враги могли воспользоваться их способом и подняться по веревке.

- Любой из этой падали может быть Калениусом, - выругался Конан. - Но его тело должно быть здесь. Иначе Каллидиос не старался бы выкурить нас из своей берлоги. Колдуна пора браться за свое черное ремесло - Последняя Гвардия уже должна быть готова к отражению штурма.

В нетерпении Конан схватил один из гробов и вытряхнул его содержимое на пол. Затем он принялся за каменный саркофаг. Тяжелая крышка долго не хотела поддаваться, но вскоре соскользнула в сторону, открыв взору киммерийца гниющие останки. Конан сорвал обрывки материи с первой попавшейся под руку мумии и заглянул в безжизненное лицо.

За дверью было тихо. Очевидно, нападавшие отправились за топорами или ломами. Конан продолжал поиски, не упуская из виду дверь. Изредка его чуткий слух улавливал слабый звук, похожий на царапание, и больше ничего. Это беспокоило варвара: Каллидиос был хитер.

Внезапно комнату наполнил ужасный голос, в котором отдаленно угадывались интонации стигийца:

- Калениус! Встань и исполни мою волю!

Груда костей на полу зашевелилась, и из-под нее поднялся обнаженный человек. Он походил на спящего, поднятого с постели, если бы не ледяной холод, которым веяло от его движений. Король Калениус, чей облик не изменился за много тысячелетий, смотрел на них пустыми глазами, в которых горел мрачный огонь, придавая мертвому лицу видимость жизни.

- Калениус! - завывал за дверью некромант, - Пусть воины, охраняющие нижний вход в башню, поднимутся сюда, сломают дверь и уничтожат пришельцев.

Мертвый король не издал ни звука, но до Конана тут же донеслись тяжелые шаги каменных ног, поднимающихся по ступеням лестницы.

- Торопись, Дестандази, - хмуро проворчал он.

Девушка стояла спиной к киммерийцу и смотрела на мертвого короля.

- Следи за дверью, - сказала она повелительным тоном, - и ради своей жизни, не оборачивайся. Только избранные могут быть посвящены в тайны Джеббал Саг. Для остальных они представляют смертельную опасность!

Конан отвернулся. При этом он краем глаза успел заметить, как Дестандази стала чертить в воздухе какие-то знаки. Голубое пламя горело на кончиках ее пальцев. Конан поспешил отвел глаза, и жрица забытого бога затянула песню на неизвестном языке, пробуждавшем какие-то смутные воспоминания.

Сильный удар потряс дверь. Конан стиснул в руке бесполезную шпагу. От второго удара вылетели толстые железные скобы, затрещали доски.

- Так... много... сил... - выдавила из себя Дестандази. - Надо... еще... попытаться...

От града ударов нечеловеческой силы со стенсыпались камни. Доски начали ломаться. Треск дерева, скрежет железных болтов, и вот уже одна черная рука появилась в проломленном отверстии. Пальцы начали расширять его, отламывая и кроша куски дерева.

Появилась вторая рука. Дверь рушилась на глазах. Конан осмотрелся в поисках какого-либо тяжелого предмета, которым можно было бы забаррикадировать дверь, понимая, что и это не остановит каменных дьяволов.

Внезапно за его спиной раздался хриплый вздох и звук падающего тела. Дестандази застонала.

Конан не успел осознать, откуда эти звуки, как разрушение двери прекратилось.

Рука из черного камня безжизненно повисла в отверстии. Киммериец

ждал продолжения атаки, но рука не шевелилась. В каменной плоти начали появляться трещины, и она стала осыпаться, обнажая искрошенные кости. Куски обсидиановой плоти падали на пол и рассыпались в пыль.

Конан почувствовал дурноту от запаха разлагающихся останков. Отвернувшись от мерзкого зрелища, он постарался справиться с подступившей к горлу тошнотой. Подхватив на руки потерявшую сознание Дестандази, он поспешил на крышу башни, на свежий воздух.

Перед ним раскинулась панорама крепости. Всюду, где недавно несли службу Последние Гвардейцы, виднелись зловонные лужи разложившейся плоти, тысячелетия находившейся в оболочке из камня. Королевские солдаты в панике разбегались, напуганные непонятным зрелищем.

То же самое творилось и у главных ворот, где была сосредоточена основная масса Гвардейцев для отражения атаки повстанческой армии. Ужасное и непонятное исчезновение непобедимых союзников деморализовало защитников Кордавы, многие из которых рассчитывали не принимать участия в битве, а наблюдать ее с безопасного расстояния.

С башни Конан наблюдал, как армия повстанцев разворачивается и выходит на исходный рубеж для начала атаки, которая еще несколько минут назад казалась безнадежной. Отряды разведчиков уже спешили назад, неся радостную весть о том, что колдовская армия Мордерми уничтожена другим, более сильным волшебством. Сантиддио теперь мог, не теряя времени, начинать атаку, тем более, что сопротивляться было почти что некому. Слух о том, что каменная армия рассыпалась в прах при одном приближении повстанческой армии, быстро разнесся по Кордаве, жители которой были склонны видеть в этом знак богов, возвещавший о конце правления ненавистного тирана.

Шаркающие шаги за спиной заставили Конана обернуться. Дверь была почти сломана каменными воинами, и любой мог беспрепятственно проникнуть в комнату.

Перед киммерийцем стоял Каллидиос, в глазах которого светился безумный огонек, сменившийся потоком ненависти при виде Конана. Губы стигийца извивались, как змеи.

- Так это ты, киммериец, - произнес он, четко выговаривая слова. Пешка побила короля. Но это не по правилам. Теперь ты погубил и меня. Я был нужен Мордерми только для управления Последней Гвардией. Теперь ее нет, и Мордерми убьет меня.

- Я избавлю Мордерми от хлопот, - заверил стигийца Конан, доставая свой меч.

Глаза Каллидиоса сверкнули, когда он взялся за рукоять своей шпаги.

Конан дал ему время обнажить оружие. Он бы мог убить стигийца, как бешеную собаку, но решил дать тому возможность умереть, как мужчине. Правда Конан сомневался, умеет ли Каллидиос обращаться со шпагой - ему ни разу не доводилось видеть, чтобы стигиец обнажал оружие.

Шпага Каллидиоса показалась из ножен. Ее лезвиеказалось чересчур длинным. Стигиец сделал выпад. Острье клинка было направлено на горло киммерийца. Но это было не стальное лезвие, а живая змея! Из ее разинутой пасти торчали смертельно ядовитые клыки.

Конан отскочил в сторону и сильным ударом отрубил змее голову. Она покатилась по полу. Каллидиос дико захотел, взмахнул шпагой и снова сделал выпад. Другая змеиная голова устремилась к лицу Конана.

Конан опять рубанул страшное оружие, и еще одна змеиная голова упала на землю. Каллидиос двигался со змеиной быстротой, и никакой фехтовальщик не смог бы долго выдержать такой темп.

- Защищайся, варвар! - ехидно усмехнулся Каллидиос. - Посмотрим, насколько тебя хватит. Голова появляется после каждого удара, и клыки все так же смертоносны. Потанцуй для меня!

Конан знал, что долго ему не продержаться. Опять змеиная голова покатилась по каменным плитам, а колдун, издаваясь, держался вне досягаемости от его меча. Следующую змеиную голову Конан отрубил возле самой груди.

Быстро взглянув вниз, чтобы убедиться, что он не задет, Конан заметил заткнутые за пояс плащи. Свободной рукой он достал их и в момент очередной атаки Каллидиоса бросил вперед.

От резкого движения плащи развернулись, и живое лезвие оказалось в ловушке из черного шелка. Каллидиос выругался, пытаясь освободить свое оружие, но меч Конана ударил мгновенно, и некромант отправился туда, откуда вызвал души своих умерших.

Змея бешено вертелась в складках плаща. Конан наступил на нее ногой и с осторожностью давил до тех пор, пока всякое движение не прекратилось.

Дестандази потихоньку приходила в себя. С усилием она поднялась на ноги и посмотрела на труп Каллидиоса.

- Итак, все кончено. - В глазах ее читалась смертельная усталость, слишком много сил было отдано в борьбе с темными силами Зла.

- Остался еще Мордерми, - напомнил Конан.

Он знал, что это только вопрос времени. Захват Кордавы войсками мятежников больше напоминал триумфальное шествие, чем вооруженную борьбу. Защищать город было некому: часть солдат короля бежала, часть

добровольно сдалась в плен, и лишь немногие пытались продолжать сопротивление. Остальных уничтожила толпа.

Конан с отвращением отвернулся от этого зрелища. Ему уже доводилось видеть нечто подобное.

- Остался еще Мордерми, - повторил он.

Они спустились с башни. На пороге входной двери киммериец заметил небольшую горстку пыли и несколько кусков заржавленного металла, который быстро рассыпался под ногами.

Солдаты покинули дворец. Остались только те, кто надеялся успеть чем нибудь поживиться. Шум толпы приближался, скоро она будет здесь.

Никем не остановленные, они прошли во дворец. Меч Конана был обнажен, но это оказалось ненужным. Последняя Гвардия исчезла, оставив прежних господ на милость тех, кого они угнетали. Зная, что милости не будет, последние защитники разбежались кто-куда.

Конан уверенно направлялся к покоям Мордерми; он хорошо знал дорогу. Толкнув дверь, он очутился на половине короля Зингары.

Мордерми был занят тем, что перекладывал наиболее дорогие драгоценности из сундуков в объемистый мешок, явно печалясь о том, что не может захватить с собой все. Король Зингары был одет в грязный костюм простолюдина и заношенный плащ. Свалявшаяся пудра придала его волосам грязно-пепельный цвет. Голова была обмотана окровавленным бинтом. В этом обличье он вполне мог затеряться в толпе и ускользнуть от расплаты.

- Тебе нужно было бежать с остальными крысами, - громко сказал Конан. - Или капитанская крыса покидает корабль последней?

Мордерми оторвался от своего занятия.

- А, это ты, Конан. Уже здесь? Я думал, восторженные объятия встречающих несколько задержат твоё триумфальное шествие.

- Твои доброжелатели уже готовы к новой коронации. Ты помнишь предыдущую? Конечно, сначала нужно провести церемонию отречения.

Мордерми сбросил маскарадную повязку.

- Я рад, что именно ты, Конан, пришел брать меня в плен. Я знаю, ты человек чести, и я могу считать тебя своим должником.

- На что ты надеешься, Мордерми? На всем белом свете не същется такой длинной веревки, чтобы увязать мешок с твоими преступлениями.

- И это мне говорит мятежник, которого я спас от виселицы? - в голосе Мордерми зазвучала боль. - Я думал о тебе лучше, Конан. На нашем с тобой счету столько преступлений, что, попади мы в руки правосудия, нас бы вздернули уже сотню раз.

- Я друзей не предавал, - отрезал Конан.

- О, господи! Если бы я мог исправить свои ошибки! Ты был прав, Конан. Я должен был убить стигийца в первую же ночь, как он появился здесь. Он опутал мой разум ложью и коварством. Я убежден, что он управлял моими желаниями с помощью колдовства или дурманяющего зелья.

- Единственный дурман, который отравил твой мозг - это ненасытная жажда власти. Каллидиос, как и все мы, был лишь пешкой в твоей игре. Но чем больше ты получал власти, тем ненасытнее становились твои желания. Я любил тебя до того, как жажда власти помутила твой рассудок. А может быть, эта зараза жила в тебе все это время и ждала удобного случая вырваться наружу. И ты дождался часа, когда смог всадить нож в спину своих друзей и по их мертвым телам подняться на престол.

- Прекрасная речь. Ты делаешь успехи, Конан, - сказал Мордерми с издевкой. - Сантиддио был прав - ты альтруист. Ну ладно, зови своих людей. Я отдаю себя на суд народа.

- Каких людей?! - рассмеялся Конан. - Дворец пуст. Кроме нас здесь никого нет. Сантиддио ведет свою армию по улицам Кордавы. Мы с Дестандази перелезли утром через крепостную стену и разрушили колдовские чары Каллидиоса. В этом ты нам помог, убив Сандокадзи - в противном случае, нам бы не удалось уговорить ее сестру прийти сюда. Неужели бедная Кадзи верила тебе все это время, пока на ее шее не затянулась петля? Ты знаешь, что она заставила нас с Сантиддио дать слово, что мы не убьем тебя?

Конан в своей горячности уже сказал слишком много. Выражение лица Мордерми изменилось, и он быстро нажал какой-то рычажок, спрятанный под крышкой стола. Не раздумывая, Конан издал крик и бросился вперед.

Пол за его спиной провалился, обнажив темное зияющее отверстие, на том месте, где только что ступала нога киммерийца.

Дестандази, еще не пришедшая в себя после изгнания духов, не успела среагировать на его крик. Приглушенно вскрикнув, она провалилась в предательскую западню.

Одним прыжком Конан очутился возле стола, сбросив мешок с сокровищами на пол. Мордерми проворно отскочил в сторону, выхватывая на ходу шпагу.

- Я вижу, ты все еще предпочитаешь широкий меч, варвар, - засмеялся предатель. - Хочешь получить еще один урок фехтования?

Ослепленный гневом, Конан бросился на него, едва не пропустив

встречный удар шпагой. Отбив легкое лезвие, он рубанул наотмашь. Мордерми со смехом отскочил.

Гнев мешал киммерийцу сосредоточиться. Мордерми почувствовал это и старался посильнее раззадорить варвара, чтобы он окончательно потерял голову и не раздумывая бросился в атаку. Тогда Мордерми мог остановить его своим коронным ударом.

Конан непрерывно теснил своего противника. Пока еще ни один клинок не попал в цель. Конан вращал тяжелым мечом с такой скоростью, что Мордерми не рисковал раскрыть свою защиту и контратаковать. Ему не раз приходилось наблюдать киммерийца в деле, поэтому он предпочел избрать тактику выжидания, чтобы нанести удар наверняка.

Шум во дворе усилился, и Мордерми понял, что тактика выжидания играет в пользу Конана. Он должен был немедля поразить своего соперника, или все пути к отступлению будут для него закрыты.

Внезапно Мордерми увидел возможность для контратаки. Конан нанес очередной сильный удар, и когда лезвие его меча оказалось внизу, Мордерми сделал резкий выпад. Шпага должна была пронзить сердце киммерийца, но в последний момент варвар повернулся, и тонкое лезвие проткнуло толстую мышцу плеча.

Конан издал стон, резко рванулся и тонкий клинок сломался.

Мордерми отпрянул назад, но Конан успел перехватить его свободной рукой и с силой ударили рукоятью меча в лицо.

Теряя сознание, Мордерми рухнул на пол. Стоя над ним Конан брезгливо вытащил из плеча обломок шпаги и отбросил прочь.

- Вот она, твоя дворянская игрушка, - сказал он. - Я бы прикончил тебя с сотней таких булавок в шкуре.

Лицо Мордерми представляло собой сплошную кровавую рану. Его нервы не выдержали.

- Ты поклялся, что не убьешь меня, - взмолился он. Вид киммерийца, с кровью, льющейся из раны, и глазами, полными бешеной злости, не предвещал ничего хорошего.

- Я не убью тебя, - ответил Конан. - Иначе я сделал бы это давно, а не старался обезоружить тебя с риском для жизни. Ты сам сказал, что я человек чести, и я сдержу данное слово.

Толпа уже ворвалась во дворец. До Конана доносились звон разбивающихся стекол, треск дверей на первом этаже. Скоро толпа заполнит весь дворец. Конан уже видел это однажды.

Он подошел к окну и распахнул его. До земли было чуть больше десяти футов. Внизу колыхалось море разгневанных лиц, в окна полетели

камни. Толпа, долгое время жившая в страхе перед Последней Гвардией, теперь жаждала крови.

- Конан, что ты делаешь. Ты дал слово не убивать меня!

- Я не убью тебя, - повторил Конан. - Ты хотел суда народа?! Я помогу тебе в этом.

Протолкнув бешено сопротивляющегося короля в окно, Конан швырнул его в толпу. Крики снизу заверили его, что падение не было смертельным для бывшего монарха.

Когда Сантиддио вошел во дворец, грабители успели растащить все, оставив голые стены. За это время Конан спустился в тайную западню и принес бездыханное тело Дестандази. Он сидел рядом с ее останками, накрытыми плащом, привалившись спиной к стене. Сантиддио что-то говорил, но смысл его слов не доходил до Конана.

- Она навечно останется в народной памяти, как героиня Освобождения, - закончил Сантиддио. - Вся Кордava знает, что это вы вдвоем с ней освободили страну от Последней Гвардии, а с ней и от тирании Мордерми.

Он указал на распахнутое окно. Оттуда доносились приветствия толпы.

- Конан! Конан!! Конан!!!

- Ты герой, Конан, - сказал Сантиддио. - Скажи, что ты согласен принять корону, и народ с радостью присягнет тебе.

Корону нашли в одном из потайных ящиков Мордерми, и сейчас Сантиддио протягивал ее киммерийцу.

- Иди к черту, Сантиддио! Я не хочу ее видеть!

- Я понимаю твои чувства, Конан, - сказал Сантиддио. - Мы оба понесли большие утраты. Но пойми, Зингаре нужен король. Народ любит тебя, ты национальный герой. Прими корону.

- Сантиддио, - в голосе Конана звучала грусть, - утром я возьму лодку и отвезу Дестандази в ее убежище.

- Ты передумаешь.

- Нет, не передумаю.

Сантиддио задумчиво вертел корону в руках. Перед его глазами все еще стояли картины его триумфального шествия по Кордаве. Приятные воспоминания! В толпе слышались отдельные выкрики:

- Сантиддио! Сантиддио!

Конан посмотрел на него. Сантиддио вздохнул.

- Если до завтра ты не передумаешь, корону придется принять мне. Зингара должна иметь короля, пока не будет принята новая конституция.

- Я не передумаю, - повторил Конан. - Я не передумаю до тех пор, пока не пойму: власть - орудие в руках людей, или люди - орудия в руках власти.